DK
511
.V65V4

4164

Class

Book

YUDIN COLLECTION

2106

1167
Verderevskii, Evgenii Aleksandrovich

ОТЪ ЗАУРАЛЬЯ

до

ЗАКАВКАЗЬЯ,

юмористическія, сентиментальныя и практическія

ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ

Е. Вердеревскаго.

МОСКВА.
Въ типографіи В. Готье.
1857.

DK511
.V65 V4

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 25-го февраля 1857 года.

Цензоръ *В. Флеровъ.*

А.Е. Арх. 37/12

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Письма съ дороги отъ Зауралья до Закавказья, хотя не вполнѣ, но уже знакомы читающей публикѣ: нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ», другія—въ газетѣ «Кавказъ.» Теперь-только всѣ онѣ собраны въ одно изданіе, пересмотрѣны, исправлены и значительно дополнены. Издавая ихъ отдѣльною книгою, авторъ руководствовался желаніемъ представить публикѣ свои очерки юго-восточной Россіи такъ, чтобы они изъ отрывочныхъ статей газетнаго фельетона превратились въ нѣчто цѣлое и болѣе полное, и такимъ образомъ сдѣлались-бы болѣе достойными вниманія любознательнаго читателя....

Другимъ побужденіемъ къ отдѣльному изданію этихъ путевыхъ замѣтокъ,—немножко *сентиментальныхъ*, немножко *юмористическихъ*, а отчасти и *практическихъ*, —

была та мысль автора, что, можетъ быть, въ настоящее время, когда мы такъ много путешествуемъ за границею, и еще болѣе пишемъ и читаемъ о разныхъ сенсаціяхъ *заграничныхъ*, — настоящія, *домашнія* путевыя впечатлѣнія не для всѣхъ будутъ непріятнымъ контрастомъ: побывавшему въ гостяхъ хорошо иногда заглянуть и домой, — что̀ свидѣтельствуетъ и старая (хотя, впрочемъ, не всегда вѣрная) пословица:

«Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше.»

Е. В.

Москва.
27 Августа, 1857.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Письмо 1-е. *Введеніе.*

Два рода путевыхъ записокъ. Побудительныя причины къ моимъ замѣткамъ. Планъ ихъ. Полезный отдѣлъ въ газетахъ. Весна въ Ирбитѣ — какъ время и точка моего отправленія 1

Письмо 2-е. *Ярмарка.*

Зимняя дорога и ѣзда до Ирбита. Мѣстоположеніе Ирбита. Квартиры на ярмаркѣ. Внѣшній видъ ярмарки. Назначеніе Ирбитской ярмарки. Таблица ея оборотовъ за десять лѣтъ. Исторія ярмарки. Цѣны на главныя статьи торга въ послѣднюю ярмарку. Главнѣйшія статьи привоза и сбыта. Отношеніе пріѣзжаго народонаселенія къ обычному. Г-нъ N, и мое знакомство съ нимъ. Два случая съ нимъ: первое знакомство и чужія шубы. Масляница въ Ирбитѣ. Экстраординарное представленіе въ театрѣ. Биржевый залъ и сцена съ московскими концертантами. Балы въ Собраніи. Вечернія увеселенія. Уличныя увеселенія и костюмы. Вечернія ощущенія въ пріятельскихъ кружкахъ. Сонъ и сновидѣніе изъ Ада Божественной Комедіи Данта 7

Письмо 3-е. *Обратный путь, чрезъ Уралъ, изъ Азіи въ Европу.*

Степная площадь отъ Ирбита до Екатеринбурга. Екатеринбургскій бульваръ. Соборная площадь и гостинница. Хозяинъ гостинницы и знаменитый Гумбольдтъ. Humanum est errare. Уральскіе камни и печати. Монетный дворъ. Гранильная фабрика. Механическая фабрика. Необитаемый домъ или характеристика мѣстнаго быта. Жизнь для себя

Стр.

и жизнь для гостей. Отрывокъ изъ повѣсти казака Луганскаго. Баснословный свадебный пиръ. Женскіе костюмы и юноши съ Лондонской выставки. Отрывки изъ поэмы моего пріятеля. Граница Европы съ Азіей. Кленовская гора и характеръ зимняго уральскаго горнаго пейзажа. Златоустовскіе ключи. Кунгуръ, его отличительныя свойства и древнее патріархальное обыкновеніе 31

Письмо 4-е. *Пермь, и отплытіе на камскомъ пароходѣ.*

Послѣдній пріѣздъ въ Пермь. Всѣмъ извѣстныя случайности на почтовыхъ дорогахъ и на дорогѣ жизни. Глушь ли въ Перми? Изнанка и лице пермской обычной жизни. Совѣты будущимъ посѣтителямъ Перми. Неаккуратность въ назначеніи времени отплытія пароходовъ. Отплытіе . . 46

Письмо 5-е. *Тысячверстное и четырехдневное плаваніе отъ Перми до Казани.*

Неосновательное разсужденіе о русскомъ рѣчномъ пароходствѣ. Пароходныя компаніи. Пейзажи. Лоцмана. Пароходная кухня. Г. Оханскъ. Кама—мать рѣкъ русскихъ. Ночной видъ съ палубы. Измѣнчивость камскихъ береговъ. Острова. Усть-рѣчкинская пристань. Г. Сарапуль и уѣздные часы. Уральскій караванъ. Г. Елабуга. Еще ночной видъ съ палубы. Чистополье, черемуха и женщины. Встрѣча съ пароходомъ «Заря». Перемѣна въ растительности. Усть-камье. Флаги и салюты. 70 верстъ вверхъ по Волгѣ. Послѣдняя ночь на палубѣ 55

Письмо 6-е. *Казань, и путь до Симбирска.*

Нынѣшняя физіономія Казани. Пароходныя конторы. Контора транспортовъ и патріархальная простота ея дѣйствій. Номера Рязанова и «большія города» на Руси. Плохой обѣдъ и плохое помѣщеніе въ лучшей гостинницѣ. Касса театра. Театральныя впечатлѣнія. Переправа черезъ Волгу. Видъ Заволжья. Пѣсня бурлаковъ. Языкъ и физіономія народа. Помѣщичій міръ и воспоминаніе о Чичиковѣ. 70

Стр.

Письмо 7-е. *Симбирскъ и путь до Саратова.*

Скромная гостинница. Домъ Собранія. Клубъ и кружащіеся столы. Памятникъ Н. М. Карамзину и его библіотека. Библіотека Н. Языкова. Г. Сызрань, просо, воробьи и инвалидъ. Необычайный разливъ Волги. Чехонь или бѣшеная рыба. Г. Вольскъ и его панорама 81

Письмо 8-е. *Саратовъ, нѣмецкія колоніи, степные хутора и донскія станицы.*

Наружность Саратова. Рыба и мѣстный табакъ. Нѣмецкое царство. Костюмъ, обычаи, дома внутри и снаружи. Пѣсня нѣмца-ямщика. Рѣка Балыклей и опять бѣшеная рыба. Дубовскій Посадъ и путешествіе моего знакомаго. Г. Царицынъ и саратовскіе хутора. Элегія. Пятиизбянская станція и контрастъ съ элегическими хуторами и нѣмецкими колоніями. Постройки, языкъ, костюмъ. Паромъ на Дону и разговоръ съ гребцами о житьѣ-бытьѣ, о соединеніи Волги съ Дономъ. Какъ живутъ помѣщики. Нижне-Чирская станція. Полковники, офицеры, вино 88

Письмо 9-е. *Новочеркасскъ, и путь до Ставрополя.*

Извиненіе и оправданіе. Курганы. Въѣздъ въ Новочеркасскъ. Тріумфальныя ворота. Строющаяся церковь. Шоссе и мостовыя. Домъ и залы Войсковаго Правленія. Достопримѣчательности и достопамятности. Монументъ Атаману Графу Платову. Городской садъ и гулянье. Костюмы и музыка. Что сказали-бы Французы? Вино и каменный уголь. Аксайская станица и способъ переправы чрезъ Аксай, сливающійся съ Дономъ. 104

Письмо 10-е. *Ставрополь, и путь до Пятигорска.*

Быстрый переходъ отъ голой степи къ садамъ, окружающимъ Ставрополь. Блюдо съ салатомъ. Казенный тутовый садъ и школа шелководовъ. Древесный питомникъ. Движеніе въ городѣ. Жители. Кавказская форма войска. Эпоха возвышенія Ставрополя. Достопримѣчательности,

Стр.

Вода въ городѣ, и подвигъ благодѣтельныхъ людей. Станція Сабля. Приготовительныя впечатлѣнія къ зрѣлищу снѣжныхъ горъ Кавказа. 12-я верста за станціей Сабля, и видъ горъ Кавказа. Диѳирамбъ къ горамъ и охладительное размышленіе объ эстетическомъ удовольствіи. . 112

Письмо 11-е. *Пятигорскъ.*

Пятигорье. Машукъ съ восточной стороны. Догадки о процессѣ образованія въ горахъ минеральныхъ ключей. Планъ замѣтокъ о Пятигорскѣ. Докторъ, квартира и бульваръ. Мѣстные и пріѣзжіе *сноббсы*. Грушницкіе чрезъ пятнадцать лѣтъ службы. Туристы. Елисаветинская галлерея. Видъ на горы. Нравы и обычаи пьющихъ воду. Сѣрные ключи и галлереи. Надпись на чугунной доскѣ. Троицынъ день и розы. Первый балъ въ Благородномъ Собраніи. Военный sac-paletot. Ловля жениховъ и разочарованный прапорщикъ. Порядокъ дня и первое появленіе скуки 119

Письмо 12-е. *Желѣзноводскъ, Кисловодскъ и снова Пятигорскъ.*

Омнибусы для сообщеній съ Кисловодскомъ и Желѣзноводскомъ. Поѣздка въ омнибусѣ, разговоры и виды по сторонамъ дороги. Ессентуки. Кисловодскъ и галлерея Нардзанъ. Вліяніе *богатырской воды*. Прежній и нынѣшній Нардзанъ. Возвращеніе въ Пятигорскъ и русскій джигитъ. Дорога въ Желѣзноводскъ. Воспоминанія о Лермонтовѣ. Гдѣ его могила и гдѣ ей слѣдовало-бы быть. Аулъ Карасъ или Шотландская колонія. Ея исторія. Живописная мѣстность Желѣзноводска; паркъ; воспоминаніе о петербургскихъ дачахъ. Гроза въ горахъ и возвращеніе въ Пятигорскъ. 131

Письмо 13-е. *Послѣднее время въ Пятигорскѣ.*

Политическія вѣсти. Вѣсть о вертящихся столахъ. Ученая диссертація о нѣмцахъ и черкесахъ. Table d'hôte и разговоры въ собраніи. Облака. Провалъ. Легенда о князѣ, собакѣ и зайцѣ, или разсказъ татарина. Ослы, кабріолеты

Стр.

и восхожденіе на Машукъ. Надписи славолюбивыхъ путешественниковъ. Видъ съ Машука. Горячеводская ярмарка. Опасные друзья—или одолженіе сквозь слезы. Именины въ Елисаветинской галлереѣ. Аффиша о танц-классѣ. Кабардинскій аулъ: un menu du diner, пляски, музыка, пѣніе, игры и джигитовка кабардинцевъ. Нѣкоторыя древности и ремесла въ Пятигорскѣ. 143

Письмо 14-е. *Отъ Пятигорска до Владикавказа.*

Ошибочные разсчеты. Приманки путешествія въ Грузію. Метафоры моего знакомаго. Моральное послѣдствіе борьбы человѣка съ природою на Кавказѣ. Г. Георгіевскъ съ его прошедшимъ и настоящимъ. Кладбище. Типическій Г-нъ прапорщикъ В — въ. Станція Павловская и сторожевыя вышки. Мѣра прочнаго завоеванія. Станица Прохладная и степной зной. Г. Екатериноградъ и памятникъ Екатерининскаго времени. Застава на р. Малкѣ. Малорѣцкая башня. Что такое здѣшнія станицы? Разсказы казачки, урядникъ и открытое извѣстіе. Опасность — добрая приправа къ путешествію. 169

Письмо 15-е. *Отъ Владикавказа до Казбека.*

Обманутое ожиданіе. Владикавказъ или Капкай и его укрѣпленія. Осмотръ города и городская коммерція. Кожаное вино. Осетинки. Балтинская станица и станція. Горный хрусталь съ Казбека. Станція Ларсъ. Лагерь и ожиданіе Шамиля. Дарьяльское ущелье. Собственныя и чужія впечатлѣнія. Уединенная чета. Казбекская станція. Высота и климатъ. Снѣжная вершина Казбека и высота его. Сравненіе съ Эльбрусомъ и восемь стиховъ Лермонтова. Древніе храмы на вершинѣ Казбека. Церковь Архангела Михаила. Строители въ Грузіи . , ... 186

Письмо 16-е. *Отъ Казбека до Тифлиса.*

Аулы. Стада. Пастухи. Милиція. Желѣзнокислыя источники. Ст. Коби. Осетинскій сыръ. Крестовая и Гудъ-гора. Горный перевалъ. Мѣсто обваловъ. Еще минеральный источникъ. Крестъ на Крестовой горѣ. Чортова доли-

Стр.

на. Переходъ къ другой природѣ. Кайшаурская долина. Ст. Пасанауръ. Ночная гроза и разрушеніе дороги. Двѣ системы для поддержанія дорогъ. Арбы. Буйволы и десятичасовой переѣздъ девяти-верстнаго разстоянія. Ананауръ и послѣдній ночлегъ въ Душетѣ 202

Письмо 17-е. *Лѣтній день въ Тифлисѣ, или Тифлисъ съ точки зрѣнія путешественника.*

Нѣкоторыя размышленія о путевыхъ запискахъ. Тайна ихъ занимательности. Начало тифлисскаго дня. Ключи и тулухи. Раздѣленіе города. Крики, закликиванія и непрерывный шумъ. Армянскій базаръ. Арбы и буйволы. Постройки и каменьщики. Тифлисскій муша. Ослы. Счастливѣйшіе изъ трудящихся. Пушка—вѣстница полудня. Мосты на Курѣ. Предмѣстіе Куки. Домикъ и садъ въ Кукахъ. Видъ съ крыши. Значеніе крыши въ жизни туземцевъ. Ошибка поэта. Наступленіе ночи и зурна. Ночь. . 213

Письмо 18-е и послѣднее. *Поѣздка въ Боржомъ.*

Гдѣ теперь тифлисское общество? Дорога до Гори. Горійскія улицы и старая цитадель. Опять грузинское зодчество. Архитектурная гипотеза. Нищій-всадникъ. Дорога и пейзажъ до Сурама. Старый знакомый. Р. Кура и Боржомское ущелье. Живые метеоры, или фосфорическія мухи. Боржомъ. Исторія и топографія его. Ванны, источники и лѣтнее жилище Намѣстниковъ Кавказскихъ. 239

ОТЪ ЗАУРАЛЬЯ ДО ЗАКАВКАЗЬЯ.

ПИСЬМА СЪ ДОРОГИ.

ПИСЬМО 1-е.

(ВВЕДЕНІЕ).

Два рода путевыхъ записокъ. Побудительныя причины къ моимъ замѣткамъ. Планъ ихъ. Полезный отдѣлъ въ газетахъ. Весна въ Ирбитѣ—какъ время и точка моего отправленія.

Г. Пермь. 23 января 185 года.*

Если могутъ быть интересны разсказы о путешествіи изъ какой нибудь центральной, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстной точки Россіи, въ страну менѣе извѣстную,— если такъ живо, такъ вполнѣ овладѣвали въ недавнее время нашимъ вниманіемъ «Разсказы проѣзжаго», «Письма о поѣздкѣ на Кумысъ» и прочія замѣтки нашихъ туристовъ,—то разсказъ о путешествіи изъ одной terra incognita въ другую,—какъ напримѣръ изъ При-Уральскаго края въ Закавказье,—такой разсказъ, по моему

мнѣнію, долженъ представить собою двойной интересъ для русскаго читателя. Вы выѣзжаете, положимъ, изъ Петербурга, Москвы или Одессы, въ Финляндію, въ Оренбургскій край или на Кавказъ; вы проѣхали сто, полтораста, двѣсти верстъ, и даже болѣе,—вы берете свою записную книжку, напрягаете память, насилуете воображеніе, и увы! при всѣхъ вашихъ усиліяхъ, до половины предлежащаго вамъ пути, вы не находите ничего рѣзкаго, ничего характеристически - отличительнаго, ничего такого, чѣмъ вы могли бы занять и свою наблюдательность, и вниманіе будущаго вашего читателя... Избитый трактъ, слишкомъ незамѣтная постепенность въ измѣненіи быта и нравовъ проѣзжаемыхъ вами центральныхъ странъ, тождество, убійственное для «путевыхъ впечатлѣній», тождество русскаго пейзажа и русскихъ городовъ, — вотъ что неизбѣжно охладитъ вашу литературную производительность, и если только вы не одарены недобросовѣстной способностью нѣкоторыхъ французскихъ туристовъ, способностью «творить» мѣстоположенія и приключенія, вмѣсто того чтобы списывать ихъ съ натуры, въ такомъ случаѣ вы съ досадой изгрызете свой дорожный карандашъ, и предадите забвенію вашъ альбомъ, или, еще съ большею досадой, на бѣлыхъ листкахъ его увидите ваши рѣдкія, какъ русскія версты, и почти столько же блѣдныя, какъ и самые листки альбома, путевыя замѣтки!...

Совсѣмъ другое дѣло—пуститься отъ одного малоизвѣстнаго рубежа Россіи къ другому, столь же малоизвѣстному. Здѣсь непремѣнно все будетъ рѣзко выставляться зрѣнію путешественника и его читателя. Здѣсь

каждая оригинальная черта одного края будетъ еще выпуклѣе и оригинальнѣе отъ сравненія или сближенія ея съ оригинальными чертами другаго края. Здѣсь, отъ начала до конца путешествія, туристу безпрестанная работа; пусть только онъ не выпускаетъ изъ рукъ карандаша, пусть только смотритъ и записываетъ, и, онъ можетъ быть увѣренъ, въ разсказѣ его, какъ бы онъ нибылъ безъискуственъ, помѣстится много новизны и разнообразія: новизны потому, что для очень многихъ очень много новаго въ нашей неизбитой еще туристами Россіи; разнообразія потому, что не можетъ не быть его на протяженіи двухъ-трехъ тысячъ верстъ, въ странахъ, удаленныхъ отъ центровъ государства и, стало быть, мало утратившихъ свою самобытную физіономію. . . .

Всѣ эти, ободрительныя для меня, мысли вертятся въ моей головѣ теперь, когда я спѣшу къ открытію Ирбитской ярмарки (1-го февраля), я собираюсь переѣхать уральскія высоты съ запада на востокъ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи ярмарки, снова вернуться въ Пермь, и оттуда пуститься къ Кавказу. Мысли эти такъ убѣдительно говорятъ мнѣ въ пользу легкости исполненія и небезплодности намѣренія моего вести путевыя записки *не для одного себя*, что я тороплюсь сшить себѣ толстую тетрадь для предстоящихъ замѣтокъ, и укладываю ее, вмѣстѣ съ парой фаберовскихъ карандашей, въ мою походную варшавскую сумку, обыкновенно носимую черезъ плечо, на прочномъ англійскомъ ремнѣ. Я даже не думаю запасаться «пособіями» для путешествія, то-есть не беру, да и взять негдѣ, ни статистиче-

скихъ указателей, ни guides (когда-то будутъ существовать русскіе guides!!), ни даже «пространной географіи Павловскаго», и остаюсь только при складной «почтовой картѣ» поручика Семенова, составленной въ 1849 году.

Въ увѣренности, что будетъ достаточно интересно все то, что мнѣ встрѣтится, я рѣшился не прибѣгать къ чужимъ указаніямъ, и записывать только то, что увижу. Ошибусь-ли я въ своихъ соображеніяхъ, предоставляю судить вамъ самимъ; я же увѣряю васъ, что мною будетъ сдѣлано все, что только можно сдѣлать во время *срочнаго* переѣзда отъ сѣверо-восточнаго рубежа европейской Россіи къ юго-восточному.

Мнѣ кажется, что тотъ еще недостаточно знаетъ какую либо страну, кто знаетъ, положимъ, ея производительныя силы, ея этнографію, историческія, фабричныя или промышленныя достопримѣчательности различныхъ мѣстъ страны. Одно изъ самыхъ любопытныхъ познаній въ этомъ отношеніи, по моему мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы во всякую данную пору года опредѣлить: что̀ гдѣ дѣлается; то-есть что, въ такую-то пору, производится здѣсь, и чѣмъ заняты руки народа тамъ-то; на какую точку страны переносится на время общая дѣятельность и общіе капиталы съ другихъ ея точекъ; наконецъ, гдѣ въ данное время, болѣе движенія, жизни, интересовъ, и чѣмъ эти интересы обусловливаются. За примѣромъ ходить недалеко: всякій порядочный торговый человѣкъ долженъ знать и знаетъ гдѣ въ какое время на Руси ярмарка, и результаты какой именно производительности стекаются на ярмарку для сбыта.

Праздные, или больные—должны знать когда и гдѣ открывается *сезонъ* минеральныхъ водъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ Петербургскихъ газетахъ существуетъ отдѣлъ, въ которомъ ежедневно указывается, что̀ въ которомъ часу можетъ найти столичный житель для своихъ нуждъ въ столицѣ. Не худо былобы расширить этотъ отдѣлъ до указаній : что̀ въ какую эпоху года производится во всѣхъ концахъ Россіи. Это былобы полезно не для одного промышленнаго класса!

Весна приноситъ съ собою повсемѣстное движеніе, повсемѣстное пробужденіе дѣятельности. Коренная, *столбовая*, если можно такъ выразиться, производительность Россіи—хлѣбопашество, возникаетъ съ весною въ хлѣбныхъ губерніяхъ. Весною открываются навигаціи, оживляются рѣчныя и морскія пристани. Весною начинаются золотопромышленныя разработки въ Сибири, рыбный промыселъ въ Астрахани, на Дону и въ Архангельскѣ. Весною соляные и металлическіе караваны отправляются отъ восточныхъ рубежей Россіи къ ея всепоглощающимъ центрамъ и многое, многое, что̀ необходимо для русской жизни, возникаетъ вмѣстѣ съ весною.

Нижегородская макарьевская ярмарка служитъ центромъ , въ который стекаются всѣ сокровища отечественной производительности, требующія сбыта, и находятъ его.

Вторая, по своей значительности, Ирбитская ярмарка, имѣющая назначеніемъ снабжать фабричными продуктами нефабричную Сибирь , какъ-бы заканчиваетъ собою рабочій русскій годъ. Она происходитъ въ февралѣ, то-есть въ послѣднемъ зимнемъ мѣсяцѣ года, при послѣднихъ

зимнихъ дорогахъ, и здѣсь находитъ себѣ сбытъ все то, что не сбыто производителями въ теченіе года: Сибири нужно много, такъ она и неприхотлива. Конечно это относится только къ главнѣйшимъ статьямъ ирбитскаго сбыта: къ русскимъ мануфактурнымъ издѣліямъ, потому что цифра ихъ сбыта относится къ цифрѣ сбыта всѣхъ вообще привозимыхъ въ Ирбитъ товаровъ, какъ треть къ единицѣ; это мы беремъ изъ оффиціальныхъ и достовѣрнѣйшихъ источниковъ.

Желающимъ ближе ознакомиться съ Ирбитской ярмаркой рекомендую мою статью о ней въ іюльской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ за 1849 годъ. Теперь же я коснулся Ирбита для того, чтобы стать на ту точку, съ которой начнется мое путешествіе къ югу, и которая такъ рѣзко будетъ отличаться ото всего, что̀ будетъ встрѣчаться на каждомъ шагу отъ сѣвера на югъ.

Я не безъ умысла сказалъ о важности знанія того, что̀, когда, и гдѣ дѣлается на Руси. Подвигаясь въ пространствѣ отъ Урала къ Кавказу, я намѣренъ обратить вниманіе не на однѣ только мѣстности; я буду подвигаться и *вовремени*, то-есть постараюсь обозначить: гдѣ въ какое время какая преобладаетъ дѣятельность, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ наружностью проѣзжаемыхъ странъ, обозначу и внутреннюю жизнь ихъ по крайней мѣрѣ въ весенній періодъ этой жизни... Повторяю: я хотѣлъ бы сдѣлать путешествіе вмѣстѣ съ уральскими *коломенками*, которыя, пока происходитъ февральская ирбитская ярмарка, строятся на пристаняхъ Колвы, Камы, Чусовой, Серебрянки, Исети, Уфы и др. рѣкъ уральскихъ, и со вскрытіемъ льда поплы-

вутъ, нагруженныя уральскими продуктами: солью, хлѣбомъ и желѣзомъ, ко внутреннимъ и южнымъ пристанямъ Россіи, по Камѣ, Волгѣ, Окѣ и Дону—въ Нижній, С. Петербургъ, Астрахань, Ростовъ на Дону, Таганрогъ, и проч.

ПИСЬМО 2-е.

ЯРМАРКА.

Зимняя дорога и ѣзда до Ирбита. Мѣстоположеніе Ирбита. Квартиры на ярмаркѣ. Внѣшній видъ ярмарки. Назначеніе Ирбитской ярмарки. Таблица ея оборотовъ за десять лѣтъ. Исторія ярмарки. Цѣны на главныя статьи торга въ послѣднюю ярмарку. Главнѣйшія статьи привоза и сбыта. Отношеніе пріѣзжаго народонаселенія къ обычному. Г-нъ *N*, и мое знакомство съ нимъ. Два случая съ нимъ: первое знакомство и чужія шубы. Масляница въ Ирбитѣ. Экстраординарное представленіе въ театрѣ. Биржевый залъ и сцена съ московскими концертантами. Балы въ Собраніи. Вечернія увеселенія. Уличныя увеселенія и костюмы. Вечернія ощущенія въ пріятельскихъ кружкахъ. Сонъ и сновидѣніе изъ Ада Божественной Комедіи Данта.

Г. Ирбитъ, пермской губерніи. 1 февраля 1853 г.

Вчера я пріѣхалъ, или, вѣрнѣе, *приплылъ* сюда, въ зауральскій городокъ Ирбитъ; я говорю приплылъ, потому что ѣзду въ повозкѣ по непрерывающейся цѣпи глубокихъ ухабовъ и сугробовъ, или, какъ здѣсь выразительно именуютъ, *ныркова*, гораздо правильнѣе назвать плаваніемъ. Впрочемъ, не смотря на ныркоcатую дорогу, переѣздъ отъ Екатеринбурга до Ирбита, 214 верстъ, легко совершается въ сутки. Лошади здѣсь при-

земистыя, плотныя, круглыя, изъ породы либо степныхъ—сибирскихъ, либо обвинскихъ,—сильны и неутомимы. Гористыя станціи по Уралу, большія разстоянія между станціями: иногда 30 и больше верстъ, наконецъ глубокіе *ныркн*, въ которые безпрестанно спускаются, сначала лошадь, а потомъ экипажъ, и безпрестанно выплываютъ оттуда, для чего лошадямъ надобно дѣлать особое усиліе, всѣ эти отяготительныя условія здѣшней зимней дороги не мѣшаютъ почтовымъ лошадямъ дѣлать два, а иногда и три конца въ сутки отъ станціи до станціи: такъ велико требованіе въ лошадяхъ предъ наступленіемъ и по окончаніи ярмарки! Однако задержекъ въ лошадяхъ здѣсь нѣтъ, и быть не можетъ, потому что на всемъ протяженіи отъ Казани до Ирбита учреждены вольныя почты, содержатели которыхъ, въ видахъ собственной выгоды, должны удовлетворять требованіямъ всѣхъ проѣзжающихъ. Это учрежденіе, существующее здѣсь въ видѣ опыта на 12 лѣтъ (съ 1849 года), нѣсколько отяготительное для частныхъ лицъ, ѣдущихъ по собственной надобности, и принужденныхъ платить двойные противъ обыкновенныхъ прогоны,—имѣетъ и свои удобства. Заплативъ въ какой нибудь конторѣ прогонныя деньги за весь путь *до мѣста*, вы избавлены отъ докучливыхъ разсчетовъ на каждой станціи. По предъявленному вами билету, вамъ немедленно впрягаютъ лошадей и везутъ безостановочно далѣе. Лѣтомъ, по превосходнымъ здѣшнимъ дорогамъ, такимъ образомъ дѣлаютъ, и я самъ дѣлалъ, 300 верстъ въ сутки.

Ирбитъ на крутомъ и высокомъ берегу рѣчки Ирбити, при сліяніи ея съ рѣчкой Ницей. Подъѣзжая

къ городу вы невольно обращаете вниманіе на кладбище, съ прекрасной каменной церковью, расположенное на весьма значительной высотѣ, посреди сосноваго бора, и обнесенное бѣлою каменной оградой. Глядя на это возвышенное мѣсто успокоенія, такъ далеко отодвинувшееся отъ шумящей и безпокойной земли, въ виду пестрой и шумной ярмарочной толпы, и, быть можетъ, по закону противорѣчія, вамъ непремѣнно прійдетъ въ голову похвала уединенному мѣсту усопшихъ, вы непремѣнно подумаете: хорошо здѣсь!..

Проѣхавъ шлагбаумъ, домъ городской больницы, театръ, вы выѣзжаете на площадь гостинаго двора, ѣдете мимо балагановъ и лавокъ, ищете гостинницы,— и не находите ни одной порядочной. Здѣсь всѣ живутъ по квартирамъ, нанимаемымъ заблаговременно на будущую ярмарку. Не нанявъ заблаговременно, трудно найти себѣ помѣщеніе. Если же и посчастливится найти чистую комнату, то вы заплатите за нее очень дорого. За одинъ ярмарочный мѣсяцъ здѣсь платится столько же, сколько и за цѣлый годъ, да оно и не можетъ быть иначе, потому что для коренныхъ жителей и домовладѣльцевъ города — главнымъ и иногда единственнымъ доходомъ служитъ плата за нанимаемыя у нихъ помѣщенія. Круглый годъ стоитъ пустой домъ ирбитскаго домохозяина, и занимается на одинъ только мѣсяцъ; какъ же не желать ему въ одинъ мѣсяцъ получить свои 8 или 10 процентовъ съ капитала, употребленнаго на постройку дома, тѣмъ болѣе, что купечество, многочисленнѣйшее здѣсь сословіе, не почитаетъ дороговизну квартиры для себя отяготительною; плата за помѣщеніе

раскладывается купцемъ на продажный товаръ, и слѣдовательно за все отвѣчаютъ покупатели.

Нанявъ себѣ (за 60 р. сер.!) двѣ небольшія комнаты въ центрѣ города, и помѣстивъ въ нихъ свое дорожное имущество, я отправился знакомиться съ самымъ городомъ. Завтра запишу результатъ своихъ розысканій.

12 февраля.

Вмѣсто одного дня, знакомство съ городомъ и его торговлей заняло у меня одиннадцать. Въ день моего пріѣзда, 1 февраля, послѣ молебствія, подняты флаги на башнѣ съ сѣверной стороны гостинаго двора, и на каланчѣ Биржевой залы, помѣщающейся противъ сѣверныхъ воротъ гостинаго двора. Гостиный дворъ — квадратное двухъ-этажное каменное строеніе — составляетъ центръ торговаго движенія. Онъ помѣщается на огромнѣйшей площади, которая кругомъ обстроена болѣе или менѣе опрятными домами, лучшими въ городѣ, и заключающими въ себѣ также разные магазины, преимущественно требующіе обширнаго помѣщенія, какъ напримѣръ магазины женскихъ модъ, часовыхъ дѣлъ мастеровъ, рабочія портныхъ, фотографовъ и т. п. Это центръ и лучшая часть города. Вокругъ гостинаго двора, съ трехъ сторонъ три площади, уставленныя балаганами, то-есть импровизированными холодными досчатыми строеніями. Далѣе — нѣсколько улицъ, конная или сѣнная площадь, и наконецъ ветхія и дурно-обстроенныя слободы. Вблизи гостинаго двора двѣ прекрасныхъ каменныхъ церкви. Вотъ и весь наружный видъ города. Общее впечатлѣніе оставляемое имъ въ зри-

телѣ: довольно грязное, довольно безпорядочное, и даже довольно бѣдное движеніе, скоро утомляющее взоръ. На всемъ отпечатокъ случайности, поспѣшности и безвкусія. Изящному здѣсь менѣе всего мѣста, и въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакого сравненія между ирбитскими и нижегородскими ярмарочными помѣщеніями, точно также, какъ нѣтъ ничего похожаго въ характерѣ и назначеніи этихъ двухъ первоклассныхъ русскихъ торжищъ. Нижегородское торжище имѣетъ для Россіи значеніе всеобщее, Ирбитъ — служитъ преимущественно для Сибири. Въ нижегородскую ярмарку свозится все, со всѣхъ концовъ Россіи, для сбыта во всѣ концы Россіи. Въ Ирбитъ, главнымъ образомъ, привозятся русскія мануфактурныя произведенія, въ которыхъ нуждается Сибирь. Но не всегда Ирбитъ служилъ складочнымъ пунктомъ для продовольствія Сибири. Первоначально было совсѣмъ наоборотъ: въ Ирбитъ привозились продукты Китая, Бухары, Кокана и собственно Сибири: чаи, шерсть, мѣха, которые составляли собою главныя статьи ирбитскаго торга. Развитіе сибирской золотопромышленности измѣнило физіономію здѣшней торговли. По мѣрѣ накопленія въ Сибири капиталовъ, раждались тамъ и потребности, которымъ должна была удовлетворять ирбитская ярмарка, это и составило ея славу; это и обезусловило быстрое ея развитіе, о которомъ можно судить по слѣдующей таблицѣ ея оборотовъ (*).

(*) Таблицу эту, также какъ и историческій очеркъ Ирбита, заимствую изъ моей статьи «Ирбитская ярмарка», помѣщенной въ іюльской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ 1849 г.

Годы.		Привозъ.	Сбытъ.	Остатокъ.	Отношеніе остатка къ привозу.
		рублей серебромъ.			
1839	на	11,951,155	7,672,298	4,278,850	болѣе $^1/_3$
1840	—	12,232,286	7,682,600	4,550,286	менѣе $^1/_3$
1841	—	12,800,386	9,478,826	3,321,560	болѣе $^1/_4$
1842	—	14,144,530	7,887,500	6,157,030	менѣе $^1/_2$
1843	—	14,483,926	10,303,325	4,180,601	болѣе $^1/_3$
1844	—	17,023,770	12,625,540	4,398,190	менѣе $^1/_4$
1845	—	20,222,326	17,426,355	2,795,971	менѣе $^1/_9$
1846	—	26,934,736	22,246,861	4,687,875	менѣе $^1/_6$
1847	—	28,090,931	23,642,150	4,448,781	болѣе $^1/_7$
1848	—	31,150,214	26,902,511	4,248,703	менѣе $^1/_7$

Въ послѣдующія ярмарки, привозъ простирался болѣе чѣмъ на 36 милліоновъ. Сбытъ доходилъ до 29 милліоновъ и болѣе. Видя такое быстрое возрастаніе оборотовъ ярмарки, любопытно прослѣдить ея исторію. Она немногосложна: «Около 1633 года Ирбитъ, нынѣ уѣздный городъ пермской губерніи, лежащій на востокъ отъ Уральскаго хребта, былъ небольшою слободкой, въ которую окрестные жители съѣзжались для торговли. Исторія не объясняетъ первоначальныхъ причинъ, сдѣлавшихъ изъ бѣдной ирбитской слободы торговое сходбище. Извѣстно только, что послѣ учрежденія Оренбургской линіи, здѣсь были отмѣнены внутреннія таможенныя пошлины, а послѣ пугачевщины, во время которой ирбитская слобода оставалась вѣрна законной государынѣ, она была учреждена городомъ. Въ указѣ, по этому случаю данномъ въ 3-й день февраля 1775 года, между прочимъ заключаются слѣдующія слова: «Ея Величество, не оставляя никогда по«хвальныхъ заслугъ безъ достойнаго воздаянія, и въ

«знакъ особеннаго Ея Величества къ симъ вѣрноподданнымъ благоволенія, повелѣваетъ: Ирбитскую слободу «учинить городомъ, а жителей строить ряды не принуждать, но дозволять имъ торговать по домамъ; ежели «же сами они пожелаютъ, то имъ не воспрещать; также «дозволить имъ имѣть постоялые дворы и при нихъ «лавки для продажи всякихъ харчевыхъ и конскихъ припасовъ».

Въ 1790 году вновь-учрежденный городъ Ирбитъ потерпѣлъ отъ значительнаго пожара. Послѣ этого бѣдствія Императрица Екатерина II снова оградила льготы ирбитскихъ жителей именнымъ указомъ, даннымъ въ 26 день марта 1791 года. Въ этомъ указѣ заключаются слѣдующія выраженія, относящіяся къ обстоятельству: «По разсмотрѣніи поданнаго Намъ отъ Сената «доклада о погорѣвшемъ въ городѣ Ирбитѣ Гостинномъ «дворѣ, повелѣваемъ построеніе онаго вновь предоставить «тамошнему Градскому Обществу, съ обращеніемъ въ «пользу его и будущихъ съ него доходовъ, на основаніи «изданнаго отъ Насъ городоваго положенія, чего ради «помянутый Гостиный дворъ изъ оброчныхъ статей исключить».

Такими поощрительными мѣрами, а потомъ сибирскою золотопромышленностью, необыкновенно усилившеюся въ послѣднее двадцатилѣтіе, и породившею въ Сибири множество, небывалыхъ прежде, потребностей, расширялся объемъ ирбитской торговли, и мы видѣли въ таблицѣ ея десятилѣтнихъ оборотовъ, на какой степени процвѣтанія находилась она около 1844 года. Въ этомъ году, вмѣсто прежняго, тѣснаго помѣщенія для

лавокъ, было возведено, на счетъ городскихъ суммъ, большое каменное зданіе Гостинаго двора; оно усвоило ярмарочной торговлѣ стройный видъ, продуктамъ безопасную сохранность, а городу и обществу значительный доходъ: весь доходъ какъ въ пользу казны, такъ и въ пользу города, собираемый по таксѣ за наемъ помѣщеній, въ 1848 году простирался до 25,465 р. 45 коп. серебр. Въ 1846 году былъ составленъ новый проэктъ для расположенія балагановъ на площади, и получилъ полное свое примѣненіе съ 1850 года. Съ 1846 года была предоставлена ирбитской ярмаркѣ чрезвычайно важная помощь со стороны екатеринбургскаго отдѣленія Коммерческаго Банка. Значительныя ссуды, по поручительствамъ, производимыя гильдейскимъ купцамъ, весьма ускорили и упростили ходъ торговыхъ оборотовъ. Открытіе въ 1851 году Биржеваго зала способствовало нетолько сосредоточенію торговыхъ операцій, но и самому облегченію ихъ, и при томъ еще скорости самыхъ сдѣлокъ, при чемъ сдѣлалось общедоступнымъ и видимымъ все движеніе ярмарочной торговли, и облегчилось наблюденіе за ея разнообразными переходами и измѣненіями въ разные періоды ярмарки.

Предполагаемое учрежденіе въ Ирбитѣ общественнаго Банка неоспоримо сдѣлается новымъ поводомъ къ расширенію и облегченію оборотовъ ирбитской ярмарки.

Такова исторія этого ежегоднаго торговаго движенія, посреди котораго пишу я къ вамъ настоящія строки. Боюсь, чтобы цифры не перепугали васъ съ перваго раза и не отбили охоту къ моей путевой корреспонденціи. Но мысль, что эти страницы могутъ быть не

безъ пользы прочтены людьми, которымъ почему-либо особенно интересно описаніе *втораго* въ Россіи торговаго пункта, эта мысль ободряетъ меня заставить васъ немножко поскучать, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ развлечься болѣе литературными, болѣе живыми подробностями о моемъ странствованіи. Чтобы уже окончательно раздѣлаться съ цифрами, сообщу вамъ еще два факта, безъ которыхъ неполны были бы мои очерки Ирбита. Вотъ какія нашелъ я здѣсь цѣны на товары, играющіе главную роль въ ярморочномъ торгѣ (*):

Названіе товаровъ.	Счетомъ или вѣсомъ.	Въ началѣ ярмарки.	Въ срединѣ ярмарки.	Въ концѣ ярмарки.
Чай	1 цибикъ	120 р.	115 р.	111 р.
Сахаръ	1 пудъ	11 - 50к.	10 -	10 - 50 к.
Золото въ дѣлѣ . .	1 золотн.	5 - 50 к.	5 -	6 -
Серебро	1 золотн.	28 к.	25 к.	30 к.
Польское серебро . .	—	10 к.	10 к.	10 к.
Мѣдь	1 пудъ	15 -	13 -	14 -
Желѣзо	—	1 - 50 к.	1 - 50 к,	1 - 50 к.
Чугунъ	—	1 -	1 -	90 к.
Сталь	—	3 -	3 -	2 - 80 к.
Олово въ дѣлѣ	—	14 -	13 -	12 -
Свинецъ	—	3 - 50 к.	3 -	3 -
Мѣха: Енотовой	1 штука	200 -	180 -	150 -
Лисій	—	90 -	75 -	60 -
Сурковый	—	20 -	17 -	15 -

(*) Свѣдѣнія эти могъ я получить, разумѣется, только въ концѣ ярмарки; а попали же они сюда потому, что это письмо отсылается къ вамъ еще позднѣе.

Мѣха: Медвѣжій	штука	170 р.	150 р.	130 р.
Хорьковый	—	40 -	35 -	30 -
Мерлушчат.	—	11 -	9 -	8 -
Волчій	—	35 -	30 -	20 -
Кожи: Юфтовая	—	3 - 50 к.	3 - 20 к.	3 -
Воловья	—	5 - 50 к.	5 -	5 -
Телячья	—	1 -	85 к.	80 к.
Мерлушка	—	25 к.	23 к.	20 к.
Медъ	1 пудъ	5 -	4 - 60 к.	3 - 50 к.
Воскъ	—	20 -	18 -	18 -
Масло деревян.	—	11 -	12 -	12 - 50 к.
Скоромн.	—	3 - 75 к.	3 - 50 к.	3 -
Коноплян.	—	3 - 50 к.	3 -	3 -
Сало топленое	—	3 - 20 к.	3 -	3 -
Сырецъ	—	1 - 70 к.	1 - 60 к.	1 - 40 к.
Простой табакъ	—	3 - 50 к.	3 - 30 к.	3 -
Свѣчи стеарин.	—	12 -	11 -	10 -
Сальныя	—	4 -	3 - 50 к.	3 - 50 к.
Щетина	—	42 -	40 -	35 -
Сандалъ	—	3 -	2 - 80	2 - 30 к.

Главнѣйшія же статьи привоза и сбыта, то-есть вина, шерстяныя, хлопчато-бумажныя, шелковыя, хрустальныя и скобенныя издѣлія русскихъ фабрикъ, привезенныя на огромную сумму 16,887,770 р. сер., а проданныя на 8,289,565 р. Эти товары не могли быть помѣщены въ таблицѣ справочныхъ цѣнъ, по разнообразію и неуловимой дробности какъ самыхъ товаровъ, такъ и цѣнъ на нихъ.

Второй и послѣдній статистическій фактъ: Въ Ирбитѣ, во время ярмарки бываетъ свыше 60,000 жителей, тогда какъ въ остальные одиннадцать мѣсяцевъ года нѣтъ и

и одной тысячи!... Всѣ эти, докучливыя для васъ, но казавшіяся мнѣ любопытными, подробности объ ирбитской торговлѣ, доставилъ мнѣ г. N***, добрѣйшій, обязательнѣйшій человѣкъ, какихъ только я видѣлъ на бѣломъ свѣтѣ. Я познакомился съ нимъ здѣсь, хочу и васъ съ нимъ познакомить. Г. N***, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-семи, и принадлежитъ къ тѣмъ прекраснымъ типамъ, которые нигдѣ не безприкладны, вездѣ уживаются и даже вездѣ хозяйничаютъ; все знаютъ, хотя немногому учились, неимѣютъ въ жизни ни какой, слишкомъ туманной, трансценденальной цѣли, но стремятся къ удовольствіямъ или выгодамъ сей юдоли, и составляютъ собою преполезный разрядъ практическихъ дѣятелей жизни, особенно въ губерніи. Въ домашней жизни, въ обществѣ и на службѣ, они одинаково хороши и полезны. Г. N*** служитъ въ пермской губерніи, но бываетъ ежегодно въ Ирбитѣ, гдѣ природная энергія его находитъ себѣ просторъ и полнѣйшее удовлетвореніе. Тутъ онъ повсюду, и все собою оживляетъ. Я почти увѣренъ, что тридцати-милліонная торговля Ирбита не имѣла бы ни быстроты въ оборотахъ, ни одушевленія, еслибы на ярмаркѣ не было г. N***. Заѣзжіе писаки, можетъ быть, иронически назвали бы г. N*** героемъ ярмарки; но я не скажу этого, потому что я много, очень много ему обязанъ. Да и въ самомъ дѣлѣ г. N*** лихой, обязательный и интереснѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ моихъ здѣшнихъ знакомцевъ. Онъ былъ для меня въ Ирбитѣ постояннымъ спутникомъ и руководителемъ. Любопытно мое первое знакомство съ нимъ. Снявъ шубу въ передней казенной, занимаемой имъ,

квартиры, я вошелъ въ залу. Передъ зеркаломъ стоялъ самъ г. N*** въ коротенькомъ пальто безъ рукавовъ, и, повертываясь во всѣ стороны, жестоко бранилъ «новопріѣзжаго казанскаго портнаго», котораго вывѣску я уже видѣлъ противъ ярмарочныхъ балагановъ. Въ залѣ было много посѣтителей, изъ которыхъ одинъ пріѣхалъ попросить о раздачѣ билетовъ въ его концертъ, другой забѣжалъ поклониться, чтобы напомнили кому слѣдуетъ о его дѣлѣ; третій—зашелъ такъ, съ почтеніемъ; четвертый — чтобы выкурить трубочку, а пятый, шестой и седьмой, — чтобы убить нѣсколько ненужныхъ часовъ пробитскаго утра. Всѣ эти господа принимали живое участіе въ примѣриваніи господиномъ N*** пальто безъ рукавовъ, ясно что г. N*** здѣсь человѣкъ «нужный», и всѣ готовы были дѣлать свои замѣчанія оторопѣвшему портному. Я именно попалъ на эту сцену, и уже думалъ что попалъ не вовремя... Но я ошибся. Г. N*** принялъ меня безъ церемоніи, (здѣсь никогда не церемонятся!) и вскорѣ мы сдѣлались истинными пріятелями.

27 февраля.

Въ теченіе пятнадцати дней я ни слова не прибавилъ въ письмѣ моемъ къ вамъ, и письмо оставалось не отосланнымъ. Я ожидалъ и набиралъ для васъ красокъ, безъ которыхъ картина здѣшняго быта была бы бѣдна и суха, какъ первая половина этого письма, состоящая изъ цифръ. Въ этомъ—извиненіе моему двухнедѣльному забвенію о нашей перепискѣ. Виргилій мой, то-есть обязательнѣйшій г. N***, о которомъ писалъ я вамъ въ

послѣдній разъ, выводилъ, вывозилъ меня по всѣмъ закаулкамъ ярмарочнаго міра; показалъ мнѣ все, что стоило и что не стоило осмотра; разсказалъ мнѣ всѣ здѣшніе анекдоты. Начну съ послѣднихъ, потому что они характезируютъ ту безцеремонность здѣшняго быта, о которой намекнулъ я на предшествующей страницѣ...

— Поѣдемте на вечеръ къ Р — ву, говорилъ мнѣ однажды г. N***, то-есть мой ирбитскій Виргилій.

— Но я незнакомъ съ Р—вымъ! отвѣчалъ я.

— «Э, что за знакомство; у насъ здѣсь безъ церемоній. Поѣдемте вмѣстѣ, и я васъ познакомлю.»

Мы поѣхали съ г. N*** къ Р—ву, дорогой у насъ продолжался разговоръ о здѣшнихъ знакомствахъ.

— Здѣсь вотъ какъ знакомятся, разсказывалъ мнѣ г. N***, закутывая носъ въ шубу,—со мной самимъ случился этотъ анекдотъ въ прошломъ году. Были мы на обѣдѣ у одного золотопромышленника; ну, какъ водится, тамъ хорошо поѣли и выпили. Оттуда въ театръ; въ театральномъ фойэ тоже пустили въ потолокъ пробку-другую-третью, такъ-что уже немножко и того... А тутъ говоритъ мнѣ одинъ мой пріятель, поѣдемъ, говоритъ, къ К—ну. Я, вотъ какъ вы-же, говорю ему, что незнакомъ съ К—нымъ, да и неловко первый разъ ѣхать въ полночь, да еще послѣ нѣсколькихъ бутылокъ шипучаго. «Вздоръ», отвѣчаетъ мнѣ мой пріятель, и почти насильно увлекаетъ меня изъ фойэ, сажаетъ въ сани, и привозитъ въ незнакомый мнѣ домъ. Мы входимъ, въ передней ни души, а черезъ залу слышенъ гдѣ-то въ дальней комнатѣ стукъ ножей и шумный разговоръ.

Ужинаютъ! замѣтилъ пріятель мой, и сѣлъ въ передней на кучу шубъ. Я тоже присѣлъ возлѣ, и тутъ вышла преуморительная исторія. Не знаю отчего, оттого-ли что много было выпито, или оттого, что съ морозу вошли мы въ жаркую комнату, только оба мы съ моимъ пріятелемъ, гдѣ сидѣли, тутъ и заснули, и заснули такимъ мертвымъ сномъ, что неслышали, какъ разъѣхались гости К-на, какъ изъ подъ насъ вытаскивали свои шубы, и какъ прошла вся ночь. Поутру я первый открываю глаза, озираюсь кругомъ, не понимаю гдѣ я, что со мною, и только слышу, что въ сосѣдней комнатѣ кто-то бѣгло играетъ на фортепіанахъ гамму. Смотрю на часы: 10 часовъ утра.

— Что это такое? Спрашиваю я моего пріятеля, разбудивъ его. — А ничего, отвѣчаетъ онъ, это дочка хозяина повторяетъ свой музыкальный урокъ.

— Да уйдемъ же отсюда, говорю я,—вѣдь стыдно намъ наглаза показываться хозяину... Особенно мнѣ! Что онъ объ насъ подумаетъ!.. — «Вотъ велика бѣда! Подумаетъ, что вчера мы повеселились, и очень радъ будетъ съ тобою познакомиться; пойдемъ!» И съ этими словами пріятель мой отворилъ двери въ залу, поздоровался съ дочкой хозяина, поправилъ свой туалетъ передъ зеркаломъ, посовѣтывалъ и мнѣ сдѣлать тоже, а тутъ и самъ хозяинъ намъ на встрѣчу. Все обошлось какъ нельзя лучше, мы посмѣялись вмѣстѣ съ хозяиномъ, который только сожалѣлъ, что несмѣлъ предложить намъ болѣе-покойнаго ночлега, и съ тѣхъ поръ я очень коротко сошелся съ нимъ и его милымъ семействомъ. «Такъ вотъ-съ какъ у насъ безъ церемо-

ній!» прибавилъ мой Виргилій въ видѣ морали, и тѣмъ совершенно успокоилъ меня. . .

Вообще съ пріятелемъ моимъ очень весело. Съ нимъ день не пройдетъ безъ приключенія. Съ недѣлю тому назадъ встрѣчаю я его въ Гостиномъ дворѣ; на немъ великолѣпная новая шуба изъ черныхъ енотовъ.

— Съ обновкой поздравляю! говорю я ему; и спрашиваю гдѣ купилъ и за сколько. . .

— Какое купилъ! Даромъ пришлась, и не могу найти хозяина.

— Какъ-такъ?

— Да вотъ, повечерамъ, случится изъ гостей уѣхать раньше другихъ; въ лакейскяхъ здѣшнихъ никогда не отыщешь своей шубы: всѣ онѣ кучей лежатъ на какомъ нибудь ларѣ; ну и возмешь первую попавшуюся. Въ другой разъ заиграешься въ карты и выйдешь изъ послѣднихъ, глядь, анъ шубъ-то и нѣтъ: всѣ разобраны; оставлена одна какая нибудь, ее и возьмешь по необходимости. Вотъ такимъ-то случаемъ и я пріобрѣлъ эту великолѣпную шубу... Да подивитесь: цѣлую недѣлю выѣзжаю въ ней, ѣзжу по вечерамъ, спрашиваю чья, и немогу найти хозяина! . .

— Поздравляю съ пріобрѣтеніемъ! ярмарка въ концѣ, можетъ быть хозяинъ шубы и уѣхалъ отсюда; а шуба стóитъ, я думаю, рублей пятисотъ на серебро? . .

— Да, конечно, если не болѣе.... Но до свиданія! И мы разстались.

На другой день встрѣчаемся мы съ своимъ Виргиліемъ у подъѣзда Биржевой залы. На немъ опять новая шуба, или лучше сказать чрезвычайно старая, съ

облѣзлымъ мѣхомъ, коротенькая, и закрывающая только половину особы моего пріятеля.

— Опять поздравляю съ обновкой!

— Да! представьте мое несчастіе! Сейчасъ, вотъ-только сей часъ отняли у меня великолѣпную-то шубу.

— Какъ отняли?..

— Да такъ. Иду я по Гостиному двору; вдругъ изъ лавки выходитъ какой-то купецъ, и прямо ко мнѣ. «Позвольте, говоритъ, милостивый государь, васъ спросить, гдѣ вы изволили взять эту шубу?»

— Какую?

— Да вотъ, что на васъ.

— А вамъ что за дѣло?

— Какъ-же-съ? Это моя шуба.

— А чѣмъ вы докажете, что ваша?

— Я скажу вамъ нѣкоторыя ея примѣты: Потеряна она мною съ недѣлю тому назадъ, на вечерѣ у М..., гдѣ мнѣ досталась вотъ эта плохонькая, что̀ теперь на мнѣ; въ рукавахъ вашей, то есть моей, шубы бѣличій подбой, для тепла-съ, и наконецъ, у воротника съ пришита кожаная вѣшалка, на которой написана моя фамилія, то-есть мой вензель С. и Ч. Это значитъ Сидоръ Чистохвостовъ... честь имѣю рекомендоваться....» Нечего было дѣлать, посадилъ купца въ сани, привезъ къ себѣ, снялъ шубу, осмотрѣлъ ее, оказалось, что всѣ примѣты, сказанныя хозяиномъ—вѣрны, и всѣ на лицо, я и отдалъ ему его шубу... А самъ вотъ поневолѣ долженъ оставаться при этой ободранной. Что дѣлать: любишь въ саночкахъ кататься, любя саночки возить! Буду опять искать хозяина!..

— Ну, на эту шубу едва ли отыщется хозяинъ, подумалъ я, но не сказалъ вслухъ, чтобы не обезнадежить моего Виргилія....

Въ послѣднее время Ирбитъ чрезвычайно оживился. Съ половины ярмаки окончились главнѣйшіе обороты и расчеты; пошли *магарычи*, полилось шампанское, которое здѣсь пьётся въ баснословныхъ размѣрахъ, — и наконецъ подоспѣла масляница, — эпоха, въ которую русскій человѣкъ нетолько не считаетъ грѣхомъ, но почитаетъ обязанностію веселиться, на сколько хватитъ силы и способовъ.... Оживились улицы и площади, оживился театръ. Въ домѣ Собранія балы по два раза въ недѣлю; у частныхъ людей—поочередно вечера для любителей сильныхъ ощущеній игры; въ Биржевомъ залѣ съ девяти часовъ утра до поздней ночи говоръ, толкотня.... «и громогласныя шампанскаго оттычки.»

Настоящее письмо мое уже такъ длинно, что я не знаю успѣю ли разсказать вамъ въ немъ всѣ мои масляничныя впечатлѣнія.... По-крайней-мѣрѣ побываемъ вмѣстѣ съ вами въ театрѣ, въ Биржевомъ залѣ, въ Собраніи, въ нѣкоторыхъ лучшихъ здѣшнихъ заведеніяхъ, и пошатаемся по улицамъ.

Представленія въ театрѣ даются ежедневно—въ зданіи театра, довольно плохомъ, но обширномъ деревянномъ домѣ. Ярмарочный репертуаръ состоитъ, разумѣется, изъ водевилей и фарсовъ, хотя даровитые актеры здѣшней труппы (она же играетъ и въ Перми, и въ Екатеринбургѣ) могли бы взяться и за драму, и за высокую комедію. Билеты берутся на расхватъ и зрителей набирается каждый день множество.... Театральное фойэ

состоитъ изъ нѣсколькихъ большихъ комнатъ, въ которыхъ не прерываются «освѣженія», то-есть обильныя возліянія искрометной влаги. Мнѣ показалась очень характерной и знаменательной слѣдующая черта изъ быта здѣшнихъ золотопромышленниковъ. Ранѣе представленія зашелъ я въ театральную кассу за билетомъ. Кассиръ объявляетъ мнѣ, что сегодня представленіе начнется однимъ часомъ позднѣе обыкновеннаго времени. Въ то же время услышалъ я звуки оркестра и пѣніе какого-то водевильнаго куплета.

— Что это? вѣрно репетиція? спрашиваю я.

— Нѣтъ-съ, это идетъ настоящее представленіе, — отвѣчаетъ кассиръ.— Изволите видѣть-съ: съ полчаса тому назадъ пріѣзжаютъ сюда четверо господъ, то-ись купцы-съ, или золотопромышленники, кто ихъ знаетъ-съ: входятъ въ залу, садятся въ первомъ ряду креселъ, и требуютъ себѣ содержателя театра. Онъ является. Господа требуютъ, чтобы для нихъ началось немедленно представленіе. Содержатель объясняетъ, что нѣтъ въ театрѣ костюмовъ, что актеры въ домашнихъ платьяхъ, что не весь оркестръ въ сборѣ, что не освѣщенъ театръ.... Господа слышать ничего не хотятъ, требуютъ, чтобы актеры немедленно явились, чтобы театръ былъ освѣщенъ, и чтобы для нихъ были сыграны тѣ піесы, какія назначены въ нынѣшней афишѣ. Содержатель согласился, но потребовалъ, чтобы ему было заплочено впередъ триста рублей серебромъ. «Давно бы сказалъ, любезнѣйшій!» отвѣчали ему господа, и тутъ-же набросали изъ бумажниковъ, кто радужную, кто сѣрыя полусотенныя бумажки-съ. Такъ вотъ теперь и идетъ

у нихъ представленіе, не въ счетъ абонимента-съ.... оттого настоящее-то представленіе сегодня будетъ позднѣе обыкновеннаго.

— А какая идетъ піеса? спросилъ я.

— Заколдованный домъ-съ, и Казакъ стихотворецъ.

— И актеры безъ костюмовъ?

— Безъ костюмовъ-съ.

Хорошъ будетъ бѣдняжка Людовикъ XI... подумалъ я, выходя изъ кассы.

Въ Биржевомъ залѣ постоянно видѣлъ я за чайными приборами на отдѣльныхъ столахъ группы посѣтителей всѣхъ классовъ. Тутъ были и элегантные представители московскаго и петербургскаго купечества, и бородатые негоціанты средней руки, и татары и бухарцы въ своихъ народныхъ платьяхъ. Тутъ между ними, за стаканами чая, происходили, быть можетъ стотысячныя, сдѣлки. Съ наступленіемъ масляницы на скромныхъ чайныхъ столикахъ чаще и чаще появлялись граціозныя бутылки Clicquot или Roederer'a. Любопытно видѣть всю эту разноязычную толпу, разговаривающую или пьющую подъ звуки оркестра заѣзжихъ арфянокъ, которыя, конечно, здѣсь вполнѣ вознаграждаются за дальное свое путешествіе изъ заморскихъ странъ.... Вечеромъ не разъ заставалъ я здѣсь сцены шумнаго русскаго веселья, или сцены характеристическія, подобныя слѣдующей: общество шумныхъ пріятелей ужинало здѣсь послѣ возвращенія изъ театра. Въ той-же комнатѣ, за скромнымъ столикомъ, ужинали двое пріѣзжихъ изъ Москвы артистовъ. Извѣстно было, что это пѣвцы, намѣревавшіеся дать въ Ирбитѣ вокальный кон-

цертъ. Кто-то изъ среды общества шумныхъ пріятелей предложилъ немедленно испытать заѣзжихъ артистовъ, чтобы знать, каковы у нихъ голоса и будетъ ли стоить труда итти въ ихъ концертъ. Немедленно московскимъ пѣвцамъ предложено показать свои таланты. Сконфуженные артисты отговаривались и тѣмъ и сѣмъ, говорили что они не въ голосѣ, что не могутъ пѣть безъ аккомпаніемента. Но шумные пріятели не слушали отговорокъ, взяли гитару у одной изъ арфистокъ, подали ее одному изъ заѣзжихъ пѣвцевъ, и настоятельно требовали исполненія своей прихоти. Бѣдный пѣвецъ согласился, и, увы, пропѣлъ очень дурно, извѣстную пѣсню:

Ужъ какъ шли наши ребята,
Изъ Нова-города,
Красная-ли дѣвица
На улицѣ была, и т. д.

Московскому артисту не дали окончить: зашумѣли, закричали, и въ толпѣ слушателей довольно внятно раздалось слово: шарлатаны. Вслѣдъ за тѣмъ, тотъ-же романсъ пригласили спѣть бывшаго тутъ, и торжествовавшаго, актера ирбитской труппы. Онъ пропѣлъ порядочно, и въ пользу его немедленно былъ сдѣланъ сборъ, перешедшій далеко за сто рублей серебромъ. Послѣ этого происшествія московскіе концертанты куда-то исчезли, и концерта не было....

На балахъ въ залѣ Собранія всего интереснѣе видѣть олицетвореніе французской пословицы: les extrémités se touchent. Въ одной кадрили я видѣлъ танцо-

вавшихъ vis-a-vis: молодаго единовѣрца съ казанскимъ купцомъ изъ татаръ (въ народномъ костюмѣ), въ другой кадрили — элегантнаго англійскаго commis по мѣховой торговлѣ vis-a-vis съ полновѣснымъ городничимъ. Польку-мазурку и польку-tremblant — прекрасно танцуютъ юныя здѣшнія *кержачки* съ заѣзжими послѣдователями Кальвина или Магомета. Какое сочетаніе! И гдѣ, кромѣ необъятной Россіи, встрѣчается что-нибудь подобное!

По-утру много интереснаго можно найти въ Ярославской гостинницѣ, которая отличается растегаями. Вечеромъ ярмарочная публика разсѣявается по многочисленнымъ увеселительнымъ учрежденіямъ, между которыми первенствуетъ, кажется, гостинница Гутмана. Здѣсь видѣлъ я безграничное «распашное» русское веселье; здѣсь, въ обстановкѣ, лишенной всякаго изящества, гости Ирбита вкушаютъ столько полнѣйшаго наслажденія, такъ беззавѣтно отдаются ему, что имъ позавидовали бы тѣ баловни судьбы, которыхъ пресыщенныя чувства не возбуждаются самыми утонченнѣйшими обаяніями роскоши. Сколько разъ заставалъ я въ этихъ низенькихъ, задымленныхъ пріютахъ ночнаго веселья слѣдующую сцену: посреди комнаты, кружокъ добрыхъ пріятелей, сосредоточенный около другаго кружка,—кружка выпитыхъ и невыпитыхъ бутылокъ.... Всѣ эти жрецы веселія—съ полными стаканами въ рукахъ, съ сладчайшей улыбкой на устахъ, — хоромъ поютъ во славу одного изъ своихъ товарищей, подъ звуки жидовскаго торбана или арфъ заѣзжихъ гурій:

Чарочка моя,
Серебрянная,
На золотомъ блюдечкѣ поставленная!
Кому чару пить?
Кому выпивать?
Пить чару,
Пить чару
Ивану Ивановичу!
На здоровье,
На здоровье,
На здоровьице!...

Вслѣдъ за тѣмъ идетъ чоканье стакановъ, чмоканье цѣлующихся устъ, и опять повтореніе той же хоровой пѣсни, во славу Григорья Григорьича, потомъ Ѳедора Ѳедорыча, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока не будутъ прославлены всѣ участники пира....

— Что тамъ такое? спросилъ я однажды лакея, или половаго гостинницы, встрѣтившаго меня при входѣ въ храмину описаннаго веселья.

— Ничего-съ, Сибирь ликуетъ, сударь, былъ отвѣтъ остряка-половаго.

Но не одна Сибирь ликуетъ на ирбитской ярмарочной масляницѣ. Загляните на улицы, на площади. Вотъ ѣдутъ гигантскія сани на восьми лошадяхъ. Сани покрыты коврами, въ саняхъ толпа ликующаго народа, иногда съ бутылками и стаканами въ рукахъ.... Всѣ поютъ, кричатъ и громко перекликаются съ знакомыми своими въ окружающей ихъ толпѣ. А въ толпѣ встрѣтите вы и лисью шубу купеческаго прикащика, и штофный шугай заводской бабы, и остроконечную вислоухую шапку башкирца, и тюбетейку татарина и gibus петер-

бургскаго негоціанта, и бобровъ и соболей иркутскихъ купеческихъ сынковъ.... Или вотъ еще везутъ какую-то подвижную каланчу. Изъ саней высится мачта, съ флагами и лентами; на верху сидитъ паяцъ въ шутовскомъ нарядѣ и кривляется на диво бѣгущей позади, пестрой толпы.... Жизнь, веселье, вино и золото — кипятъ и льются черезъ край....

Но ни гдѣ не увидите вы столько наличныхъ денегъ, подвергаемыхъ ударамъ слѣпаго счастья, ни гдѣ не встрѣтите вы такого равнодушія къ радужнымъ цвѣтамъ сто-рублевыхъ билетовъ, какъ на нѣкоторыхъ вечерахъ у частныхъ людей, гдѣ собираются кружки охотниковъ до сильнѣйшихъ ощущеній.... Никогда не забуду я этихъ вечеровъ, гдѣ даже и неучаствующему въ интересѣ общей забавы, невозможно не любоваться, по крайней мѣрѣ, чужими ощущеніями.... Въ особенности памятенъ мнѣ одинъ вечеръ, или вѣрнѣе, одна ночь!... Возвратившись домой на разсвѣтѣ, и въ какомъ-то изнеможеніи упавъ на свою постельную подушку, я заснулъ мертвымъ, но вмѣстѣ и тревожнымъ сномъ. Въ сновидѣніи мнѣ представился Адъ Дантовой Божественной комедіи. Я трепеталъ въ ужасѣ. Кровь останавливалась въ жилахъ моихъ, а Виргилій (ирбитскій пріятель мой г. N) руководилъ меня въ мрачныхъ безднахъ страданія и раскаянія, точно такъ, какъ руководилъ онъ меня въ Ирбитѣ, и не разлучался со мною.

Съ Виргиліемъ мы шли все далѣе отъ свѣта,
Къ Ирбиту подошли, и я спросилъ поэта:
Къ какому таинству, иль на какой совѣтъ,

Изъ отдаленныхъ странъ, все мужи зрѣлыхъ лѣтъ
Сюда стеклись, въ среду пріятельскаго круга,
И тѣсно возсѣдятъ всѣ около другъ друга?
Не воины ли то передъ бранною грозой
Сошлись держать совѣтъ, когда начать имъ бой?
Не о кометѣ-ли толкуютъ астрологи?
Не древнихъ-ли жрецовъ сюда созвали боги?
Не химики-ль нашли начало всѣхъ началъ?
— «Нѣтъ, то гадатели,» — поэтъ мнѣ отвѣчалъ. —
«Не для торговъ они, не къ блинному веселью:
Они сошлись сюда совсѣмъ съ иною цѣлью;
И день и ночь они, уже въ тридцатый разъ
Сидятъ чуть шевелясь и не смыкая глазъ;
Но здѣсь ни колдовства не полагай, ни чаръ ты,
Они не колдуны, — они гадаютъ въ карты.
Всѣ заняты однимъ: всѣ ищутъ талисманъ,
Который бы помогъ имъ всѣмъ набить карманъ;
Но такъ-какъ всѣ равно горятъ однимъ желаньемъ,
То всѣ и занялись таинственнымъ гаданьемъ,
И каждый въ руки взялъ бумажные клочки,
И каждый смотритъ въ нихъ, кто просто, кто въ очки,
И каждый, глядя въ нихъ, заклятія лепечетъ,
Одинъ-же, на краю, сидитъ и только мечетъ....
А мечетъ онъ изъ опытной руки
Такія-же квадратные клочки,
И мечетъ ихъ на право и на лѣво,
На право — радъ, на лѣво — полонъ гнѣва;
А прочіе совсѣмъ наоборотъ,
За тѣмъ, что лѣвая имъ выигрышъ даетъ.
И такъ они сидятъ, гадаютъ, да гадаютъ,
И если ихъ спросить: счастливы иль страдаютъ,
Про то они, повѣрь, едваль и сами знаютъ!
Но люди таковы; и важное, и вздоръ
Равно влечетъ къ себѣ ихъ малодушный взоръ,
Особенно-жъ для нихъ исполнено прельщеній

Все то, что имъ даетъ хоть пару ощущеній,—
И то, что принялъ ты за важный ихъ совѣтъ. —
Игра картежная.... Забава зрѣлыхъ лѣтъ, —
Ничтожество.... борьба ничтожнѣйшихъ усилій!!!»
Сказавъ,—умолкъ мой проводникъ Виргилій,
И дальше мы прошли....

И еще многое, столько же туманное и странное снилось мнѣ въ тревожномъ отдохновеніи моемъ послѣ послѣдней ирбитской ночи.

Я былъ радъ пробужденію, и спѣшу отнести это письмо на почту, чтобы не наполнить его еще чѣмъ-нибудь, подобнымъ моему дантовскому видѣнію, и тѣмъ окончательно не наскучить вамъ.

ПИСЬМО 3-е.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ, ЧРЕЗЪ УРАЛЪ, ИЗЪ АЗІИ ВЪ ЕВРОПУ.

Степная площадь отъ Ирбита до Екатеринбурга. Екатеринбургскій бульваръ. Соборная площадь и гостинница. Хозяинъ гостинницы и знаменитый Гумбольдтъ. Humanum est errare. Уральскіе камни и печати. Монетный дворъ. Гранильная фабрика. Механическая фабрика. Необитаемый домъ или характеристика мѣстнаго быта. Жизнь для себя и жизнь для гостей. Отрывокъ изъ повѣсти казака Луганскаго. Баснословный свадебный пиръ. Женскіе костюмы и юноши съ Лондонской выставки. Отрывки изъ поэмы моего пріятеля. Граница Европы съ Азіей. Кленовская гора и характеръ зимняго уральскаго горнаго пейзажа. Златоустовскіе ключи. Кунгуръ, его отличительныя свойства и древнее патріархальное обыкновеніе.

Екатеринбургъ. 3 марта.

Болѣе двухсотъ верстъ дорога отъ Ирбита до Екатеринбурга, черезъ маленькій, печальный городокъ Ка-

мышловъ, тянется степью. По обѣимъ сторонамъ дороги ровно и гладко, и только кое-гдѣ наносный снѣгъ образовалъ сугробы. Да, здѣсь еще лежитъ нетронутый, зимній снѣгъ, и дорога начнетъ разрушаться только съ половины марта. Убійственные ныркн сглажены для обратнаго проѣзда изъ Ирбита начальствующихъ лицъ губерніи. Чрезъ каждыя пять-шесть верстъ стоятъ пикеты, то-есть башкиро-мещерякская или тептярская стража, охраняющая ярмарочные обозы отъ всевозможныхъ хищническихъ случаевъ.

Кругомъ пейзажъ унылый; селенія рѣдки, — и глазамъ отраднѣе всего видѣть приближающуюся станцію. До самаго Екатеринбурга ни одной горной высоты, между тѣмъ какъ Екатеринбургъ лежитъ въ лощинѣ такъ-называемаго Уральскаго хребта, состоящаго, какъ извѣстно, изъ трехъ параллельно идущихъ отъ сѣвера къ югу или взаимно-переплетающихся грядъ, которыя на протяженіи почтоваго тракта, пересѣкающаго ихъ, обозначаются значительными возвышенностями въ трехъ мѣстахъ: Екатеринбургъ лежитъ на восточномъ кряжѣ, который отъ него идетъ къ сѣверу и югу; средній кряжъ тянется вправо и влѣво отъ Бисертской, Кленовской и Киргишанской станцій; это самое высокое мѣсто почтовой дороги; наконецъ третья или западная гряда обозначается здѣсь высотами Суксунскими, верстъ сорокъ не доѣзжая до г. Кунгура.

Миновавъ екатеринбургскій шлагбаумъ, я ѣхалъ вдоль бульвара, мимо небольшихъ, но хорошенькихъ домиковъ, съ вывѣсками, между которыми чаще всего встрѣчается надпись: «рѣзчикъ печатей» или «продажа

екатеринбургскихъ каменныхъ вещей и печатей.» Я вспомнилъ, что здѣсь міръ аметистовъ, топазовъ, сердоликовъ, берилловъ и шерловъ. Съ бульвара привезли меня на площадь, посреди которой стоитъ церковь съ прекраснѣйшей, стройной, легкой и высокой колокольней, совсѣмъ несоотвѣтствующей массивному корпусу остальной части храма. Это соборъ. Тутъ-же гдѣ-то, противъ собора, ямщикъ мой отыскалъ гостинницу, гдѣ я нашелъ чистое, опрятное, даже довольно изящное и недорогое помѣщеніе. Ко мнѣ явился хозяинъ гостинницы, толстенькій краснощекій господинъ съ лукавыми глазками; на немъ былъ пунцовый бархатный жилетъ и длиннополый сюртукъ. Это человѣкъ замѣчательный: онъ былъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ знаменитымъ, универсальнымъ энциклопедистомъ, барономъ Александромъ фонъ-Гумбольдтомъ. Разскажу вамъ куріозную исторію этихъ отношеній, какъ мнѣ ее здѣсь вчера разсказали достовѣрные люди. Нынѣшній владѣлецъ гостинницы, въ которой пишу я къ вамъ эти строки, былъ простымъ заводскимъ мастеровымъ въ то время, когда знаменитый геологъ и туристъ баронъ фонъ-Гумбольдтъ посѣтилъ Екатеринбургъ: это было около 1840 года (не умѣю вамъ сказать, многимъ-ли ранѣе или позже). Гумбольдту былъ сдѣланъ въ Екатеринбургѣ, также какъ и на всемъ Уралѣ, пріемъ почетный, вполнѣ соотвѣтственный громкой знаменитости ученаго. Дѣланы были оффиціальные обѣды, на которыхъ сибирское угощеніе давало себя знать славному естествоиспытателю. Шампанское лилось въ честь и за здоровье гостя, которому не совсѣмъ здоровилось отъ такихъ почестей,

и который предпочиталъ шампанскому уральскую рябиновку, пилъ ее съ удовольствіемъ и далъ ей названіе уральскаго вина: «Uralwein.» Вѣроятно въ многозмѣщающей, украшенной почетными сѣдинами, головѣ ученаго оставались еще пары «уралвейна», когда онъ однажды возвратился въ свою гостинницу съ одного изъ екатеринбургскихъ обѣдовъ. Въ корридорѣ встрѣтилъ онъ какого-то человѣка съ двумя огромными топазовыми печатями, сдѣланными на подобіе вазъ. Человѣкъ этотъ поклонился ученому и молча показалъ ему исполинскіе топазы, бѣлые и чистые, какъ ключевая вода, величины, невиданной даже всесвѣтнымъ путешественникомъ, и превосходной гранильной отдѣлки. Гумбольдтъ ахнулъ, и вырвалъ изъ рукъ продавца драгоцѣнныя печати, изъ которыхъ каждая была едва-ли не съ добрую бутылку. Въ номерѣ Гумбольдта было уже темновато, но онъ могъ еще подойдти къ окну и полюбоваться уральскимъ сокровищемъ, повертывая его въ рукахъ противъ свѣта.—«Вотъ будутъ прекрасные подарки царственнымъ моимъ покровителямъ; одну печать поднесу ея величеству королевѣ Викторіи Англійской, другую Прусскому королю, — подумалъ баронъ, и, обратясь къ продавцу печатей, спросилъ его чрезъ переводчика о цѣнѣ печатей.

— Шесть-сотъ рублей серебромъ, скромно отвѣчалъ продавецъ.

Баронъ поморщился, поторговался, но не долго; онъ боялся упустить изъ рукъ великолѣпное пріобрѣтеніе, и полезъ въ шкатулку за деньгами. Продавецъ печатей ушелъ съ шестью-стами рублей въ карманѣ, а Гумбольдтъ принялся еще разъ любоваться чистотою и не-

обычайной величиною камней. Черезъ полчаса входитъ къ нему екатеринбургскій горный офицеръ N.... Гумбольдтъ радостно встрѣчаетъ его словами: «какія у васъ здѣсь сокровища! Такой величины топазовъ я не видѣлъ ни въ Богеміи, ни въ Бразиліи . . . .» Горный офицеръ посмотрѣлъ на покупку ученаго, улыбнулся, спросилъ о количествѣ платы за печати, и съ убійственной увѣренностію сказалъ:

— Это поддѣлка! Это стекла....

Судите о положеніи ученаго, обманутаго и ограбленнаго! И обманутаго въ томъ, на изученіе чего посвятилъ онъ столько лѣтъ своей жизни: въ минералогіи! Единственное утѣшеніе почтенному старцу оставалось въ темнотѣ сумерекъ, помѣшавшихъ ему хорошенько разглядѣть свою покупку. Между тѣмъ полиція уже разыскивала продавца поддѣльныхъ топазовъ. Вскорѣ онъ на лицо былъ представленъ Гумбольдту. Офицеръ, бывшій при немъ, спросилъ продавца:

— Какъ ты осмѣлился обманывать?

— Я не обманывалъ, ваше высокоблагородіе.

— Какъ не обманывалъ? Развѣ это не обманъ, взять за стеклянныя печати 600 рублей?

— Но я не говорилъ имъ, что это топазовыя.... Они сами лучше меня могли распознать это дѣло: они вѣдь ученые....

Гумбольдтъ подтвердилъ, что дѣйствительно продавецъ печатей не выдавалъ ихъ за топазовыя. Потомъ, съ истиннымъ благородствомъ, просилъ, чтобы не преслѣдовали продавца печатей, принявъ всю вину на себя и на свою неосмотрительность, и не хотѣлъ даже взять

обратно своихъ денегъ отъ продавца, который, по мнѣнію великаго человѣка, былъ вправѣ просить сколько хотѣлъ за свои вещи, хоть-бы онѣ и ничего не стоили.

Продавецъ печатей былъ ни кто иной, какъ нынѣшній хозяинъ моей гостинницы; легко быть можетъ, что онъ началъ созидать благосостояніе свое на деньгахъ знаменитаго германскаго ученаго, который своимъ екатеринбургскимъ приключеніемъ еще разъ доказалъ справедливость древняго изреченія: humanum est errare, т. е. «заблуждаться—есть удѣлъ всѣхъ человѣковъ!...»

Сегодня утромъ, въ передней моего номера нашелъ я нѣсколько продавцевъ уральскихъ камней и печатей. Очень кстати было припоминать анекдотъ о Гумбольдтѣ. Не имѣя минералогическихъ свѣдѣній ученаго, я поостерегся, и купилъ рублей на двадцать разной мелочи, на память объ Уралѣ. На нѣкоторыхъ печатяхъ продавцы взялись, за весьма умѣренную цѣну, вырѣзать вензеля и гербы, и послѣ обѣда все было уже готово. Здѣсь множество искусныхъ граверовъ, но мало у нихъ вкуса и образцевъ; не достаетъ истиннаго художника по этой части, а это очень жаль, потому, что изъ прекраснѣйшихъ здѣшнихъ мраморовъ, яшмъ, порфировъ, топазовъ и аметистовъ, можно было бы дѣлать истинно-художественныя вещи. Видно, что когда-то были здѣсь порядочные образцы, но давно устарѣли и измѣнились въ небрежныхъ и аляповатыхъ подражаніяхъ рутины.

Желая осмотрѣть достопримѣчательности города, я прибѣгнулъ къ совѣту моего хозяина.

— Посмотрите Гранильную и Механическую фабрики, посмотрите здѣшнія единовѣрческія церкви, Монетный дворъ, домъ купца N.

— Частный домъ?

— Да-съ.

— А чтожъ тамъ особенно замѣчательнаго?

— Убранство богатое-съ.

— Но вѣдь надобно познакомиться съ хозяиномъ дома.

— Зачѣмъ-съ? Проѣзжающіе и такъ ходятъ, посмотрѣть; въ домѣ хозяинъ самъ не живетъ-съ, а показываютъ домъ всякому-съ.

Странная прихоть: выстроить и отдѣлать домъ на показъ и не жить въ немъ самому! Я поѣхалъ осматривать городскія достопримѣчательности.

На монетномъ дворѣ здѣсь чеканятся только мѣдныя деньги. Гранильная фабрика очень интересна. Здѣсь, не торопясь, безъ шума и блеска, выдѣлываются капитальныя и неоцѣненныя вещи для Императорскаго Кабинета. Я видѣлъ огромную вазу изъ цѣльнаго штуфа зеленоватой яшмы; вазу эту сѣкутъ и гранятъ ежедневно нѣсколько человѣкъ мастеровыхъ въ теченіе уже десяти лѣтъ, и даже болѣе. Чего стоитъ матеріалъ и во что обойдется десятилѣтній трудъ нѣсколькихъ мастеровъ! Вотъ вещь капитальная и художественная въ истинномъ смыслѣ слова! Другая ваза, — изъ lapis-lazzuli, — остановила меня своимъ привлекательнымъ голубымъ цвѣтомъ и египетскимъ трудомъ мастеровыхъ, составлявшихъ оклейку вазы изъ маленькихъ плиточекъ lapis-lazzuli, который, какъ извѣстно, не бываетъ въ большихъ кускахъ

и разсыпается при обдѣлкѣ. Въ разныхъ комнатахъ фабрики помѣщаются разные мастера, работаютъ каменныя мозаики, изображающія птицъ или плоды; тутъ же видѣлъ я прекрасное аметистовое подражаніе виноградной кисти: каждая ягодка кисти — округленный, свѣтлый, лиловый аметистъ. Это хорошенькое произведеніе искусства предназначено для украшенія яшмоваго presse-papier.

Механическая фабрика — огромнѣйшее и еще новое зданіе, предназначенное для сооруженія и поправки всѣхъ машинъ, нужныхъ для заводовъ уральскихъ, и даже для пароходовъ. Одно водяное маховое колесо приводитъ въ движеніе всѣ безчисленные станки и машины, размѣщенные въ огромныхъ залахъ фабрики и сообщающіеся съ своимъ двигателемъ посредствомъ цѣлой паутины ременныхъ приводовъ. Слесарные, стругальные, токарные станы дѣйствуютъ какъ-бы сами-собою, производя весьма мало шума: можно подумать, что здѣсь прядутъ нитки, а не точатъ или стругаютъ крѣпчайшее уральское желѣзо. Чистота, порядокъ, стройность—также замѣчательны на механической фабрикѣ.

Если вы заходили въ петербургскую единовѣрческую церковь, что на Грязной улицѣ, на углу Кузнечнаго переулка, то вы можете имѣть понятіе о здѣшнихъ единовѣрческихъ храмахъ, изъ которыхъ одинъ особенно замѣчателенъ по своей прекрасной архитектурѣ и по извѣстному стилю раскольнической иконописи.

Наконецъ, извозчикъ мой привозитъ меня къ какому-то небольшому одно-этажному дому, сильно набѣленно-

му, но впрочемъ неимѣющему ничего особенно привлекательнаго въ своей уличной наружности.

— Куда ты привезъ меня? спрашиваю я извозчика.

— А вѣдь вы изволили приказывать въ домъ купца N....

Я вспомнилъ, что домъ купца N—зарекомендованъ мнѣ моимъ хозяиномъ, какъ нѣчто замѣчательное и составляющее предметъ любопытства проѣзжающихъ.

Вхожу, ищу великолѣпія,—и нахожу маленькія комнатки, суконные или позолоченные обои, вообще много позолоты, много спѣси, безвкусія, и ни капли того, чего искали взоры мои. Въ одной изъ комнатъ стоитъ новенькій палиссандровый рояль. Я открылъ его, сдѣлалъ аккордъ, и отошелъ прочь: мнѣ показались непріятными полные звуки прекраснаго инструмента въ пустотѣ необитаемаго жилища.... Съ грустнымъ впечатлѣніемъ я оставилъ его. Но необитаемый домъ купца N составляетъ собою рельефную черту общаго характера здѣшняго быта. Здѣсь много капиталистовъ, но мало образованныхъ людей, мало потребностей въ истинно-пріятной и разумной роскоши. Здѣшняя-же роскошь состоитъ въ страшныхъ тратахъ на тщеславные, но безтолковые пиры, которыми щеголяетъ одна половина здѣшняго общества, то-есть классъ купцовъ и золотопромышленниковъ, передъ другою половиною, то-есть чиновниками и офицерами горнаго вѣдомства. Дома-же, у себя, въ будни, здѣсь живутъ скромненько, и во многихъ раззолоченныхъ домахъ въ простые дни года — жгутся сальныя свѣчи, по крайней мѣрѣ когда нѣтъ посторонняго посѣтителя.... Здѣсь нельзя не вспомнить

превосходнаго отрывка изъ «Колбасниковъ и Бородачей», казака Луганскаго: «.... Не то, чтобы вы въ «домѣ Корюшкина нашли, въ обыкновенные дни, какую «нибудь роскошь, кромѣ развѣ богато, хотя и безвкусно-«убранныхъ комнатъ; напротивъ того, будничная жизнь «Якова Ивановича ничѣмъ почти не отличалась отъ «убогой жизни нашихъ мѣщанъ. Часу въ пятомъ утра пилъ «онъ чашки три-четыре постнаго чайку; часу въ осьмомъ «полудновалъ, то-есть выпивъ рюмку простой пѣнной, «закусывалъ горячимъ пирожкомъ, лепешкой, ватруш-«кой, или холодной печенкой, до которой былъ большой «охотникъ; въ исходѣ двѣнадцатаго Корюшкинъ обѣдалъ «щи, кашу, пирогъ, а тамъ ложился отдыхать, выпивъ «еще жбанъ мятнаго квасу; въ шесть часовъ тотъ же «скромный чаекъ; въ девять — щи да каша, и съ Бо-«гомъ отходилъ ко сну.... Корюшкинъ былъ молча-«ливъ, угрюмъ; дома говорилъ только отрывистымъ «голосомъ, когда что нибудь приказывалъ, а затѣмъ «вздыхалъ часто и глубоко, Богъ вѣсть о чемъ, при-«говаривая шопотомъ: «о Господи, помилуй насъ грѣш-«ныхъ!» Но за то, на Корюшкина находила изрѣдка «гульливая полоса, которая уже ни въ чемъ не знала «мѣры. Онъ тогда задавалъ, ни съ того ни съ сего, безсмысленные и безтолковые пиры, на которыхъ «только-что не купалъ сотню гостей въ такъ-называе-«момъ шампанскомъ. Шампанское, по мнѣнію Корюш-«кина, одно только доказывало принадлежность общества «къ образованному высшему кругу; шампанское состав-«ляло единственное звѣно той важной цѣпи, которая «приковывала его къ сословію баръ и отличала отъ

«простолюдина. При такихъ случаяхъ Корюшкинъ го-
«товъ былъ измѣрить степень просвѣщенія и образо-
«ванія общества по числу выпитыхъ имъ ящиковъ
«шампанскаго....»

Еслибы кто-нибудь изъ екатеринбургцевъ захо-тѣлъ назвать преувеличеніемъ настоящія мои строки, то пусть онъ прежде вспомнитъ хоть напримѣръ пиръ, бывшій назадъ тому семь или восемь лѣтъ, и о которомъ преданіе до сихъ поръ живо въ памяти всѣхъ мѣстныхъ жителей. Пусть вспомнитъ онъ этотъ мѣсяцъ, протекшій въ безпрерывныхъ угощеніяхъ цѣлому городу со стороны двухъ капиталистовъ-золотопромышленниковъ, породнившихся женидьбою сына одного на дочери другаго; пусть вспомнитъ это шампанское, закупленное во всѣхъ ближнихъ городахъ, и даже въ Тюмени и, кажется, въ Казани; эти возліянія дорогаго вина на гривы лошадей, или на пыльную дорогу, чтобы не пылила, когда поѣдутъ молодые на заимку и т. д..... Не описываю подробностей пира, потому-что боюсь, не повѣрятъ правдивому перу моему: такъ баснословны картины и размѣры роскошнаго празднества!...

Лѣтомъ въ Екатеринбургѣ пусто и тихо. Золотопромышленники уѣзжаютъ на свои пріиски; но зимою всѣ они въ сборѣ, въ Екатеринбургѣ, и что̀ прикажете дѣлать имъ, какъ не роскошествовать по крайнему своему разумѣнію?...

Только все дѣло-то и состоитъ въ этомъ «крайнемъ разумѣніи».

Что касается до внѣшности, то вы здѣсь встрѣтите ее въ самомъ цивилизованномъ видѣ. Женскіе костюмы выписаны изъ Петербурга. Юноши ходятъ по послѣдней лондонской модѣ, которую сами они привезли со всемірной выставки, не пріобрѣтя тамъ, впрочемъ, ничего болѣе....

Но довольно о Екатеринбургѣ въ нынѣшнемъ положеніи его процвѣтанія. Боюсь прибавить что-нибудь раздражительное для гостепріимныхъ жителей уральскаго города: неблагодарность—есть мать всѣхъ пороковъ!...

Кленовская станція. 5 марта.

Не доѣзжая нѣсколько верстъ до Рѣшетъ, ближней къ Екатеринбургу станціи, на правой сторонѣ дороги видѣлъ я гранитный столбъ, осѣненный двумя деревьями и окруженный перилами. На двухъ сторонахъ его надписи: на восточной—«Азія», на западной—«Европа» — и только. Какъ это знаменательно! Какъ выразительно говоритъ этотъ столбъ о необъятности Русской земли! Здѣсь путешественникъ можетъ, въ буквальномъ смыслѣ, стоять на линіи, отдѣляющей двѣ

стороны Свѣта . . . . Но линія эта условная, и ни что не характеризуетъ здѣсь различія Азіи отъ Европы.

Далѣе, по обѣимъ сторонамъ тракта встрѣчаются дороги проселочныя, или заводскія; онѣ ведутъ въ прекраснѣйшіе горные заводы Строгановыхъ, Ярцевыхъ, Демидовыхъ, Губиныхъ и проч. Шайтанка, гдѣ вамъ въ повозку мѣстные мальчишки накидаютъ магнитовъ; Ревда, Серги, Балимбаиха, все это знаменитыя средоточія металлоносныхъ здѣшнихъ странъ, о которыхъ, можетъ быть, успѣю я сказать вамъ что-нибудь въ слѣдующемъ письмѣ.

Отъ Гробовской станціи начинаются волнообразные холмы средней, или главной гряды Уральскаго хребта. Въ Бисерти уже настоящій уральскій горный пейзажъ, а не доѣзжая до здѣшней, то-есть Кленовской станціи, я былъ на Кленовой-Горѣ, которая считается высшимъ пунктомъ на всемъ протяженіи почтоваго тракта черезъ Уральскія горы. Съ Кленовой-Горы открывается большой горизонтъ. Подъ бѣлымъ, матовымъ зимнимъ небомъ лежитъ огромное пространство, усѣянное высокими, но не скалистыми холмами. Холмы эти покрыты черными лѣсами или бѣлыми полотнами снѣга. Черный и бѣлый цвѣта преобладаютъ въ необъятной картинѣ, которая можетъ служить образцемъ всей зимней уральской природы, повсюду мрачной, не богатой красками, и не рѣзко-выдающейся, но какъ-то округленно-разстилающейся передъ глазами зрителя. Что-то холодное, непривѣтливое вѣетъ вамъ на душу отъ этой природы; но при воспоминаніи о сокровищахъ, таящихся въ ея нѣдрахъ, вы невольно сознаёте непреложность общаго

закона, по которому скромная и холодная внѣшность повсюду, въ вещахъ и въ людяхъ, облекаетъ собою все истинно-сильное, истинно-великое и дорогое....

6 марта, г. Кунгуръ.

Съ Кленовской станціи горы, а съ ними и дорога— замѣтно понижаются. Въ-лѣво, за Ачитомъ, идетъ проселокъ въ Красноуфимскъ, ни чѣмъ не замѣчательный уѣздный городокъ пермской губерніи. Сорокъ верстъ за Ачитомъ — живописное «Златоустовское селеніе», или «Ключи»; послѣднее названіе дано селенію на томъ основаніи, что вокругъ него множество разныхъ ключей, изъ которыхъ одинъ минеральный, холодный, сильно пропитанный сѣрою. Маленькая рѣчка, образующаяся изъ множества источниковъ, — не замерзаетъ во всю зиму, и странно видѣть на ней плавающую домашнюю птицу, тогда какъ въ воздухѣ 15° мороза, а на берегахъ рѣчки высокій слой снѣга. Къ сѣрному златоустовскому ключу пріѣзжаютъ лѣтомъ больные, но въ небольшомъ числѣ, вѣроятно потому, что при ключѣ нѣтъ ни устройства, ни врача; да и самый ключъ пользуется извѣстностію только въ окрестныхъ сторонахъ, или между недужными, получившими отъ него исцѣленіе. Здѣшній станціонный смотритель считаетъ себя знатокомъ свойствъ сѣрнаго ключа и подаетъ совѣты пріѣзжающимъ сюда для пользованія. Ключъ выбѣгаетъ изъ подошвы значительной горы, неподалеку отъ рѣчки, которая часто его заливаетъ своей прѣсной водою. Миновавъ Суксунскую высоту, послѣднюю западную отрасль Урала по почтовому тракту и проѣхавъ безконечную Моргуновскую станцію, я спустился въ

глубокую котловину Кунгура, одного изъ старѣйшихъ пермскихъ городковъ, весьма-красиво раскинутаго въ глубокой долинѣ, при сліяніи рѣкъ Сылвы и Ирени. Кунгуръ замѣчателенъ своимъ кожевеннымъ дѣломъ, своими огурцами, любовью своихъ гражданъ къ большимъ колоколамъ и, между прочимъ, древностію существующаго здѣсь обыкновенія, оставшагося едва-ли не отъ вѣковъ Калиты и Боголюбскаго, и строго соблюдаемаго не только низшимъ классомъ народа, но и людьми чиновными. Въ чемъ состоитъ этотъ обычай, вы сейчасъ узнаете изъ моего разговора съ служанкой одного кунгурскаго моего знакомца, къ которому завернулъ я на минутку, проѣздомъ чрезъ городъ.

— Дома баринъ? спросилъ я краснощекую здоровую бабу, сидѣвшую на подъѣздѣ съ чашкою пельменей, плававшихъ въ уксусѣ.

— Нѣту-ка! отвѣчала мнѣ камеристка, дожевывая сочный и толстый, какъ сама она, пельмень или, правильнѣе: пель-нянь.

— А гдѣ-же баринъ?

— Въ банѣ.

— Ну, такъ я пройду къ барынѣ.

— И барыни нѣту.

— Гдѣ-же барыня?

— Да и она въ банѣ....

Я вспомнилъ, что сегодня суббота и что здѣсь добрые супруги никогда и нигдѣ не разлучаются.

Отсюда до Перми только $87^1/_2$ верстъ. Говорятъ, что дорога будетъ превосходная и что меня довезутъ до губернскаго города въ какіе-нибудь шесть часовъ.

ПИСЬМО 4-е.

ПЕРМЬ, И ОТПЛЫТІЕ НА КАМСКОМЪ ПАРОХОДѢ.

. . . Кто долго жилъ въ глуши печальной . . . .

(*Графъ Нулинъ*).

Послѣдній пріѣздъ въ Пермь. Всѣмъ извѣстныя случайности на почтовыхъ дорогахъ и на дорогѣ жизни. Глушь-ли въ Перми? Изнанка и лице пермской обычной жизни. Совѣты будущимъ посѣтителямъ Перми. Неаккуратность въ назначеніи времени отплытія пароходовъ. Отплытіе.

6 мая.

Нынѣшній мой пріѣздъ въ Пермь для меня очень многозначителенъ: онъ, повидимому, послѣдній! Впрочемъ, за что человѣкъ можетъ ручаться на свѣтѣ? Не готовъ ли я былъ ручаться, лѣтъ восемь тому назадъ, что меня, еще юнаго служителя петербургской Ѳемиды и петербургскихъ Музъ, никакой вѣтеръ не занесетъ въ эту новую столицу древняго «Пермскаго Конца» древнихъ Новгородцевъ? И, между тѣмъ, я прожилъ въ ней пять лѣтъ!

Переѣзжая, въ буквальномъ смыслѣ стиховъ Пушкина

. . . . «Отъ Перми до Тавриды,
«Отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды,—

сколько разъ испытывалъ я слѣдующее происшествіе: ѣду, бывало, куда нибудь, верстъ за тысячу, и разсчи-

тавъ заранѣе день и даже часъ, въ который слѣдовало-бы мнѣ доѣхать до цѣли, совершенно успокоиваюсь въ моей повозкѣ, или въ моемъ тарантасѣ, и даже не слишкомъ тороплю моихъ флегматическихъ ямщиковъ, въ полной увѣренности, что въ такой-то день и часъ непремѣнно доѣду куда слѣдуетъ... И что же? Вдругъ на какой нибудь станціи приглашаютъ меня провести ночь или даже цѣлые сутки, объявляя, что нѣтъ и не будетъ мнѣ лошадей, или сломается ось моего тарантаса, и вынудитъ меня, совершенно противъ моихъ разсчетовъ, денёкъ-другой «повременить» — въ такомъ мѣстѣ нашей обширной Имперіи, въ которомъ произвольно не остался-бы я ни за какую премію.

Точно такія продѣлки совершаетъ съ нами судьба и на другой, болѣе широкой и продолжительной дорогѣ: на дорогѣ нашей жизни. Вдругъ ей вздумается подломить вашу ось гдѣ нибудь въ Перми, и на пять лѣтъ сдѣлать Пермь вашей станціей. . .

Эта исторія бываетъ со всѣми; была она и со мною, и именно въ Перми дожидался я пять лѣтъ, пока судьба исправляла ходъ моего экипажа для дальнѣйшаго житейскаго странствованія. Не смотря на эпиграфъ этого письма, обѣщающій вамъ, любезные друзья, картину глухаго заброшеннаго русскаго городка, — я вовсе не думаю забавлять васъ описаніемъ «глуши печальной...» По моему мнѣнію слова Грибоѣдова:

. . . Въ Саратовъ, въ глушь. . .

не только не могутъ въ наше время относиться къ Саратову, но не могутъ быть примѣнены даже и къ Перми. Въ Перми читаются журналы и газеты, которые послѣ

открытія Московско-Петербургской желѣзной дороги, получаются здѣсь изъ Петербурга въ десятый день: трудно же назвать глушью городъ, который отъ столицы отстаетъ только десятью днями въ пріобрѣтеніи новинокъ. Черезъ Пермь лежитъ большой трактъ въ быстро-разцвѣтающую Сибирь и въ торговый городъ Ирбитъ; слѣдовательно не бываетъ въ Перми недостатка въ заѣзжихъ гостяхъ, часто именитыхъ и просвѣщенныхъ, которыхъ гостепріимно встрѣчаютъ пермяки и которые не всегда находятъ въ Перми глушь или скуку.... Въ Перми, наконецъ, есть пароходство, есть театръ, есть порядочные люди. Чего же еще вы можете требовать отъ любаго провинціальнаго города нетолько въ Россіи, но и въ Сѣверной Англіи, въ Шотландіи, во Французскихъ провинціяхъ: свидѣтели тому Тэккерей, Жюль-Сандо, Шарль-Бернаръ и многіе другіе нравоописатели, совершенно заслуживающіе довѣрія.

Правда, есть въ Перми нѣсколько тяжелыхъ условій жизни, нѣсколько смѣшныхъ или невыносимыхъ типовъ; есть тамъ суровая (но и здоровая!), шестимѣсячная зима; есть тамъ болѣзненная любовь къ картамъ, есть сплетни, есть недоученые умники, есть невыносимо-брюзгливые старики, есть приводящій душу въ уныніе оркестръ... По свидѣтельству нѣкоторыхъ почтенныхъ путешественниковъ , есть кое-что и хуже въ Перми; такъ напримѣръ г. Мельниковъ нашелъ здѣсь едва ли не египетскую тьму невѣжества; г. Горловъ — неимовѣрное исключительно-большое, сравнительно съ прочими городами Россіи, потребленіе игральныхъ картъ; г. Небольсинъ — черезчуръ изуродованный русскій

языкъ, какъ напримѣръ, выраженіе «прóшки ширкнуть» вмѣсто: табаку понюхать; но, не въ обиду почтеннымъ литераторамъ, все это небольшія съ ихъ стороны преувеличенія! Что же касается до имѣющихся въ Перми брюзгливыхъ старичковъ, дѣйствительнаго пристрастія къ картамъ, сплетень, недоученыхъ умниковъ, и одичалаго оркестра, то, опять-таки скажу, гдѣ же на Руси, въ какомъ провинціальномъ городѣ, нѣтъ всѣхъ этихъ явленій? . . .

За то, съ другой стороны, сколько здѣсь и явленій, примиряющихъ съ жизнью въ провинціи! Конечно, быть можетъ, надобно прожить здѣсь пять лѣтъ, чтобы по достоинству оцѣнить ихъ; взгляду проѣзжаго онѣ не открываются; но тѣмъ не менѣе онѣ существуютъ, и я хочу вамъ о нихъ свидѣтельствовать.

Почти съ сожалѣніемъ объ оставляемой мною Перми, вспоминаю я теперь о тишинѣ, которую встрѣчалъ я только здѣсь и въ которой такъ привольно, такъ свободно созрѣвать всякому умственному труду. . . .

Съ отрадой, многимъ незнакомой, —

(*Лермонтовъ*).

вспоминаю я, и буду всегда вспоминать, объ этихъ мирныхъ вечерахъ въ немногихъ, конечно, но тѣмъ еще болѣе драгоцѣнныхъ кружкàхъ, гдѣ хозяинъ такъ проникнутъ чистой любовью ко всему правдивому и возвышенному, гдѣ хозяйка такъ радушно привѣтлива, и такъ умно и мило разговорчива, гдѣ съ истиннымъ наслажденіемъ и вѣрной оцѣнкой встрѣчается каждое новое замѣчательное явленіе отече-

ственной литературы; гдѣ еще разговариваютъ о русской литературѣ; гдѣ имена Авдѣева, или Тургенева, Григоровича или Дружинина произносятся часто и съ уваженіемъ; гдѣ идутъ споры о Лермонтовѣ и Пушкинѣ; гдѣ всѣ эти споры и чтенія прерываются невзыскательной доморощенной музыкой, и заканчиваются превосходнымъ ужиномъ съ отличнѣйшими винами. . . . А лѣто въ Перми? а эти кабріолетныя ристалища вдоль безконечной, тѣнистой аллеи? а прогулки по высокому берегу Камы, которая широко и величаво обтекаетъ съ одной стороны красивый городокъ, а съ другой безконечную равнину лѣсовъ? а эти страшныя явленія лѣсныхъ пожаровъ, издалека проливающихъ зловѣщій свѣтъ своего зарева на темное ночное небо, на тихую рѣку и на спящій городъ? а эти одинокія прогулки верхомъ?...

Все это, какъ хотите, имѣетъ свою цѣну въ глазахъ людей, ищущихъ въ жизни не однихъ мишурныхъ упоеній блеска, но и этихъ прочныхъ наслажденій, которыя сердце и умъ находятъ только въ тишинѣ и свободѣ.

Не требуйте отъ меня, какъ отъ пяти-лѣтняго жителя Перми, подробнаго изложенія ея «статистическихъ данныхъ». Не многимъ просвѣтлѣетъ понятіе ваше объ этомъ городѣ, если, въ дополненіе къ сказанному выше, я прибавлю, что въ Перми есть пять прекрасныхъ каменныхъ церквей, и одна деревянная, (на живописномъ здѣшнемъ «старомъ» кладбищѣ); что тутъ считаютъ до 11,000 жителей, что двѣ лучшихъ здѣшнихъ улицы называются — одна «большою», а другая «богородскою»; что здѣсь есть три - четыре прекрасныхъ магазина; что здѣсь на улицахъ никогда не бываетъ гря-

зи, потому что весь городъ построенъ на песчаномъ грунтѣ и на возвышенности, съ которой, естественно, всякая влажность стекаетъ въ Каму; что на лѣто пріѣзжаетъ сюда екатеринбургская (весьма удовлетворительная) театральная труппа; что климатъ здѣсь до того здоровъ и крѣпителенъ, что доктора забываютъ половину своихъ рецептовъ, а старики живутъ по два вѣка и, какъ здѣсь выразительно говорится, «чужой вѣкъ заѣдаютъ». Не буду много распространяться обо всемъ этомъ; если же судьба занесетъ кого нибудь изъ васъ въ Пермь, хотя на короткое время, то послушайтесь моего совѣта и обратите особенное ваше вниманіе на слѣдующія достопримѣчательности Перми: прогуляйтесь по берегу Камы, или влѣво отъ городскаго собора, или по горамъ старой мотовилихинской дороги, и полюбуйтесь, съ романомъ Фенимора Купера въ рукахъ, этой огромной, плавной, величавой рѣкою и противуположнымъ берегомъ ея, покрытымъ лѣсами и лѣсами на необозримое пространство. Я увѣренъ, что эта пустынная рѣка, этотъ безграничный лѣсной міръ покажутся вамъ братьями тѣмъ американскимъ рѣкамъ и тѣмъ дѣвственнымъ саванамъ, которыя такъ живописны на страницахъ Купера. Прокатитесь верхомъ, или въ кабріолетѣ, въ низенькомъ и удобномъ здѣшнемъ кабріолетѣ, верстъ за-семь по сибирскому тракту: вы здѣсь испытаете наслажденіе дышать чистымъ, крѣпительнымъ воздухомъ, пропитаннымъ смолистыми благоуханіями хвойнаго сѣвернаго лѣса. Сходите на старое кладбище (только не читайте доморощенныхъ надгробій: онѣ не расположатъ васъ къ пріі-

ятной меланхоліи!) и полюбуйтесь этимъ дремучимъ боромъ, въ тиши котораго, кажется, такъ покойно и такъ прохладно почивать усопшимъ. . . . Побывайте въ лѣтнемъ отдѣлѣ Петропавловскаго собора или въ собственной церкви Архіепископа; здѣсь увидите вы фрески никѣмъ незамѣчаемой, но замѣчательной работы А. У. Орлова, *самородка*-художника, получившаго едва первоначальные уроки живописи отъ монаховъ Саровской пустыни, и потомъ въ Арзамасскомъ училищѣ живописи. Мѣщанинъ Орловъ, какъ многіе его собраты на Руси, при необыкновенной даровитости своей, съ помощію которой уже успѣлъ онъ стать на значительную высоту въ своемъ искусствѣ, мало даетъ цѣны своему дарованію, которое, конечно, требовало бы и бо́льшаго образованія самого художника, и лучшихъ образцевъ. Орловъ былъ, лѣтъ десять тому назадъ, въ Петербургѣ, видѣлъ Эрмитажъ, былъ въ залахъ Академіи; но съ тѣхъ поръ, какъ судьба забросила его въ Пермь, безпечно живетъ онъ гдѣ-то въ пригородной слободѣ, окружилъ себя учениками и помощниками, и работаетъ лишь столько, сколько находитъ нужнымъ для снисканія средствъ къ неприхотливой жизни; о дальнѣйшемъ же усовершенствованіи своемъ мало заботится, какъ по врожденной безпечности характера, такъ и вслѣдствіе большихъ надеждъ, которыя онъ полагаетъ на силу дѣйствительно огромнаго своего дарованія. Надо дивиться смѣлости, граціи и величію его эскизовъ; надобно дивиться сходству портретовъ, разсѣянныхъ имъ по всѣмъ кабинетамъ и гостинымъ Перми (и за какую ничтожную плату!). И все это достигается путемъ соб-

ственнаго наблюденія, собственныхъ попытокъ приблизиться къ природѣ... Одно изъ правилъ, которымъ слѣдуетъ художникъ постоянно, это: писать съ натуры; и это правило, вѣроятно, всего болѣе способствовало развитію его дарованія, въ которомъ сама природа вмѣстила большую долю творчества и граціи. Одинъ недостатокъ, который найдете вы въ художественныхъ произведеніяхъ самородка-художника, это какой-то сѣроватый, тусклый колоритъ, и всегда блѣдноватое освѣщеніе. Очевидно, что недостатокъ этотъ происходитъ въ художникѣ отъ того, что онъ не видѣлъ другаго неба, кромѣ сѣвернаго, пермскаго!... Совѣтую вамъ отыскать въ слободкѣ мастерскую Орлова: тутъ вы познакомитесь съ его эскизами, и, можетъ быть, съ самимъ художникомъ, котораго добросовѣстная, простосердечная даровитость, скромность и свѣтлые проблески природнаго ума и благороднаго сердца, доставятъ вамъ истинное удовольствіе.

Наконецъ, побывайте еще на Камской пристани при отплытіи пароходовъ и баржъ, когда послѣднія грузятся такимъ огромнымъ количествомъ кяхтинскаго чая или уральскаго желѣза! Тутъ увидите замѣчательное движеніе, услышите нѣсколько живописныхъ мѣстныхъ выраженій пермскаго идіома, и, можетъ быть, рѣшитесь попробовать на вкусъ знаменитыхъ пермскихъ *пель-няней* (пель-нянь, по-пермяцки хлѣбное или медвѣжье-ухо), ошибочно называемыхъ *перменями*, этого любимаго лакомства цѣлой Сибири и всего Приуральскаго края: оно и кисло и сытно, и не безъ запаха лука, такъ дорого цѣнимаго русскимъ человѣкомъ.

Но, кажется, я заболтался. Пора и мнѣ на пароходную пристань; отплытіе парохода «Стрѣла» назначено въ 9 часовъ утра. Спѣшу, привожу свои пожитки, и— что такое?.. Отплытіе отложено до вечера! Это очень непріятно, потому что я принужденъ искать въ городѣ пріюта себѣ и вещамъ моимъ, послѣ того, какъ уже простился съ городомъ.

Вечеромъ опять тороплюсь, опять спускаюсь къ пристани, и опять узнаю, что отплытіе «Стрѣлы» отсрочено до завтра. Это невыносимо! Но чтоже прикажете дѣлать! Еще не нагружены всѣ баржи, которыя отправятся на буксирѣ за «Стрѣлою». На завтра прихожу въ назначенное время, т. е. въ 8 ч. утра, жду до 9-го, до 10, до 11, наконецъ до 12 го часа: «Стрѣла» не двигается... Уже сто разъ успѣли проститься отплывающіе пассажиры съ остающимися горожанами, сто разъ тѣ и другіе нетерпѣливо взглядывали на часы, а пароходъ ни съ мѣста... Вотъ, наконецъ, поднялось какое-то вялое и медленное движеніе работниковъ на баржахъ; развязываютъ причалы на берегу, перетягиваютъ канаты на баржахъ; вытаскиваютъ якорь парохода на палубу. Общество остающихся въ городѣ окончательно прощается съ обществомъ отъѣзжающихъ и переходитъ по доскамъ съ парохода на пристань. Раздается звонокъ, за нимъ команда шкипера, изъ большой трубы вылетаетъ первый черный клубъ дыма, и «Стрѣла» срывается съ своего мѣста... Письмо это оканчиваю въ каютѣ «Стрѣлы»... Слѣдующее пошлю къ вамъ изъ Казани.

ПИСЬМО 5-е.

ТЫСЯЧЕВЕРСТНОЕ И ЧЕТЫРЕХДНЕВНОЕ ПЛАВАНІЕ ОТЪ ПЕРМИ ДО КАЗАНИ.

Дымъ столбомъ, кипитъ, дымится —
Пароходъ;
Православный веселится
Нашъ народъ....

Романсъ Н. Кукольника.

Неосновательное разсужденіе о русскомъ рѣчномъ пароходствѣ. Пароходныя компаніи. Пейзажи. Лоцмана. Пароходная кухня. Г. Оханскъ. Кама—мать рѣкъ русскихъ. Ночной видъ съ палубы. Измѣнчивость камскихъ береговъ. Острова. Усть-рѣчкинская пристань. Г. Сарапуль и уѣздные часы. Уральскій караванъ. Г. Елабуга. Еще ночной видъ съ палубы. Чистополье, черемуха и женщины. Встрѣча съ пароходомъ «Заря». Перемѣна въ растительности. Усть-камье. Флаги и салюты. 70 верстъ вверхъ по Волгѣ. Послѣдняя ночь на палубѣ.

Пароходъ «Стрѣла». Полдень 6 мая.

Сухимъ путемъ отъ Перми до Казани считается всего только 577½ верстъ, тогда какъ изгибами Камы и Волги надобно проѣхать около 1000 верстъ. Тысячеверстный переѣздъ по рѣкѣ! Какое измѣреніе! и есть-ли гдѣ нибудь, кромѣ Соединенныхъ Штатовъ Америки, такія рѣки! Можно-ли сѣтовать на нѣкоторую неаккуратность въ приходѣ и отплытіи нашихъ пароходовъ, если сообразить, что на тысячеверстномъ пространствѣ не мудрено встрѣтить нѣсколько кратковременныхъ задержекъ, изъ которыхъ составится день или сутки, и пароходъ опоздаетъ. А между тѣмъ еще сегодня сѣ-

товалъ я на промедленіе въ отплытіи парохода; а сколько разъ слышалъ я восклицанія подобныя слѣдующему: «Да помилуйте! у насъ нѣтъ никакого порядка въ пароходствѣ; не знаемъ когда придетъ, когда уйдетъ пароходъ; вотъ на Рейнѣ, напримѣръ, въ Кёльнѣ, въ Страсбургѣ пароходъ отплываетъ изъ минуты въ минуту въ назначенное время, о которомъ всѣ заблаговременно знаютъ чрезъ афиши, и т. д.» Но на Рейнѣ пароходы возятъ праздныхъ путешественниковъ, а не сотни тысячь пудовъ тяжестей; а притомъ и рейсы пароходные тамъ въ двадцать или тридцать миль, а у насъ въ 1000 верстъ! Слѣдовательно надобно благодарить судьбу и за то, что въ наше время плаваютъ пароходы по этимъ пустыннымъ рѣчнымъ пространствамъ.

Между Пермью и Казанью, и даже Нижнимъ-Новгородомъ, существуетъ нѣсколько пароходныхъ хозяйствъ: пароходы Парначева, Любимова, занимающіеся собственно буксировкою судовъ съ товарами; пароходы купца Колчина, общества подъ фирмою «Меркурій» и проч. Многіе, кромѣ тяжестей, принимаютъ на себя и пассажировъ и имѣютъ для нихъ всякаго рода помѣщенія.

Пароходъ «Стрѣла», на которомъ я пишу эти строки, небольшой, красивый пароходъ, съ весьма благовиднымъ устройствомъ внутри каютъ, принадлежитъ Колчину съ компаніей.

Мы отчалили отъ пермской пристани ровно въ полдень. Не думаю, чтобы мы могли идти скоро: на толстыхъ канатахъ за нами тянется четыре огромныхъ баржи, нагруженныхъ чаемъ и желѣзомъ, тѣмъ самымъ

чаемъ, обозы котораго на глазахъ моихъ отправлялись изъ Ирбита въ Пермь, и тѣмъ самымъ желѣзомъ, для котораго по Чусовой строились видѣнныя мною суда, или коломенки. Быть можетъ и чаю и желѣзу предназначено сдѣлать то-же огромное путешествіе на югъ, которое начато теперь и мною. Быть можетъ мы въ одно время будемъ въ южныхъ предѣлахъ Россіи.

Пассажировъ съ нами немного: семейство Д. С. С. В—скаго изъ Перми, какая-то одинокая дама съ премохнатой собачкою, и нѣсколько совершенно одинокихъ купцовъ и чиновниковъ. День свѣжій; небо покрыто облаками; видъ Перми съ Камы — бѣденъ и унылъ, какъ и ближайшія окрестности, какъ будто лишенныя всякаго характера, кромѣ пустынности.

12¾ ч. пополудни.

Крутые лѣвые берега Камы дѣлаются пологими, и за ними, вдали, синѣютъ возвышенности: это западныя отрасли Урала. Правый берегъ дѣлается гористъ; надъ песчано-глинистыми обрывами береговыхъ возвышенностей густой еловый лѣсъ.

1 часъ пополудни.

Мы дѣлаемъ по 10 верстъ въ часъ. На палубѣ холодно, вѣтрено. По берегамъ пажити, деревни, но рулевой незнаетъ ихъ названія. «Мы плаваемъ больше по Волгѣ», отвѣчаетъ онъ мнѣ на вопросъ о названіи проѣзжаемой деревни,— «тамъ знаемъ каждую деревушку, а здѣсь бываемъ мало».—А какъ же ты знаешь камскій фарватеръ?—«А вонъ, сидитъ на верху, да гово-

ритъ, когда на право, когда на лѣво». Я взглянулъ вверхъ, тамъ, на помостѣ, протянутомъ отъ одного кожуха парохода къ другому, дѣйствительно сидитъ лоцманъ, длиннобородый старикъ въ синемъ армякѣ и въ теплой шапкѣ, и съ раздвижнаго стула своего, какъ Нептунъ съ трона, повелительно покрикиваетъ отъ времени до времени: «на право, на лѣво» или «право, лѣво!»

На пароходѣ два лоцмана; одинъ ходитъ съ разными судами по Камѣ уже 25 лѣтъ, другой—15. Оба они получаютъ отъ компаніи по 200 рублей серебромъ въ лѣто, и оба изъ господскихъ крестьянъ пермской губерніи.

2 часа пополудни.

Пароходъ прибавилъ ходу, и мы будемъ дѣлать по 15 верстъ въ часъ. На право—съ палубы видны острова и широкій разливъ; на лѣво гористый берегъ съ красноватыми глинистыми обрывами.

Меня зовутъ обѣдать въ каютъ-компанію.

4 часа пополудни.

Для тѣхъ изъ будущихъ плавателей по Камѣ, которые особенно цѣнятъ комфортомъ въ путешествіи, замѣчу здѣсь кое-что о пароходномъ столѣ. Мы ѣли прекрасный супъ изъ курицы съ зеленью и макаронами, живыхъ камскихъ стерлядей подъ соей, съ лимонами и маринованными рыжиками, и наконецъ свѣжихъ рябчиковъ съ салатомъ изъ огурцовъ и маринованныхъ

вишень. Все это подавалось на прекрасномъ фаянсѣ; а пили мы изъ весьма хорошаго хрусталя.

Холодно даже и въ каютѣ, и мы обѣдали въ плащахъ и шляпахъ или шапкахъ. На палубѣ еще холоднѣе, да и виды по берегамъ вовсе не разнообразны. Съ обѣихъ сторонъ боръ, и боръ. Изрѣдка маленькія селенія, или отдѣльные небольшіе домики рыбаковъ.

$7^3/_4$ ч. вечера.

Правый берегъ становится чрезвычайно живописенъ. Высоко поднялся онъ надъ уровнемъ Камы и, образуя множество бухтъ, представляетъ большое удобство для населенія. Вдали синѣютъ горы, на которыхъ еще кое-гдѣ бѣлѣетъ снѣгъ, уцѣлѣвшій въ лѣсистыхъ впадинахъ.

$8^3/_4$ ч. вечера.

На правомъ, крутомъ берегу съ красноватыми обрывами, виднѣется Оханскъ, городокъ пермской губерніи. На самомъ берегу бѣлая каменная церковь съ однимъ куполомъ и колокольней, съ портикомъ о четырехъ колоннахъ и съ зелеными крышами. Кругомъ десятка два хилыхъ деревянныхъ домиковъ. Мы, не останавливаясь, проходимъ мимо и составляемъ собою зрѣлище для нѣсколькихъ горожанъ маленькаго городка, столпившихся близь своей церкви.

Довольно еще свѣтло, но холодно; Кама гладка, ясна и широка. За Оханскомъ горы праваго берега не параллельны съ рѣкою, а приходятъ къ ней подъ углами, и оканчиваются мысами и бухтами. Любуясь съ палубы на величавую рѣку, на лѣсистые берега, одѣвающіеся во

мракъ вечера, я невольно вспоминаю Куперозы описанія рѣкъ и дѣвственныхъ лѣсовъ сѣверной Америки. Мнѣ кажется, что здѣшніе лѣса только потому не могутъ быть названы дѣвственными, что надъ ними учреждено правильное хозяйство и завѣдываніе.... Еще мнѣ показалось правдивымъ замѣчаніе о Камѣ, сообщенное мнѣ сейчасъ однимъ изъ шкиперовъ: не Волгу, а Каму слѣдовало-бы называть кормилицею и матерью рѣкъ русскихъ потому, что, по общему замѣчанію, только камскія воды поддерживаютъ и наполняютъ собою пересыхающій и мелѣющій въ концѣ іюня волжскій бассейнъ. Гораздо позднѣе освободившаяся отъ льда и долѣе сохранившая свои воды, Кама несетъ ихъ въ отощавшую Волгу, не переставая сама черпать ихъ въ неистощимыхъ и огромныхъ своихъ притокахъ: Чусовой, Косьвы, Яйвы, Колвы и прочихъ.

10 ч. вечера.

Облачно и холодно, но тихо; луна изрѣдка показывается сквозь облака.

Вблизи праваго берега вода Камы похожа на огромную массу дегтя, или черной краски, и не отражаетъ въ себѣ высокаго лѣсистаго берега: только какіе-то круги иногда показываются на ея черной глади. Береговой лѣсъ рисуется на фонѣ неба, какъ тонко и отчетливо сдѣланныя вырѣзки изъ черной бумаги. Между снастями шумящаго парохода зажжены разноцвѣтные фонари: это предостереженіе встрѣчнымъ судамъ.

Полночь.

Выхожу на палубу, потому-что не спится, хочется полюбоваться тишиною и мракомъ лунной ночи надъ Камой. Пароходъ, не останавливаясь, какъ обыкновенно это дѣлаетъ по ночамъ, ввѣряется ясновидѣнію опытнаго лоцмана, продолжающаго съ своей вышки покрикивать: «право! лѣво!»—и идетъ къ Осѣ, послѣднему на пути нашемъ городку пермской губерніи. Тамъ мы остановимся часа на полтора, чтобы запастись дровами. Иду въ каюту спать и городъ Осу увижу, вѣроятно, не иначе какъ во снѣ, о чемъ и не сокрушаюсь.

7 мая. 10 часовъ утра.

На палубѣ ясно, но вѣтрено и холодно до такой степени, что невозможно оставаться безъ шубы. Шкипера, лоцманъ и рулевой, всѣ въ теплыхъ одеждахъ. Въ каютѣ чувствуется непріятная поперечная качка.

Полчаса тому назадъ предъ нами красовался возвышенный лѣвый берегъ; теперь онъ низокъ и болотистъ, тогда какъ правый снова лѣсистъ и возвышенъ. Вообще замѣчательны эти перемѣны. Мы отплыли отъ Перми 270 верстъ, но до сихъ поръ я еще ни разу не видѣлъ, чтобы оба берега были въ одно и тоже время плоски или гористы. Непремѣнно, при гористомъ положеніи одного, низменъ другой, и на оборотъ.

Помощнику шкипера, невысокому, живому человѣку, лѣтъ тридцати и съ цыганской физіономіей, какъ-то замѣтилъ я, что хороши камскіе берега. «Да-съ», поспѣшилъ онъ отвѣчать мнѣ: «по Волгѣ-съ берега одно-

образны, а вотъ здѣсь такъ *романическіе* берега-съ»— и престранно ковырнулъ въ воздухѣ рукою. Что хотятъ выразить нѣкоторые люди подобными жестами?...

2 часа пополудни.

По обѣимъ сторонамъ нашего фарватера является много затопленныхъ островов, замѣтныхъ только по возвышающимся на нихъ изъ воды березамъ и ветламъ, покрытымъ молодою свѣтлозеленой листвою.

Первая остановка наша будетъ въ Сарапулѣ, весьма промышленномъ городкѣ вятской губерніи, замѣчательномъ по своей пристани и торговлѣ, которую, между прочимъ, ведетъ онъ и съ пермскими городками. Малохлѣбный Соликамскъ, соляные промыслы, и безхлѣбная Чердынь весьма многое для своего быта получаютъ изъ Сарапуля. Изъ Перми-же сарапульцы берутъ льняное семя, хлѣбъ, и т. п. Очень жаль, что пароходъ остановится въ Сарапулѣ ночью и мы не увидимъ этого оживленнаго городка съ его пристанью.

Не смотря на волны, на противный намъ вѣтеръ и на тяжесть четырехъ влекомыхъ нами баржъ, мы плывемъ очень хорошо: въ 26 часовъ мы уже сдѣлали до 380 верстъ.

$2^{3}/_{4}$ ч. пополудни.

Вправо отъ насъ открывается Усть-рѣчкинская пристань Воткинскаго казеннаго горнаго завода, на пути нашемъ послѣдняго, принадлежащаго къ системѣ Урал-

скаго горнозаводскаго управленія. Самаго завода невидно: онъ отсюда въ 12 верстахъ. Надъ пристанью красивый холмистый пейзажъ. Въ пристани десятка три плоскихъ судовъ, или *коломенокъ*, готовящихся плыть въ Нижній-Новгородъ съ казеннымъ чугуномъ и проч. Тутъ-же, между коломенками, видѣнъ желѣзный пароходъ воткинской постройки. Въ настоящее время въ него ставятъ паровики... Лѣвый берегъ снова низменнъ, а правый высокъ и постоянно красноватъ.

Съ въѣздомъ въ вятскую губернію береговыя селенія и деревни являются чаще и чаще.

9 часовъ вечера.

Мы огибаемъ высокій мысъ, за которымъ виднѣется Сарапуль. Издалека онъ очень красивъ и обширенъ: оптическій обманъ въ пользу всѣхъ городковъ, расположенныхъ на высотахъ, когда путешественникъ смотритъ на нихъ издали. Не смотря на позднее время, я рѣшаюсь осмотрѣть городокъ, и ожидаю только когда пароходъ причалитъ къ пристани.

9½ часовъ.

Весьма бѣдныя впечатлѣнія собраны мною въ опустѣлыхъ улицахъ спящаго городка. Прежде всего, чтобы пройти съ пристани внутрь города, долженъ былъ я рисковать провалиться сквозь изломанный мостъ, перекинутый чрезъ глубокій сухой оврагъ. За мостомъ видѣлъ я городской острогъ, какой-то необыкновенной

архитектуры. Далѣе Соборъ, площадь, одноэтажное зданіе Семинаріи и Духовнаго правленія. Въ томъ же зданіи лавки. Площадь обставлена большими каменными домами. Во всемъ городѣ ни малѣйшаго движенія, не смотря на время, еще не позднее. Это явленіе мнѣ давно знакомо: въ маленькихъ русскихъ городкахъ часы обыкновенно отстаютъ по-утрамъ, и чрезвычайно спѣшатъ къ вечеру. Безъ этого уѣздный день былъ-бы слишкомъ продолжителенъ и тягостенъ для обитателей уѣздныхъ городковъ. Все кругомъ молчитъ и покоится, только хлѣбницы суетятся и торгуютъ около баржъ, приплывшихъ съ нами, да козы ходятъ по городу съ тоскливымъ блеяньемъ. Видъ съ Камы на городъ, и съ городской площади на Каму, хорошъ. На противуположномъ берегу боръ, и тамъ, гдѣ-то вдали, лѣсной пожаръ...

Въ здѣшней пристани мы будемъ стоять до 2 часовъ утра, т. е. до восхода солнца. Шкиперъ нашъ опасается столкновенія съ казеннымъ уральскимъ караваномъ, который плыветъ впереди насъ, но мнѣ кажется, что это напрасное опасеніе: луна ярко свѣтитъ, рѣка ярко озарена ею, и лоцманъ могъ-бы различить на ея поверхности каждую плывущую щепку, не только коломенку.

8 мая. 9 ч. вечера.

Пароходъ нашъ отплылъ изъ Сарапуля въ 3 часа пополуночи, и теперь мы обгоняемъ караванъ. Широкія и плоскія коломенки съ металлами медленно тя-

нутся по рѣкѣ, какъ разсѣянное стадо какихъ-то огромныхъ птицъ, или, еще вѣрнѣе, какъ киты, выставившіе изъ воды свои черныя и выгнутыя спины. На каждой коломенкѣ безпрерывно дѣйствуетъ человѣкъ по двадцати гребцовъ, но суда едва замѣтно движутся внизъ по теченію рѣки, и даютъ обгонять себя пароходу. Какъ очевидно здѣсь превосходство пара надъ трудомъ мышцъ человѣка! Суда съ солью, вышедшіе 5-го мая изъ Дедюхина, придутъ въ Нижній только въ срединѣ іюля. . .

Ниже впаденія р. Бѣлой въ Каму, послѣдняя очевидно дѣлается шире и многоводнѣе. Бѣлая впадаетъ въ Каму съ лѣвой стороны, верстъ 90 ниже Сарапуля, противъ села Каракулина.

9½ часовъ вечера.

Мы остановились верстахъ въ трехъ отъ Елабуги, послѣдняго городка вятской губерніи. Здѣсь разливъ Камы такъ широкъ, что мы не видимъ лѣваго берега. Издалека Елабуга красиво обстроена. Изъ центра города возвышаются три каменныхъ церкви.

По причинѣ береговаго мелководья, пароходъ не можетъ пристать къ городу. Пассажирка съ мохнатой собачкой, все время такъ таинственно скрывавшаяся въ какой-то каюткѣ, наконецъ здѣсь обнаружила, что цѣль ея путешествія — Елабуга. Собачку и пассажирку отправили въ городъ на лодкѣ. Пристань здѣшняя менѣе сарапульской, хотя тоже грузятъ здѣсь пшеницу и льняное сѣмя. Гораздо важнѣе по своимъ пристанямъ села: Челны и Битки, лежащія по лѣвой сторонѣ Ка-

мы, въ оренбургской губерніи, граница которой идетъ здѣсь параллельно съ Камой, но южнѣе Камы верстъ на сорокъ. Невольная мысль при взглядѣ на карту: что́-бы Каму сдѣлать естественной границей между двумя губерніями?...

Пароходъ постоянно дѣлаетъ отъ 300 до 350 верстъ въ сутки.

Сегодня гораздо теплѣе и можно цѣлый день оставаться безъ теплаго платья на палубѣ. Кама видимо шире, остроговъ больше. На островахъ и на берегу часто являются дубы. Зелень гуще и сочнѣе; пейзажи разнообразнѣе, берега населеннѣе: сегодня мы видѣли до десяти селеній съ каменными церквами.

Нельзя перестать любоваться безпрестанно-повторяющимся зрѣлищемъ деревьевъ, часто дубовъ, выходящихъ прямо изъ воды надъ залитыми ею островами или низменными берегами.

Пароходная кухня продолжаетъ кормить насъ прекрасными вещами: свѣжей камской рыбой, дичью, хорошимъ мясомъ.

11 часовъ вечера.

На палубѣ такъ хорошо, что можно бы рѣшиться ночевать подъ открытымъ небомъ. Завернувшись въ плащъ, давно уже сижу я на передней части парохода, и глаза мои не утомляются превосходнымъ зрѣлищемъ развертывающейся передъ ними панорамы. Въ воздухѣ свѣжо, но тихо. Луна, почти полная, стоитъ какъ сторожевой маякъ, надъ рѣкою. Кама тиха и вся насквозь проникнута фосфорическими лучами ночнаго свѣ-

тила. Берега лѣсисты и высоки, и соловьи привѣтствуютъ съ берега медленно-проходящій пароходъ. Въ воздухѣ такое безвѣтріе, что столбъ дыма и высокій снопъ искръ, вылетающіе изъ пароходной трубы, подымаются надъ нею вверхъ совершенно перпендикулярно....

9 мая. 8 часовъ утра.

Первый звукъ, проникнувшій сегодня утромъ въ нашу каюту, былъ звонъ церковнаго колокола: сегодня Николинъ день, великій на Руси праздникъ. Мы стоимъ у Чистополья, уѣзднаго городка казанской губерніи. Съ берега, вмѣстѣ съ серебристымъ звономъ колокола, доходитъ до насъ благоуханіе цвѣтущей черемухи. Весь городокъ тонетъ въ деревьяхъ, побѣлѣвшихъ отъ душистаго цвѣта, и это странно видѣть намъ, вчера еще видѣвшимъ снѣгъ во многихъ лѣсистыхъ впадинахъ лѣваго берега Камы. Мы подвинулись къ югу, въ прямомъ направленіи отъ Перми, почти на три географическихъ градуса, и разница въ температурѣ уже значительная. Съ чистопольской пристани носятъ дрова на пароходную баржу женщины, замѣчательныя по необыкновенному развитію груди, по цвѣтущимъ, но не красивымъ лицамъ и по громкимъ голосамъ.

6 ч. вечера.

Сейчасъ обогнали мы пароходъ «Заря», принадлежащій также какъ и наша «Стрѣла», компаніи Колчина, и отплывшій изъ Перми сутками ранѣе насъ. На палубахъ обоихъ пароходовъ поднялась суета. Шкиперы перекликаются сквозь мѣдные рупоры, пассажиры, знакомые между собою, машутъ платками, зонтиками,

и раскланиваются съ обѣихъ палубъ. Все это нѣсколько развлекло насъ послѣ тихаго, одинокаго плаванія вдоль пустынной Камы, и было для насъ какъ-бы первымъ знакомъ, что мы приближаемся къ населенному и шумному городу.

Съ послѣдней ночи уже нигдѣ не видно хвойнаго лѣса. По берегамъ растутъ здѣсь дубъ, ветла и береза. Часа два тому назадъ видѣли мы на правомъ берегу цѣлую дубовую рощу.

7½ часовъ вечера.

Мы входимъ въ Усть-Камье и поворачиваемъ направо, вверхъ по Волгѣ. Здѣсь слитіе двухъ величайшихъ рѣкъ европейской Россіи образуетъ необозримый бассейнъ воды. «Заря» не отстаетъ отъ насъ, а «Камышинъ», другой пароходъ той-же компаніи, стоящій на якорѣ въ Усть-Камьи, выкидываетъ какіе-то флаги, и встрѣчаетъ насъ салютомъ трехъ пушечныхъ выстрѣловъ. «Стрѣла» отвѣчаетъ тѣмъ-же и оставляетъ двѣ баржи на буксиръ «Камышину», а сама идетъ далѣе вверхъ по Волгѣ. До Казани только 70 верстъ, но мы будемъ тамъ черезъ девять или десять часовъ, потому-что пароходъ не можетъ дѣлать болѣе семи верстъ въ часъ плывя противъ теченія быстрой Волги.

Во время передачи «Камышину» двухъ баржъ, съ нами соединилась и «Заря», и на палубѣ нашей явился какой-то господинъ, очевидно принадлежащій къ начальству пароходовъ. Я съ удовольствіемъ слушалъ его строгій выговоръ шкиперамъ нашего парохода за то, что они выѣхали изъ Перми позже назначеннаго вре-

мени. «Тутъ тотъ расчетъ», говорило распекающее лице, и говорило совершенно справедливо: «что публика привыкнетъ почитать насъ неаккуратными, безпорядочными, и лишитъ насъ своего довѣрія, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ предпочитать сухопутныя путешествія по вольной почтѣ....»

Правый берегъ Волги (а отъ насъ лѣвый), гористъ, и постоянно гористъ, въ противоположность измѣняющимся берегамъ Камы. Селенія на немъ многодомныя и болѣе населенныя. Лѣвый же берегъ постоянно низменнъ, залитъ водою на большое пространство и покрытъ ветлами и кустами вербы или жимолости. Пароходъ, избѣгая быстрины по срединѣ русла Волги, тянется ближе къ лѣвому берегу, гдѣ слабѣе противное теченіе. Съ берега долетаютъ до насъ трели соловьевъ; вербы покрыты своими бархатными почками; въ воздухѣ тепло, и все напоминаетъ намъ о маѣ, не о нашемъ холодномъ уральскомъ маѣ, а о такомъ, какой долженъ быть и бываетъ въ порядочномъ краю....

Иду спать въ каюту, съ тѣмъ, чтобы завтра проснуться въ казанской пристани.

ПИСЬМО 6-е.

КАЗАНЬ, И ПУТЬ ДО СИМБИРСКА.

«Слушайте, сказали казанцы, доколѣ у насъ было царство, мы умирали за царя и отечество, теперь Казань ваша.»

Карамзинъ.

Нынѣшняя физіономія Казани. Пароходныя конторы. Контора транспортовъ и патріархальная простота ея дѣйствій. Номера Рязанова и «большія города» на Руси. Плохой обѣдъ и плохое помѣщеніе въ лучшей гостинницѣ. Касса театра. Театральныя впечатлѣнія. Переправа черезъ Волгу. Видъ Заволжья. Пѣсня бурлаковъ. Языкъ и физіономія народа. Помѣщичій міръ и воспоминаніе о Чичиковѣ.

11 мая.

Не смотря на то, что около четырехъ столѣтій тому назадъ Казань «сдѣлалась наша» и потеряла свою самостоятельность, — черты самостоятельной физіономіи еще кое-гдѣ и кое-въ-чемъ остались въ ней. Имена р. Булака, озера Кабана, башни Сумбеки, проломной улицы, слышанныя мною здѣсь, встрѣчаются у Карамзина, повѣствовавшаго объ осадѣ Казани, или напоминаютъ самую осаду, съ эпизодами подкоповъ и взрывовъ, дѣланныхъ розмыслами Іоанна для «учиненія проломовъ» въ стѣнѣ казанской. Цѣла еще и стѣна древней Казани, и ворота Муралеевы, и живутъ еще посреди обрусѣлаго города потомки храбрыхъ казанцевъ, грозно противостоявшихъ Грозному. Но, Боже мой, какъ все это загромождено, задавлено, окружено и помрачено новымъ европейскимъ городомъ, новымъ

русскимъ населеніемъ! Немедленно вслѣдъ за желаніемъ моимъ открыть въ Казани черты мусульманской народности является въ памяти моей эпизодъ изъ Соллогубова Тарантаса, гдѣ наивный Иванъ Васильевичъ изучаетъ татарскую народность на продавателяхъ тюбетеекъ, бирюзы и бухарскихъ халатовъ, и я рѣшаюсь ограничиться бѣглымъ взглядомъ на современную Казань, оставивъ въ покоѣ отжившую.

Вчера, только въ $12^3/_4$ ч. пополудни, сошелъ я съ парохода на казанскую пристань. Такимъ-образомъ ровно въ четверо сутокъ и три четверти часа совершился переѣздъ отъ Перми до Казани; и еще десятью часами сократился бы послѣдній 70-ти-верстный переѣздъ нашъ по Волгѣ, если бы ночью не поднялся сильный противный вѣтеръ, и если бы поутру не были мы занесены на отмель, съ которой не могли сорваться цѣлыхъ три часа.

Сойдя съ парохода, немедленно отправился я въ конторы разныхъ пароходныхъ обществъ, помѣщающіяся тутъ-же на берегу, и сталъ справляться о времени отплытія пассажирскихъ пароходовъ въ Астрахань. Не имѣвъ до сихъ поръ опредѣленнаго маршрута до Ставрополя, я очень желалъ бы доѣхать водою до Астрахани, съ тѣмъ, чтобы оттуда пуститься или на Кизляръ и Моздокъ, или на Царицынъ, Дубовскій посадъ, и Новочеркасскъ. Меня соблазняли удобства водянаго путешествія. Какое сравненіе! Рѣшитесь провести нѣсколько лишнихъ дней въ пути, и вы избѣгнете пыли, грязи, грязныхъ станцій, грубыхъ писарей, пьяныхъ ямщиковъ, прогонныхъ расчетовъ, ломки экипажа и,

въ добавокъ ко всему, на пароходѣ васъ будутъ за умѣренную цѣну кормить всѣмъ тѣмъ, чего вы подъ часъ ни за какія деньги не достанете на станціи. Но увы! всѣ пароходы или уже ушли внизъ по Волгѣ, или идутъ черезъ недѣлю и даже десять дней. Приходится спокойствіе палубы промѣнять на тряску и качку тарантаса и начертать маршрутъ на Симбирскъ, Саратовъ, Царицынъ и Новочеркасскъ.

— По-крайней-мѣрѣ нельзя-ли какъ нибудь отправить отсюда до Москвы всѣ тяжести, которыя не помѣстятся въ моемъ экипажѣ? спрашиваю я нашего шкипера.

— Очень легко; вамъ стоитъ только обратиться въ контору Коровина.

Отправляюсь въ Контору Коровина, оставивъ всѣ свои вещи на пароходѣ. До города болѣе пяти верстъ; по дорогѣ грязныя лужи, хоры лягушекъ и печальныя строенія вплоть до самой *дамбы*, или высокой трехверстной насыпи, которая невольно обращаетъ на себя ваше вниманіе и заставляетъ подумать объ огромныхъ трудахъ и издержкахъ, какихъ стоило ея сооруженіе. Сооружена-же она съ тою цѣлію, чтобы не прекращалось сообщеніе между городомъ и предмѣстіемъ въ то время, когда разливъ Волги затопляетъ всю низменную плоскость съ этой стороны, до самаго Зилантьева монастыря.

Проѣхавъ безконечную дамбу, въѣзжаю въ городъ и встрѣчаю множество обгорѣлыхъ строеній. Извозчикъ мой объясняетъ мнѣ, что здѣсь часто бываютъ большіе пожары, по причинѣ тѣсноты улицъ и возвышеннаго

положенія города, постоянно обдуваемаго вѣтромъ. Далѣе—зданія лучше; площади красивы и обширны; улицы хорошо обстроены и на нѣкоторыхъ изъ нихъ торцевая мостовая. Наконецъ привозятъ меня къ дому безъ всякой вывѣски: это контора транспортовъ Коровина. Здѣсь не могу не сказать о патріархальной простотѣ дѣйствій конторы. Вы входите въ плохо-меблированную комнату, будите разоспавшагося на кожаномъ диванѣ «малаго», или «молодца» лѣтъ двадцати, объясняете ему за чѣмъ пожаловали, видите, какъ онъ опрометью бѣжитъ отъ васъ въ какія-то двери, остаетесь съ четверть часа въ совершенномъ одиночествѣ, встрѣчаете какого-то господина въ домашнемъ костюмѣ, объясняете ему свое дѣло, говорите сколько у васъ клади, гдѣ она находится и куда вы желаете ее отправить; съ вами посылаютъ того самаго молодца, котораго вы насилу добудились, онъ взвѣшиваетъ на пристани ваши тюки и чемоданы, сдаетъ ихъ тутъ же, безъ всякой росписки, въ одну изъ конторъ пароходства, объявляетъ вамъ, что вещи пойдутъ на пароходѣ до Нижняго черезъ десять дней, везетъ васъ снова въ контору Коровина, гдѣ вамъ наконецъ выдаютъ квитанцію въ полученіи отъ васъ столькихъ-то тюковъ, во столько-то пудовъ; берутъ отъ васъ половину денегъ за доставку вещей до мѣста, съ тѣмъ, чтобы остальныя деньги были уплочены на мѣстѣ, при благополучномъ доставленіи клади, — и вы отправляетесь домой съ полною увѣренностію, что вещи ваши не пропадутъ и дойдутъ, неизвѣстными вамъ способами, по своему назначенію. Просто, вѣрно, но и изумительно по отсутствію всякаго

обеспеченія въ сохранности довѣряемыхъ конторѣ вещей. И, между тѣмъ, искони такъ ведется дѣло, и никогда ни что не пропадаетъ. Окончивъ съ конторою транспортовъ и чувствуя пробудившійся аппетитъ, приказываю везти себя въ лучшую гостинницу. Меня привозятъ въ «номера Рязанова»....

Охъ ужъ эти мнѣ «большіе города» на Руси!... Не взыщите, друзья мои, за это восклицаніе, если оно покажется вамъ неумѣстнымъ или слишкомъ неожиданнымъ! Такъ-называемыя «номера» навели меня на печальное размышленіе о «большихъ» русскихъ городахъ, и исторгли изъ груди моей невольное восклицаніе негодованія. Дѣло вотъ въ чемъ: «Номера» помѣщаются въ лучшей казанской улицѣ; въ дверяхъ «номеровъ» помѣщается даже швейцаръ. Какъ видите, все это на большую ногу, все обѣщаетъ удобное помѣщеніе путешественнику, и между тѣмъ именно помѣщенія-то порядочнаго и не нашелъ я въ «номерахъ.» Комнаты, въ которыя ввели меня по прекрасной чугунной лѣстницѣ, до того были преисполнены пылью и грязью, что я неиначе согласился помѣстить въ нихъ свою усталую особу, какъ подъ условіемъ, чтобы ихъ немедленно вымыли и вычистили. Обѣдъ, которымъ угостили меня здѣсь, былъ до невѣроятности дуренъ; онъ очевидно состоялъ, какъ мозаика, изъ набора остатковъ отъ какого-то чужаго обѣда, и я догадался, что я невольнымъ образомъ невидимо-участвую въ званомъ прощальномъ обѣдѣ, которымъ въ это-же время, въ сосѣднихъ комнатахъ, угощалъ какой-то уѣзжающій изъ Казани чиновникъ своихъ казанскихъ пріятелей.

Гдѣ-же все это можно встрѣтить, какъ не въ «большихъ городахъ»?... Разумѣется, я не говорю ни о Петербургѣ, ни о Москвѣ, ни объ Одессѣ. Но, кромѣ нихъ, наберется на Руси до полудесятка «большихъ городовъ», то-есть городовъ съ большими претензіями, съ швейцарами въ своихъ гостинницахъ, съ клубами, гульбищами и театрами. Къ такимъ городамъ надобно причислить и Казань. Въ такихъ городахъ вы непремѣнно найдете всѣ, какъ тамъ говорятъ, рессурсы просвѣщеннаго общежитія. Каждый изъ коренныхъ мѣстныхъ жителей съ самодовольной улыбкой скажетъ вамъ: «да, нашъ городокъ, Москвы уголокъ; у насъ *все* найдете».... Но извѣдайте это *все*, и вы увидите, что во всемъ этомъ только невыдержанная попытка подражанія, упавшая по неимѣнію средствъ или умѣнья поддержать ее, — во всемъ претензія. Оттого-то и много смѣшнаго въ провинціальной жизни!

То-ли дѣло другіе, смиренные русскіе городки, не претендующіе на титулъ большихъ городовъ? То-ли дѣло, напримѣръ, Вятка, Новочеркасскъ, Пермь или Томскъ? Тутъ, въ скромной гостинницѣ, не найдете вы безполезнаго швейцара, за то найдете чистую комнату для отдохновенія; не найдете объѣдковъ званаго обѣда, за то найдете кусокъ сытнаго «бистекса», или лѣнивые щи съ доброй говядиной.... Вообще въ маленькихъ городкахъ не встрѣчается ничего свыше ожиданія, но за то есть все, чего потребуете, если знаете, что нельзя требовать слишкомъ многаго.

Вотъ отчего, друзья мои, вырвалось изъ устъ моихъ неожиданное восклицаніе о «большихъ городахъ» при входѣ моемъ въ казанскіе «номера» Рязанова....

Необходимо было разсѣять дурное впечатлѣніе чужаго обѣда, завѣдомо мною съѣденнаго. Я думалъ достигнуть этого посѣщеніемъ театра, и отправился въ театръ. На афишахъ возвѣщались слѣдующія піэсы: «Матросъ» мелодрама, «Мужъ ни мужъ, жена не жена» оперетка и «Демокритъ и Гераклитъ, или философія на пескахъ» водевиль. Было шесть часовъ, когда я пріѣхалъ къ театру, очень хорошенькому каменному зданію, помѣщенному на видномъ мѣстѣ города.

Вхожу въ корридоръ, ищу кассы, и встрѣчаю ту-же «снобичность» большаго города, о которой только-что говорилъ по случаю «номеровъ Рязанова.» Кассира не было за его обычной перегородкой. Какой-то господинъ встрѣчаетъ меня страннымъ вопросомъ:

— Что вамъ угодно?

— Билета, разумѣется.

— А вотъ я сейчасъ поищу кассира. И вслѣдъ за тѣмъ по всему театру раздаются крики: «Терентьевъ! А Терентьевъ! гдѣ ты тамъ? куда запропастился?»... и т. п. Этотъ призывный голосъ раздается изъ ложъ, изъ партера, изъ-за кулисъ.... Наконецъ искомое лице является и удовлетворяетъ моему требованію. «Видно такой ужь выдался денекъ», думалъ я, выходя изъ театра, и вмѣстѣ съ тѣмъ радовался, что вижу изнанку «большаго города» во всей ея пошлой снобичности....

Право, не знаю, что̀ еще сказать вамъ о Казани. Что тамъ есть Университетъ, что среди университет-

скаго двора возвышается памятникъ Державину—все это всѣмъ извѣстно.... Что въ Казани живетъ знаменитость медицинскаго міра, профессоръ Е.... извѣстный, между прочимъ и своимъ остроуміемъ. Получая большой доходъ отъ своей практики, онъ говоритъ, что въ наше время самыя огромныя проценты на основный капиталъ приноситъ людямъ порядочное образованіе. Его образованіе стоило не много, а принесло ему—обеспеченное и даже большое состояніе.... Что есть въ Казани замѣчательно-хорошія гастрономическія лавки, на подобіе петербургскихъ Милютиныхъ; что тутъ бездна портныхъ, судя по вывѣскамъ.... Все это, не знаю, займетъ ли васъ. Въ заключеніе скажу вамъ о моихъ театральныхъ впечатлѣніяхъ. Игра артистовъ—болѣе чѣмъ порядочная. Г-жа Прокофьева и двѣ сестры Стрѣлковы должны назваться артистками даровитыми. Оркестръ—явленіе утѣшительное и рѣдкое въ провинціяхъ. Музыкантовъ до 25 человѣкъ. Въ первыхъ рядахъ партера можно встрѣтить бѣлыя перчатки. Театральная зала озаряется тридцатью-шестью рожками люстры. Въ ложахъ много дѣтей и нѣсколько изящныхъ женскихъ костюмовъ. Все это весьма и весьма утѣшительно, — особенно послѣ моихъ утреннихъ впечатлѣній....

12 мая. Станція Сеитово, въ 35 верстахъ за Казанью.

Разстаться съ «большимъ городомъ» и со всѣми его затѣями на большую ногу, —вещь очень пріятная, хотя бы впереди предстоялъ такой утѣшительный тридцатипяти-верстный переѣздъ, какъ, напримѣръ, отъ Казани

до Сентовской станціи. По-крайней-мѣрѣ семь часовъ ѣзды! . . . Чего стоятъ два переѣзда: черезъ разливъ Казанки и черезъ самую Волгу! Въ особенности замѣчательна вторая переправа. Экипажи здѣсь перевозятся на гребныхъ «разшивахъ» или «шитикахъ», изъ которыхъ каждый едва можетъ помѣстить на себѣ по одному экипажу. Теченіе Волги стремительно, и «шитикъ» вынужденъ часа полтора подниматься вверхъ по теченію, держась берега, и потомъ уже рѣшается переплывать ширину рѣки, которая здѣсь неизмѣрима. Пріѣхавъ къ берегу, я не засталъ ни одного шитика: всѣ были на той сторонѣ. Поднялась громкая перекличка, продолжавшаяся около часа, то-есть до тѣхъ поръ, пока два или три судна показались изъ залива на противоположномъ берегу рѣки и потянулись вверхъ по берегу. Надобно было ждать еще полтора часа. Между тѣмъ, вслѣдъ за нами пріѣхало еще нѣсколько экипажей изъ Казани. Всякій изъ пассажировъ вылезаетъ, разспрашиваетъ, спѣшитъ, негодуетъ на медленность видимыхъ судовъ. За тѣмъ слѣдуютъ споры о томъ, кто имѣетъ право переправиться прежде другихъ. Одинъ ѣдетъ по казенной надобности, другой по самонужнѣйшей казенной надобности, съ курьерской подорожной, третій везетъ казенныя деньги. . . . Горе путешественнику, не имѣющему, для предъявленія, другихъ правъ, кромѣ скромной подорожной по собственной надобности! Наконецъ приближаются «шитики.» Начинаются споры, крики; доходитъ до изступленія и толкотни. Короче сказать: чтобы проѣхать отъ Казани до первой станціи, скромному путешественнику потребно семь

длинныхъ часовъ драгоцѣннаго въ путешествіи дня. За то, Боже мой, какое вознагражденіе ожидало меня за Волгой! Какой удивительный видъ съ высоты заволжскаго берега! Вдали Казань съ своими стѣнами, башнями, храмами и минаретами; у подножія Казани синій, какъ небо, и безконечный, какъ море, разливъ..., Лѣвѣе — широкая Волга, по которой, какъ лебеди, плывутъ бѣлопарусныя суда.... Вотъ съ одного изъ нихъ раздается дружная пѣсня бурлаковъ; прислушайтесь:

О-ой-да,
О-ой-да,
Во-оль-но,
Во-оль-но,
Наша ло-одка плыветъ,
Подвигается впередъ....

Эта мѣрная пѣсня поется и повторяется тридцатьюпятью бурлаками, которые взадъ и впередъ ходятъ по палубѣ судна, тихо скользящаго вверхъ, противъ теченія Волги, и тянутъ канатъ якоря, часто закидываемаго впереди судна, съ особой лодки. Какой трудный способъ плаванія! Какъ неблагодаренъ здѣсь тяжкій трудъ семидесяти человѣческихъ рукъ! По-неволѣ опять вспомнишь могущество паровой машины. . . . Но русскій человѣкъ не унываетъ въ трудѣ и, даже подъ тяжкой лямкой, весело поетъ:

Во-оль-но,
Во-оль-но!...

Вся эта картина такъ обширна, такъ полна коренными элементами истинно-русскаго пейзажа: необозри-

мымъ горизонтомъ, широководною рѣкою, городомъ, преисполненнымъ храмами, половина которыхъ еще носитъ на себѣ знакъ вѣры востока, однимъ словомъ, въ этой картинѣ такъ много чертъ, свойственныхъ общему характеру величаваго нашего отечества, что, списавъ ее на полотно, художникъ смѣло могъ бы подписать подъ своимъ произведеніемъ: картина Руси, или русская картина.

Говорятъ, что разливъ Волги необычайно великъ въ нынѣшнемъ году. По сю сторону рѣки я видѣлъ затопленное ею селеніе....

По дорогѣ къ Сентову повсюду цвѣтутъ яблони, вишни и рябина.

«Быть яблокамъ!» сказала мнѣ здѣшняя баба, говоря о сильномъ цвѣтеніи плодовыхъ деревьевъ. «А что?» спросилъ я. «Да пчела сильно беретъ; только-бы изморози цвѣту не побили....»

Вообще, здѣсь говорятъ выразительнымъ, лаконическимъ и чистымъ языкомъ. Народъ здѣсь высокъ, дороденъ и красивъ; особенно хороши дѣти. Поселяне — спокойно-привѣтливы, а не хлопотливо-униженны передъ лицами высшаго сословія. Эти-же черты замѣтны и далѣе къ Перми, и въ Сибири. Совсѣмъ другія черты народнаго характера замѣчалъ я въ нашихъ губерніяхъ западныхъ, начиная съ Калужской.

13 мая. Станція Сибиричи.

Бытъ и пейзажъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, носятъ на себѣ разительный отпечатокъ земледѣльческаго характера, разительный въ особенности для меня,

только-что выплывшаго изъ пустынныхъ камскихъ лѣсовъ. Кругомъ вспаханныя нивы, всходы озимей, полевыя работы. Въ деревняхъ причуды помѣщичьяго вкуса: пестрыя жилища съ бельведерами; или забава помѣщиковъ: борзыя собаки. Нѣкоторыя изъ здѣшнихъ станцій содержатся помѣщиками. Здѣсь помѣщичій міръ. Здѣсь могъ бы не безъ пользы странствовать тарантасъ Чичикова.

ПИСЬМО 7-е.

СИМБИРСКЪ И ПУТЬ ДО САРАТОВА.

Скромная гостинница. Домъ Собранія. Клубъ и кружащіеся столы. Памятникъ Н. М. Карамзину и его библіотека. Библіотека Н. Языкова. Г. Сызрань, просо, воробьи и инвалидъ. Необычайный разливъ Волги. Чехонь или бѣшеная рыба. Г. Вольскъ и его панорама.

Быть можетъ, Симбирскъ заключаетъ въ себѣ много достопримѣчательностей, но только онѣ таковы, что до нихъ трудно достигнуть взору мимолетнаго путешественника. Я-же рѣшительно ничего не могъ бы разсказать вамъ о Симбирскѣ, если бы случай не столкнулъ меня здѣсь со старымъ школьнымъ моимъ товарищемъ Т., и еслибы обязательность его не открыла мнѣ кой-чего замѣчательнаго.

Симбирскъ принадлежитъ къ небольшимъ, чистенькимъ городкамъ русскимъ. Центральная часть его не лишена даже и изящества; здѣсь хорошенькій городской садъ, прекрасныя зданія: дома дворянскаго Собранія, дома губернаторскаго, присутственныхъ мѣстъ. Но во всемъ

этомъ, однако, нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Вниманіе ваше спѣшитъ заняться карамзинскою площадью и, посреди ея, памятникомъ незабвенному Исторіографу. Вотъ изображеніе памятника: Муза исторіи, бронзовая Кліо — поставлена на четырехстороннемъ гранитномъ подножіи. На одной сторонѣ его, въ круглой ниши, бронзовый, горельефный портретъ Карамзина. Съ другой стороны пьедестала, право, не знаю навѣрное что такое: эпизодъ-ли изъ жизни исторіографа, или аллегорія, долженствующая представить предпочтеніе, отданное Карамзинымъ наукѣ предъ богатствомъ. Онъ изображенъ полулежащимъ на постелѣ; фортуна подаетъ ему мѣшокъ съ монетами, и рѣзецъ (или карандашъ) историка. Карамзинъ принимаетъ послѣдній, а деньги разсыпаются по полу, и къ нимъ простираетъ свои ручки сидящій на полу младенецъ; позади изголовья три женщины. Третья сторона пьедестала ни чѣмъ не украшена. На четвертой — изображеніе Императора Александра Благословеннаго, предъ которымъ исторіографъ читаетъ свою рукопись. Позади Императора фигура женская. Подъ выпуклымъ портретомъ Карамзина надпись:

Н. М. Карамзину,

Историку Государства Россійскаго,

повелѣніемъ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

1844.

Я слышалъ, что сначала надпись предполагалась иная.

Разсматривая аллегорическіе горельефы памятника, я размышлялъ о надлежащей степени ясности монумен-

тальныхъ аллегорій для зрителя, незнакомаго предварительно съ ихъ значеніемъ; о неизбѣжности классической одежды, то-есть объ отсутствіи одежды на монументальныхъ фигурахъ, и наконецъ о томъ, какое значеніе долженъ имѣть такой памятникъ Карамзину для народа, ежедневно его окружающаго или мимоидущаго . . . .

Карамзинъ, уроженецъ Симбирска, какъ Державинъ, уроженецъ Казани; память исторіографа въ Симбирскѣ ознаменована, кромѣ описаннаго мною монумента, еще учрежденіемъ публичной библіотеки во имя Карамзина. Замѣчательно, что въ эту библіотеку поступило до 2000 томовъ, бо́льшею частію нѣмецкихъ книгъ, принадлежавшихъ другому уроженцу Симбирска, незабвенному лирику нашему Н. Языкову.

Другая общественная библіотека находится въ газетной залѣ симбирскаго клуба, въ домѣ благороднаго собранія. Симбирскій клубъ замѣчательное мѣстное учрежденіе. Помѣщеніе его великолѣпно, какъ и весь домъ Собранія; содержаніе прилично, какъ нельзя болѣе. Прогуливаясь съ школьнымъ товарищемъ моимъ Т—мъ по огромнымъ заламъ, занятымъ или биліардомъ, или, наконецъ, ломберными столиками, я убѣждался, что здѣсь уже не «невыдержанная попытка подражанія», а скромное, но и приличное общественное учрежденіе, поддерживаемое потребностью и вкусомъ общества. Здѣсь же впервые услышалъ я только-что прогремѣвшую въ журналахъ и газетахъ новинку о кружащихся столахъ. Т—въ увѣрялъ меня, что, здѣсь, въ клубѣ, сдѣланы были публичные опыты, и знаменитое явленіе повторялось неоднократно, при свидѣтеляхъ, которые и

теперь еще возсѣдаютъ вонъ тамъ, въ сосѣдней комнатѣ, за ломберными столами. Я взглянулъ въ сосѣднюю комнату, и мнѣ, не шутя, показалось, что молчаливые партнеры, углубленные въ ералашъ, медленно повертываются вмѣстѣ съ своими зелеными столиками и пестрыми вѣерами картъ въ неподвижныхъ рукахъ....

16 мая. Г. Сызрань, симбирской губерніи.

Переправившись подъ Казанью черезъ Волгу, экипажъ мой постоянно ѣдетъ по правой сторонѣ рѣки, хотя и не вездѣ параллельно съ берегомъ. Сызрань—ничтожный уѣздный городокъ при волжскомъ заливѣ *Воложкѣ* и при рѣчкахъ Сызранъ и Крымза, соединяющихся и впадающихъ въ Волгу. Здѣсь есть монастырь и до пяти каменныхъ церквей. Разливъ Волги наполнилъ водою Крымзу и затопилъ прибрежныя жилища: огороды, сады и дворы покрыты водою. Половодье Крымзы образуетъ живописную и глубокую бухту. Здѣсь торгъ хлѣбомъ и, въ особенности, кажется, просомъ, если судить по огромному количеству этого продукта, разсыпаннаго на улицахъ: на десяти-саженныхъ квадратныхъ парусинахъ сушится на улицахъ золотистое просо, и я не видѣлъ блаженнѣе созданій на землѣ, какъ здѣшніе воробьи, которые и клюютъ просо и, уже наклевавшись его до̀-сыта, купаются въ немъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. На мѣстѣ воробьевъ я вообразилъ Гарпагона или Плюшкина, а на мѣстѣ проса — червонцы. Но человѣкъ не умѣетъ, не можетъ предаваться наслажденію съ такою полнотою, такъ явно, такъ безбоязненно! Блаженные сызранскіе воробьи!

Въ другомъ мѣстѣ, по разсыпанному на парусинѣ просу, мѣрно маршируетъ какой-то отставной солдатъ.

— Что это ты дѣлаешь, служивый?

— Поворачиваю, чтобы скорѣе сохло, ваше благородіе. . .

— Чтоже тебѣ за это платятъ?

— По десяти копѣекъ въ день, то есть на серебро... Инвалидъ отправился далѣе въ походъ свой по просу, напѣвая какую-то пѣсню.

17 мая. Широко-бурацкая станція, подъ Вольскомъ.

Послѣднія сто верстъ гористы, но глазъ повсюду встрѣчаетъ обработанныя поля. Вездѣ жалуются на разливъ Волги. На всѣхъ ближнихъ пристаняхъ гибнутъ запасы хлѣба. На одной Балаковской, говорятъ, унесено водою до полумилліона пудовъ хлѣба всякаго рода. Разливъ необыкновенный увеличивался такъ быстро, что нельзя было принять никакихъ мѣръ къ предупрежденію зла. По полутору рублю серебромъ въ сутки давали работнику за переноску хлѣба изъ прибрежныхъ магазиновъ въ высокія мѣста. Подобнаго разлива окрестные старики не запомнятъ. Всѣ прибрежные жители симбирской, саратовской и астраханской губерній, заняты въ настоящее время очень замѣчательнымъ промысломъ: ловлей чехони, или веселухи, или бѣшеной рыбы, называемой такъ вслѣдствіе странныхъ ея привычекъ. Мнѣ показывали здѣсь чехонь (названіе мордовское), и я нашелъ въ ней сходство съ большою архангельской сельдью. Чехонь—рыба морская, идетъ около лѣтняго

Николы съ низу, изъ Каспія, вверхъ противъ теченія Волги и ея притоковъ, и на ходу своемъ дѣлаетъ совсѣмъ не рыбьи проказы: она выскакиваетъ изъ воды, цѣпляется за береговые кусты, даже бросается въ лодки рыбаковъ, за что народъ и прозвалъ ее рыбой бѣшеной, или веселухой. Очевидно ловъ веселухи чрезвычайно легокъ, а по обилію ея, очень прибыленъ. Иногда неводъ вытаскиваетъ за одинъ разъ до 40,000 штукъ. Сотня этихъ бѣшеныхъ, но вкусныхъ рыбокъ продается отъ семи до тридцати копѣекъ серебромъ. Послѣ половины мая чехонь, или веселуха, мретъ, и рѣчныя волны десятками тысячь выбрасываютъ ее на берега, гдѣ она становится достояніемъ плотоядныхъ птицъ или гніенія, далеко распространяющаго отвратительный запахъ. Не правда-ли, странное явленіе эта бѣшеная рыба? Мнѣ никогда не случалось читать ея натуральной исторіи, и никто изъ здѣшнихъ жителей не могъ объяснить мнѣ причинъ страннаго ея предсмертнаго поведенія. Это вынуждаетъ меня предложить вамъ, въ ожиданіи болѣе основательныхъ ученыхъ изслѣдованій, собственную мою теорію. Мнѣ кажется, что чехонь или веселуха, будучи, по природѣ своей, морской рыбою, но забѣжавъ, съ разливомъ рѣкъ, въ прѣсныя воды ихъ, страдаетъ и болѣетъ безъ соленой своей стихіи, кое-какъ живетъ еще внѣ ея до половины мая, и наконецъ, послѣ этого срока, изнемогаетъ и умираетъ, если не отъ носталгіи, или тоски по родинѣ, но отъ той рыбьей болѣзни, которой причина заключается въ перемѣнѣ морской, соленой воды Каспія на пресную воду впадающихъ въ него рѣкъ. Не смѣю

ручаться за вѣрность этой теоріи, но предлагаю ее, какъ догадку, на обсужденіе естествоиспытателей.

17 мая. Г. Волжскъ или Вольскъ.

Дорога сюда отъ послѣдней станціи идетъ постоянно въ гору, и постоянно окружена богатыми нивами. У краевъ дороги кусты пунцовыхъ піоновъ, чрезвычайно привлекательныхъ для взора, утомляющагося однообразіемъ полеваго пейзажа. Городокъ Волжскъ или Вольскъ открывается съ огромной высоты, въ глубокой приволжской равнинѣ. Здѣсь надобно остановиться, чтобы видѣть очаровательную панораму города, его правильныя перекрестныя улицы, его волжскую пристань, его красивыя площади, и посреди площадей церкви. Издалека можно принять Вольскъ за большой, шумный, изящный европейскій городъ, и притомъ городъ приморскій, потому что позади его стелется необозримая синева волжскаго разлива, подобнаго морю, а въ пристани качаются мачты множества судовъ. Оживленная, пестрая и даже грандіозная картина, какихъ очень немного встрѣтитъ русскій туристъ посреди повсемѣстно - плоскаго русскаго пейзажа.

18 мая. Утро.

Отобѣдавъ въ Волжскѣ, я нигдѣ болѣе не останавливался на пути, и даже ночевалъ въ тарантасѣ. Ночь была совершенно южная, теплая, тихая. Мнѣ остается сдѣлать двѣ станціи до Саратова, но я беру въ руки дорожную мою тетрадь, чтобы не забыть отмѣтить въ ней появленіе на пути моемъ нѣмецкихъ колоній, о которыхъ въ послѣдствіи буду говорить подробнѣе.

ПИСЬМО 8-е.

САРАТОВЪ, НѢМЕЦКІЯ КОЛОНІИ, СТЕПНЫЕ ХУТОРА И ДОНСКІЯ СТАНИЦЫ.

. . . Переходъ отъ Европы къ Азіи часъ отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ, трава густѣетъ и являетъ бо́льшую силу растительности; показываются птицы, невѣдомыя въ нашихъ лѣсахъ. . .

А. Пушкинъ. (Путешествіе въ Арзерумъ).

Наружность Саратова. Рыба и мѣстный табакъ. Нѣмецкое царство. Костюмъ, обычаи, дома внутри и снаружи. Пѣсня нѣмца-ямщика. Рѣка Балыклей и опять бѣшеная рыба. Дубовскій Посадъ и путешествіе моего знакомаго. Г. Царицынъ и саратовскіе хутора. Элегія. Пятиизбянская станица и контрастъ съ элегическими хуторами и нѣмецкими колоніями. Постройки, языкъ, костюмъ. Паромъ на Дону и разговоръ съ гребцами о житьѣ-бытьѣ, о соединеніи Волги съ Дономъ. Какъ живутъ помѣщики. Нижне-Чирская станица. Полковники, офицеры, вино.

18 мая. Вечеръ.

Саратовъ—послѣдній старый городъ на пути моемъ. Всѣ города, которые посѣщу я прежде Тифлиса,—всѣ моложе Саратова, всѣ возникли, или процвѣли въ послѣднемъ столѣтіи. Въ противуположность Симбирску, Саратовъ можно назвать довольно неопрятнымъ городомъ. Начиная отъ шлагбаума, украшеннаго двумя кирпичными обелисками и гербами губерніи: тремя стерлядями, до самаго выѣзда изъ города, улицы не мощеныя, строенія ветхія или давно не подновленныя. Лучшія зданія города смотрятъ какъ-то буднично. Степный песокъ или степная пыль, кажется, занесли эту

столицу юговосточныхъ русскихъ степей, и наложили на нее свой степной отпечатокъ. Въ городѣ пусто и мало движенія, и очень велико было мое удивленіе, когда я посѣтилъ щегольскіе здѣшніе магазины гостинаго двора. Неужели эти богатые и многочисленные депо предметовъ роскоши могутъ поддерживаться потребностями мѣстныхъ помѣщиковъ? Неужели здѣсь такъ значителенъ сбытъ? Вѣроятно такъ, и, вѣроятно, причина этому въ развитіи роскоши, обусловливаемой изобиліемъ хлѣба въ степныхъ саратовскихъ имѣніяхъ.

Въ Саратовѣ не нашелъ я ни театра ни городскаго сада. Чтобы полюбоваться Волгой, которой невидно изъ города, надобно спускаться къ волжскому берегу по крутымъ спускамъ кривыхъ переулковъ. На площади, около стараго собора, зданія весьма почтенной архитектуры,—базаръ. Десятка три старыхъ торговокъ продаютъ калачи, сухую вòблу, орѣхи, арбузные сѣмячки и челимъ, то есть водяные орѣхи особаго устройства, съ колючей скорлупою. Я любовался важными позами и взаимными привѣтствіями à la grande dame этихъ царицъ площаднаго торга. Здѣсь вспомнилъ я о знаменитой саратовской рыбѣ... Гдѣ-же эти хваленые балыки, эти тающіе во рту бѣлорыбицы, эта громкая шемая?.. Поѣзжайте въ грязные и кривые переулки, круто спускающіеся къ Волгѣ, поѣзжайте, и войдите въ одну изъ рыбныхъ лавокъ. Вы убѣдитесь, что не напрасна слава балыковъ саратовскихъ, вы соблазнитесь нѣжнымъ розовымъ мясомъ только-что посоленой бѣлорыбицы, вы непремѣнно раззоритесь на шемаю... Если же вы хотите оставить въ себѣ окончательно

пріятное и прочное воспоминаніе о Саратовѣ, то прикажите сдѣлать себѣ въ очень порядочной здѣшней гостинницѣ ботвинью со льдомъ, раками, и купленной вами бѣлорыбицей... Гастрономическое впечатлѣніе ваше будетъ невыразимо!... Послѣ обѣда, если вамъ вздумается побродить по городу, зайдите въ табачную фабрику Штаффа. Она очень замѣчательна по выдѣлкѣ низшихъ сортовъ табаку и сигаръ, для которыхъ сырой матеріалъ доставляется изъ мѣстныхъ, саратовскихъ табачныхъ плантацій, разводимыхъ нѣмцами колонистами. Не говорю о добротѣ сигаръ и табаку, но долженъ сказать о количествѣ, въ какомъ эти продукты расходятся на Нижегородской ярмаркѣ, или на самомъ мѣстѣ: однихъ бандеролей на сигарные и табачные картузы фабрикантъ ежегодно беретъ изъ саратовскаго Казначейства на 30,000 р. сереб. Въ Саратовѣ нѣсколько магазиновъ модистокъ, кондиторская, и даже фортепіанный мастеръ. О прочихъ «рессурсахъ» Саратова, который, кажется, имѣетъ притязаніе на званіе «большаго города», судьба не допустила меня получить никакихъ болѣе свѣдѣній.

20 мая. Станція Таловка.

Еще за двѣ станціи передъ Саратовомъ началось нѣмецкое царство. Отъ Саратова дорога также идетъ по нѣмецкимъ колоніямъ, и однообразіе здѣшнихъ степей украшается для путешественника новизною народнаго быта, типовъ и климатическихъ явленій. Всѣ станціи содержатся нѣмцами, которыхъ вообще въ губерніи до 75,000 душъ; колоніи ихъ будутъ тянуться до самаго

Камышина. Изъ Пруссіи вновь ожидаютъ сюда до 200 семействъ, и объ этомъ здѣшніе нѣмцы говорятъ безъ особенной радости, потому что у нихъ самихъ чувствуется недостатокъ въ землѣ. Многіе изъ нихъ, по этой причинѣ просились уже въ Сибирь, и Правительство согласилось на переводъ 200 семействъ въ незаселенные степи Южной Сибири, охотниковъ же на переселеніе нашлось гораздо болѣе: до 1200 семействъ!..

Всѣ здѣшніе нѣмцы порядочно говорятъ по русски, и успѣли усвоить кое-что изъ русскаго быта; такъ, напримѣръ, ни одинъ нѣмецъ-ямщикъ не забудетъ попросить у васъ на водку и снять шапку, почесавъ при этомъ въ затылкѣ. Но только дѣлаетъ онъ это безъ лѣнивой граціи русскаго ямщика. Еще усвоили себѣ нѣмцы наши нагольные тулупы, и ходятъ въ нихъ даже теперь, не смотря на позднее число мая. Нѣкоторыхъ я видѣлъ въ лаптяхъ... Но этими чертами, кажется, и ограничивается степень ихъ обрусѣлости. Во всемъ прочемъ они сохранили свой самостоятельный характеръ. Обыкновенный костюмъ ихъ состоитъ изъ бѣлой или цвѣтной рубахи, спрятанной снизу въ панталоны опускающіеся сверхъ сапоговъ, а на плечахъ покрытой коротенькимъ жилетцемъ. Женщины, вообще красивыя, темнорусыя, и хорошо сложенныя, одѣваются въ платья съ высокими лифами. Въ селеніяхъ и въ избахъ большая опрятность. Послѣднія, какъ я замѣтилъ, строятся въ пол-бревна, то-есть не изъ цѣльныхъ а изъ распиленныхъ вдоль бревенъ; оно понятно: здѣсь зимы не такъ суровы, и лѣсъ не такъ дешевъ какъ на сѣверѣ. Для тепла же, или для красивости, избы снаружи обиваются

тесомъ или чистенько вымазываются бѣлой глиной. Крыши на избахъ или тесовыя или соломенныя, но послѣднія вездѣ наложены гладко, аккуратно, и по краямъ ровно подстрижены, въ совершенную противуположность нашимъ русскимъ соломеннымъ крышамъ, которыя скорѣе завалены кучами соломы, чѣмъ крыты ею. Отъ этого здѣсь домики глядятъ какъ-то весело, а наши соломенныя избы всегда похожи на просыпающагося рыжаго мужика съ взъерошенными волосами... Точно такое же сравненіе можно сдѣлать между здѣшними, и нашими русскими почтовыми лошадьми; здѣсь лошади рослы, красивы, вычищены и выхолены, — а у насъ, — вспомните нашихъ мохнатыхъ, грязныхъ станціонныхъ лошадей, похожихъ болѣе на медвѣжатъ, чѣмъ на благороднаго коня!

Любопытно побывать въ домикѣ саратовскаго нѣмца-колониста. Здѣсь вся мебель выкрашена въ синюю или красную краску; нигдѣ ни пылинки; по угламъ изразцевыя печи съ лежанками, въ которыя вдѣланы котлы, не для бѣлья, и не для стряпни, а для тепла: подъ ними проведенъ жаръ печи, а надъ ними нѣмцы грѣютъ свои руки зимою. . . Вмѣсто русскихъ наръ, или скамей, стоятъ рядкомъ кровати съ занавѣсами изъ розоваго ситца. Кромѣ перинъ и подушекъ, лежащихъ въ изобиліи на постели, три или четыре подушки стоймя торчатъ еще на верху, надъ занавѣсами каждой кровати. На одномъ изъ столовъ, или на полкѣ, нѣмецкая библія; на стѣнѣ прибитъ стѣнной календарь: это двѣ необходимыхъ принадлежности каждой избы, которая, какъ и русскія, обыкновенно дѣлится сѣнями на двѣ

половины. При въѣздѣ и выѣздѣ, около каждой колоніи видны запасы топлива изъ навема и соломы... Хороша здѣшняя природа, прекрасны волнообразныя здѣшнія степи, богато птичье царство! Голубой красивранъ, этотъ степной русскій какаду, розовый дроздъ, чибисъ, ястребъ и гоголь необыкновенно оживляютъ пустынный пейзажъ. Около самой дороги снуютъ взадъ и впередъ, или сидятъ у своихъ норъ, или прячутся въ нихъ маленькіе сурки, или полевыя мыши... Иногда два, три небольшихъ орла спускаются къ трупу павшей лошади, или медленно кружатся надъ своей добычей... Какой-то прозрачный паръ надъ степью колеблетъ и рябитъ въ вашихъ глазахъ всѣ отдаленные предметы, весь горизонтъ. Цѣлое поле какъ-бы дрожитъ передъ вами... Лѣсовъ здѣсь не видно; изрѣдка только ветлы и плакучія ивы группируются около рѣчекъ, свѣтло и прозрачно текущихъ въ глубинѣ долинъ.

Жаръ полудня и пѣніе нѣмца ямщика убаюкиваютъ... Ямщикъ поетъ какой-то народный романсъ; можно различить темпъ вальса, но мелодія романса бѣднѣе всякой татарской, подъ которую не разъ удавалось мнѣ засыпать на казанскихъ, вятскихъ и пермскихъ дорогахъ. Можно догадываться, что нѣмецъ мой поетъ что нибудь очень любезное или чувствительное, но на испорченномъ здѣшнемъ діалектѣ трудно разобрать смыслъ романса. Здѣсь бранденбургцы и, въ 60 лѣтъ жизни своей на чужбинѣ, успѣли исковеркать родной языкъ.

22 мая. Станція Балыклейская. Утро.

Я на серединѣ дороги между Камышинымъ, въ которомъ не встрѣтилъ ничего замѣчательнаго, и Цари-

цынымъ, послѣднимъ городомъ саратовской губерніи. здѣсь настоящая, безлѣсная и плоская степь. Ветлы растутъ только вблизи жилищъ. Станціи здѣсь помѣщаются въ большихъ «форменныхъ» деревянныхъ домахъ, одиноко стоящихъ посреди степи. По берегамъ рѣки Балыклея, которую лѣтомъ дѣти переходятъ въ бродъ, и которая теперь въ полверсты шириною, встрѣтилъ я опять «бѣшеную рыбу», но только въ какомъ видѣ! Окончивъ свое рѣзвое существованіе, она сотнями валяется на берегу, привлекая къ себѣ стаи голодныхъ воронъ. . .

22 мая. Вечеръ. Дубовскій посадъ.

Съ перваго взгляда видно, что здѣсь дено степныхъ сокровищъ: хлѣба. Видно это по множеству мельницъ около Дубовки и въ самомъ дубовскомъ посадѣ.

Здѣсь, между прочимъ, имѣлъ я случай убѣдиться, что не должно сѣтовать на судьбу и ея, какъ-будто слѣпыя, велѣнія: я очень хорошо сдѣлалъ, что отъ Казани отправился сухопутьемъ. Здѣсь встрѣтилъ я знакомца моего, купца С., который недѣлею ранѣе меня пустился изъ Перми на пароходѣ, взявъ для своего семейства мѣста прямо до Дубовскаго посада, въ томъ расчетѣ, что такимъ образомъ и скорѣе и спокойнѣе проѣдетъ онъ болѣе половины пути до Пятигорска. Какая ошибка! Безпрерывныя остановки, пріемъ груза съ разныхъ пристаней, медленный ходъ парохода, вывели моего пріятеля изъ терпѣнія; еще въ Сызрани рѣшился онъ сгрузить съ парохода на берегъ свой тарантасъ, и поѣхалъ почтовымъ трактомъ. Удивляясь

печальному плаванію моего знакомаго, я разсказалъ ему о счастливомъ своемъ плаваніи, и мы, не зная, чѣмъ объяснить противуволожныя явленія, рѣшили на томъ, что всякая вещь имѣетъ свою лицевую сторону и свою изнанку.

23 мая. Г. Царицынъ.

Пустынный, ветхій, разбросанный, совершенно степной городокъ. Здѣсь раздвояется дорога: можно ѣхать на востокъ, въ Астрахань, и можно ѣхать на западъ къ Качалинской пристани (на Дону), и къ Новочеркасску. На первой отсюда станціи граница саратовской губерніи и земли войска донскаго. Послѣдняя привлекаетъ меня болѣе чѣмъ Астрахань. Видѣть *тихій синій* Донъ между луговыхъ его береговъ; видѣть станицы, родящія и питающія честь нашего войска, славныхъ Донцевъ; посмотрѣть на бытъ нынѣшняго казачества, въ которомъ вѣрно осталось хотя что нибудь отъ другаго, несуществующаго, но памятнаго въ русскихъ бытописаніяхъ... Все это не долго дозволило мнѣ колебаться въ выборѣ дорогъ, и я повернулъ оглобли на западъ.

Но прежде чѣмъ я вступлю въ черту земли войска донскаго, я долженъ воздать лепту признательности этимъ маленькимъ степнымъ саратовскимъ хуторамъ, которые и до сихъ поръ встрѣчаются мнѣ по дорогѣ, за усладительныя впечатлѣнія, пробужденныя ими въ душѣ моей.

Нѣтъ ничего отраднѣе, ничего успокоительнѣе, какъ видъ этихъ отшельниковъ-хуторовъ, какъ-будто нарочно

удалившихся въ степь, какъ-будто забытыхъ, заброшенныхъ міромъ. Хуторъ здѣсь тоже, что заимка на Уралѣ или въ Сибири, тоже что дача, или загородный домъ во внутренней Россіи. Но ни заимки, ни загородные дома не въ состояніи расположить душу къ желанію уютнаго, укромнаго жилища, къ безмолвному, созерцательному спокойствію, ко всѣмъ тѣмъ идиллическимъ, несбыточнымъ образамъ, которые любятъ рисоваться въ юношескомъ воображеніи, или въ нестарѣющемся воображеніи поэтовъ, и которыя возникаютъ во мнѣ при видѣ саратовскихъ хуторовъ. Саратовскіе хутора пробудили въ душѣ моей все, что̀ оставалось въ ней юнаго.

Я глядѣлъ изъ экипажа моего на эти селенія изъ двухъ-трехъ хатъ, бѣлѣющихъ въ зелени развѣсистыхъ деревьевъ, я любовался этимъ муравьинымъ движеніемъ скромныхъ полевыхъ работъ, и что-то среднее между воспоминаніемъ и желаніемъ, дошедшимъ до степени яснаго представленія, овладѣвало мною, какъ первая греза сладкой дремоты... И вотъ мнѣ кажется, что я уже здѣсь жилъ когда-то прежде, жилъ счастливый и довольный; что я снова сюда возвращаюсь послѣ утомительной жизни страстей и труда... И настоящая, дѣйствительная дремота нисходитъ на меня, и въ этой дремотѣ, какъ будто кто-то сладко напѣваетъ мнѣ элегическія строфы:

Вотъ знакомая мельница крыльями машетъ,
Вотъ плотина, за нею на выгонѣ лугъ;
Вотъ съ сынишкой старикъ ниву сочную пашетъ:
Сынъ отцу помогаетъ поддерживать плугъ.

Сѣдины старика, долгихъ лѣтъ отпечатокъ,
И кудрявая смоль черныхъ сына волосъ
Такъ другъ къ другу идутъ, а ихъ нивы участокъ
Быстро тонетъ въ рядахъ черноземныхъ полосъ:
Имъ спорится работа!... «Богъ помочь! Здорово!
Молодца ты въ подмогу себѣ возрастилъ!»
И улыбкой старикъ встрѣтилъ доброе слово,
И, съ поклономъ морщины чела обнажилъ...
Какъ давно мнѣ вся эта картина знакома!
Вотъ и прудъ... Съ полверсты остается до дома...

* * *

За прудомъ слышенъ топотъ бѣгущаго стада,
Пыль столбомъ, и сквозь пыль видны куцы березъ:
То ровесники мнѣ, дѣти отчаго сада,
То свидѣтели первыхъ восторговъ и слезъ.
Въ ихъ тѣни... Какъ давно миновали тѣ годы!
Въ ихъ тѣни я позналъ мѣру данныхъ мнѣ силъ,
Научился дивиться явленьямъ природы,
Научился любить, и впервые любилъ...
Здраствуй тихое поприще жизни минувшей,
Здраствуй вѣчно-радушный отеческій край!
Поскорѣй ты въ душѣ моей полузаснувшей
Призракъ дней, юныхъ дней, отжитыхъ, воскрешай,
И пусть все, что любилъ, но покинулъ давно я
Встрѣчу снова я въ нѣдрахъ покоя!...

Не взыщите за неумѣстныя риѳмы, особенно если онѣ не воспроизведутъ въ душѣ вашей тѣхъ ощущеній, которыми онѣ порождены: я самъ хорошо знаю, что почувствовать и выразиться — двѣ вещи разныя! Но вѣдь я пишу «путевыя впечатлѣнія.»

24 мая, Пяти-избянская станица.

Наконецъ я въ землѣ Войска Донскаго. Какая разница, какой контрастъ съ послѣдними моими впечат-

лѣніями посреди нѣмецкихъ колоній и степныхъ хуторовъ! Тамъ мирная, тихая осѣдлость, здѣсь какъ будто все кочуетъ. Тамъ постройки прочны и долголѣтни,— здѣсь цѣлыя станицы выстроены какъ аулы, какъ временныя становища, легко и изъ легкаго матеріала. Тамъ — типы осѣдлыхъ землепашцевъ, часто озабоченныхъ и задумчивыхъ,—здѣсь бодрый и рослый народъ, возвратившійся съ царской службы, изъ далекихъ краевъ, или ожидающій идти на рубежи Россіи, а потому не слишкомъ преданный мысли объ упроченіи удобствъ домашняго быта. Тамъ все располагаетъ къ элегіи,— здѣсь ожидаешь услышать военную пѣсню. Мѣстный характеръ видѣнъ съ первой станціи, при въѣздѣ въ землю Донскаго Войска. Тутъ нашелъ я землянку, построенную изъ тальника (ивы) пополамъ съ землею и глиной; землянка ничѣмъ не отгорожена отъ окружающей ее безбрежной степи. Содержатель станціи — пожилой казакъ, бывалый и въ Питерѣ, и на Польской границѣ, и на Кубани; на стѣнѣ у него виситъ хоть и не казистое, да оружіе: сабля, винтовка, пистолетъ. Говоритъ онъ смѣло, хорошимъ русскимъ языкомъ, какъ и всѣ Донцы. Изрѣдка только въ рѣчи ихъ слышатся малороссійскія или польскія слова, или частицы: «пехай», «трòшки», «чи», или татарскія: «каймакъ», то-есть топленое молоко, «кизекъ», или топливо изъ назему съ соломой, и т. п.

Переправляясь на паромѣ съ лѣваго берега Дона на правый, я имѣлъ случай разговориться съ шестью коренными донцами, переправлявшими мой экипажъ. Всѣ они были цвѣтущаго, мужественнаго лица, высокаго

роста; нѣкоторые съ бородами, точно также, какъ и здѣсь, въ станицѣ. Всѣ они были въ холщевыхъ штанахъ, запущенныхъ подъ сапоги, и въ рубахахъ изъ хорошаго ситцу; на иныхъ нанковые казакины съ стоячими воротниками, на иныхъ тулупы или стеганые архалуки; на головахъ картузы съ красными околышами. Всѣ они бывали и въ Петербургѣ, и въ Польшѣ; нѣкоторые возвратились изъ Венгерскаго похода, и съ большимъ удовольствіемъ вспоминаютъ о Венгріи и Венгерцахъ.

— А что, хорошо-ли здѣсь, братцы, житье, привольна-ли сторона ваша,—спросилъ я, между прочимъ, моихъ паромныхъ гребцовъ.

— А ничего, — отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ шестерыхъ,—живемъ, наше житье извѣстно какое; казачье, то-ись кочевое, ваше благородіе; два года дома, да пять лѣтъ на службѣ, въ чужой сторонѣ.

— Куда же вы больше отправляетесь?

— Ходимъ въ Питеръ, по-очереди, въ Польшу ходимъ, на линію Кавказскую, въ Черноморье, — куда кому выдетъ назначенье.

— Такъ дома-то вы мало живете?

— Извѣстно мало, да наша служба такая: всякій долженъ 25 лѣтъ выслужить.

— Ну, а какже безъ васъ дѣти, жены?

— Жены?... Жены безъ насъ не горюютъ; а дѣти ростутъ, да, вдругорядь, еще и прибавляются. Иной разъ уѣдешь, сынишку дома оставишь, а воротишься,— ребятъ четырехъ найдешь....

— Разумѣется вы и взыскиваете съ женъ?...

— А какъ тутъ взыскивать? Поколотишь развѣ, да и все-тутъ. Да за что и взыскивать? Бабенка останется молодая, одна-одинехонька. Не ужто-же ей такъ и вдовѣть вдовой безъ нашего брата? Вѣдь и нашъ братъ на чужой сторонѣ не все о женѣ помнитъ....

— Ну, а какъ у васъ хозяйство, хлѣбопашество?

— Ничего, земля у насъ добрая, кормиться можно.

Во время этой бесѣды увидѣли мы посреди Дона нѣсколько сибирскихъ коломенокъ, плывшихъ съ верху, отъ Качалинской пристани.

— Это что̀?—спросилъ я.

— Это «расшивы» сибирскія, съ желѣзомъ, въ Ростовъ и въ Таганрогъ плывутъ.

— Да какъ же онѣ здѣсь очутились? Развѣ ужъ есть водяное сообщеніе съ Волгою?

— Нѣту,—сообщенія нѣту, да и не будетъ; а эвти суда «расшиваютъ» въ Дубовкѣ, перевозятъ, вмѣстѣ съ грузомъ, на волахъ, въ Качалинскую, а тутъ опять сколачиваютъ, и спускаютъ на Донъ».

Я подумалъ: не оттого ли и «расшивами» называются здѣсь наши уральскія суда, что ихъ «расшиваютъ» въ Дубовкѣ, а въ Качалинской пристани снова сколачиваютъ? Какой затруднительный способъ перевозки товаровъ! И однако между Дубовкой и Качалинской пристанью, т. е. между Волгой и Дономъ какихъ нибудь 60 верстъ! Вотъ гдѣ былъ бы необходимъ каналъ. Впрочемъ объ этомъ давно существуетъ предположеніе. Я обратился снова къ Казакамъ:

— Что̀-бы соединить Волгу-то съ Дономъ? Тогда бы и судовъ не надо расшивать...

— «Какъ это можно, ваше благородіе! «воскликнули хоромъ всѣ мои собесѣдники.

— Отчего-же нельзя?

— Да если бы Волгу сюда напустили, такъ она у насъ всѣ луга потопила бы; мы совсѣмъ пропали бы, какъ можно!

— А я такъ слышалъ, что хотятъ каналъ рыть отъ Дубовки къ Качалинской....

— Нѣтъ, ваше благородіе, не бывать евтому.

— Отчего-же?

— Оттого, что дѣло это «не даётся».

— Какъ не дается?

— Да-ужъ такъ; былъ тутъ, слышно, одинъ нѣмецъ, хотѣлъ-было съ нашими рѣками совладать, да самъ и пропалъ, какъ собака.

— Какъ-такъ?

— А вотъ какъ: онъ началъ отъ Волги канаву проводить къ рѣкѣ Ловлѣ (т.-е. Иловлѣ), рылъ, рылъ, а самъ съ людьми на судахъ въ канавѣ сидѣлъ; да какъ пустилъ воду изъ Волги въ канаву,—какъ сорвалась Волга съ русла, такъ и нѣмца мудрёнаго, и суда его, и людей всѣхъ съ нимъ утопила,—съ тѣхъ поръ больше и не пытались за это дѣло приниматься!...

Не зная, на чёмъ основанъ этотъ разсказъ казака, я понялъ изъ него только то, что на Дону не слишкомъ расположены къ водянымъ коммуникаціямъ, и что между Донцами есть какое-то суевѣрное убѣжденіе, что предпріятіе соединить Волгу съ Дономъ никому «не даётся»....

Перебравшись на правый берегъ Дона, я встрѣтилъ два воза съ здѣшнимъ антрацитомъ или каменнымъ углемъ. Мѣсторожденіе его и главныя шахты около Новочеркасска.

До самой пяти-избянской станицы правый берегъ Дона высокъ,—а по лѣвому стелятся луговыя низовья. Самая станица живописно разбросана на правомъ берегу; на высокой горѣ кладбище и часовня; домики всѣ изъ тальника, переложеннаго глиной. Донъ здѣсь широкъ, но гораздо уже Камы; теченіе его тихо, плавно, и разнообразится множествомъ песчаныхъ отмелей и зеленыхъ острововъ. Казаки ловятъ рыбу, и мнѣ продали здѣсь двадцати-вершковую живую севрюгу (это нѣчто въ родѣ стерляди) за 50 копѣекъ серебромъ. Между домиками низшаго казачьяго населенія, возвышаются четыре дома каменныхъ: здѣсь живутъ помѣщики.

— Богаты здѣшніе помѣщики? спросилъ я кого-то.

— Душъ по четыреста у каждаго.

— Они постоянно живутъ здѣсь, или выѣзжаютъ въ Новочеркасскъ, или въ Москву, въ Петербургъ?...

— Нѣтъ, живутъ дома.

— Вѣрно хозяйствомъ занимаются?

— Нѣтъ, въ хозяйство входятъ мало.

— Что-же они дѣлаютъ.

— А живутъ—себѣ, да по ярмаркамъ ѣздятъ....

Да, это значитъ: жить!...

Полюбовавшись съ кладбищенской горы на синій Донъ и на станицу, послушавъ казачьихъ пѣсенъ, въ которыхъ играютъ роль чистые великорусскіе напѣвы, поглазѣвъ на рослыхъ здѣшнихъ женщинъ и красивыхъ

дѣтей, я поужиналъ ухою изъ свѣжей севрюги, и не безъ раздумья вспоминая о томъ, какъ «живутъ» здѣсь помѣщики,—собираюсь въ дальнѣйшее путешествіе.

26 Мая. Нижне-Чирская станица.

По сторонамъ дороги, и въ невысокихъ здѣшнихъ лѣсахъ являются: виноградныя лозы, кусты терна, яблоновыя и грушевыя деревья. Днёмъ жарко, ночью тепло. Вчера въ цѣлый день я сдѣлалъ только 35 верстъ: переправа черезъ р. Чиръ, впадающую въ Донъ, грязь и топкія мѣста на лугахъ, недавно еще бывшихъ подъ водою Донскаго разлива, всё это соединилось вмѣстѣ, чтобы отнять у меня цѣлыя сутки на проѣздъ тридцати пяти вёрстъ, изъ которыхъ половину тащился я на десяти волахъ, кромѣ шести лошадей, оказавшихся немощными на такой дорогѣ.

Кто не знаетъ простоты жизни на Дону, тотъ конечно очень удивился бы, встрѣтивъ черты, подобныя слѣдующимъ: мнѣ разсказывали, что не одинъ здѣшній Подполковникъ или Полковникъ, живя дома, берётся за соху, или самъ занимается въ огородѣ и на житницѣ. Здѣсь чины имѣютъ особое значеніе только въ должностномъ отношеніи, во время походовъ; нѣкоторое значеніе въ общественномъ быту, но уже отнюдь не въ домашнемъ. Жена заслуженнаго станичнаго начальника не постыдится состряпать мужу любимое имъ кушанье, или присмотрѣть за масломъ и сливками.... При переправѣ черезъ Чиръ я встрѣтилъ телѣгу, чѣмъ-то нагруженную, и молодаго человѣка въ казакинѣ и военной фуражкѣ; я видѣлъ, какъ самъ онъ помогалъ тащить

съ парома на берегъ свою телѣгу и усердно возился около нея: это былъ офицеръ. Не чины, а степень богатства очевидно дѣлаютъ здѣсь различіе въ образѣ домашней и общественной жизни.

Въ первый разъ здѣсь пилъ я мѣстное вино. Донское, шипучее, продается по 60 коп. за бутылку; цымлянское, красное, и безъ игры, стоитъ 35 копѣекъ. Оба этихъ образчика не расположили меня въ пользу Донскаго винодѣлія; но говорятъ, что въ Новочеркасскѣ, въ Аксайской станицѣ, и далѣе,—вина гораздо выше.

ПИСЬМО 9-е.

НОВОЧЕРКАССКЪ,—И ПУТЬ ДО СТАВРОПОЛЯ.

Извиненіе и оправданіе. Курганы. Въѣздъ въ Новочеркасскъ. Тріумфальныя ворота. Строющаяся церковь. Шоссе и мостовыя. Домъ и залы Войсковаго Правленія. Достопримѣчательности и достопамятности. Монументъ Атаману Графу Платову. Городской садъ и гулянье. Костюмы и музыка. Что сказали-бы Французы? Вино и каменный уголь. Аксайская станица и способъ переправы чрезъ Аксай, сливающійся съ Дономъ.

22 Мая. Новочеркасскъ.

Я знаю, что предшествующее письмо мое утомило васъ своей длиннотою, не смотря на разнообразіе, контрасты, и даже элегическое стихотвореніе, тамъ помѣщенное. Обѣщаю вамъ умѣреннѣе пользоваться вашимъ вниманіемъ, и два слѣдующихъ письма сдѣлаю

по возможности короткими. Не обѣщаю только уволить васъ отъ стиховъ. Что дѣлать? Старая привычка! И кто-же изъ метромановъ не любилъ дѣлиться своими риѳмами съ добрыми пріятелями?...

Отъ нижне-чирской станицы до Новочеркасска, дорога всё еще степная, и обозначается на безбрежной равнинѣ только кучами каменьевъ, или огромными плетёнками изъ тальника, наполненными землею, и врытыми въ землю по обѣимъ окраинамъ дороги. Съ двухъ сторонъ тянутся курганы, эти загадочные слѣды прошедшихъ здѣсь народовъ, столько разъ бывшіе предметами ученыхъ диссертацій. Они тянутся вплоть до самой цѣпи чёрныхъ горъ, служащихъ передовымъ образчикомъ большой Кавказской цѣпи. Особенно много кургановъ вблизи рѣчки Кагальника. Удивительно прямо-линейное расположеніе ихъ къ югу, и не менѣе удивительна прочность ихъ, устоявшая подъ вліяніемъ непогодъ цѣлые вѣка!... Здѣшніе курганы менѣе Сибирскихъ, и похожи на Херсонскіе, Екатеринославскіе и Саратовскіе.... Неужели такая гигантская работа, какой требовало возведеніе этихъ тысячей однообразныхъ насыпей, имѣла цѣлію только одно обозначеніе пути мимошедшихъ народовъ? Чтобы ни писали о курганахъ наши почтенные археологи,—для меня много останется загадочнаго въ этихъ степныхъ памятникахъ «чего-то» прошедшаго!...

Проѣхавъ еще нѣсколько станицъ, съ ихъ разноцвѣтными хатами, я приблизился къ Новочеркасску. Городъ расположенъ на значительной высотѣ, на которую долго тащили меня измученныя лошади, давая мнѣ досугъ разсматривать плохія предмѣстія, или зданія

широкой улицы, которая тянется вверхъ по горѣ, отъ въѣзда въ городъ до самыхъ тріумфальныхъ воротъ. На воротахъ, золотыми буквами, изображено четверостишіе въ честь Императора Александра I-го....

Ворота построены изъ того же губчатаго плитнаго камня, изъ какого строятся здѣсь всѣ зданія. Проѣхавъ ворота, я видѣлъ строющуюся вновь, большую церковь во вкусѣ Тонновскихъ церквей, и особенно напоминающую собою Петербургскую конно-гвардейскую, или Благовѣщенскую; только здѣшняя обѣщаетъ менѣе стройности. Отъ церкви начинается собственно городская улица, прекрасно вымощенная, съ прекрасными домами по сторонамъ. Здѣсь вездѣ шоссе, и потому нѣтъ грязи, но много бываетъ пыли. Самая верхняя точка города занята домомъ Войсковаго Правленія и присутственныхъ мѣстъ, которыя надобно посѣтить, чтобы увидѣть нѣчто характеристическое и весьма интересное. Я посвятилъ утро на обозрѣніе залъ Войсковаго Правленія. Во второмъ этажѣ дома, расположеннаго подковой, находится зала присутствія Войсковаго Правленія. Стѣны залы обиты великолѣпными обоями, на окнахъ и дверяхъ прекрасныя draperies. Въ срединѣ столъ присутствія. По правую руку отъ входа портретъ Государя Императора. Противъ входа — портретъ Государя Наслѣдника, (нынѣ царствующаго Государя) прекраснѣйшей работы Крюгера. Его Величество изображенъ на конѣ, en face, посреди скачущей за Нимъ Свиты, которая вся въ казачьихъ костюмахъ, также какъ и самъ Государь. Сходство лица Его Величества съ этимъ портретомъ разительно; конь подъ Августѣйшимъ всадникомъ—

живое, движущееся, прекрасное животное; однимъ словомъ—это работа Крюгера.... Но Донцы недовольны художникомъ, дозволившимъ себѣ неправильныя отступленія въ формѣ казачьей одежды лицъ, окружающихъ Его Величество. Замѣчательный этотъ портретъ присланъ Войску Донскому въ подарокъ отъ самаго Государя, въ то время еще Наслѣдника Цесаревича. Кромѣ означенныхъ двухъ портретовъ въ той-же залѣ находятся хоругви, бунчуги, знамена, отбитые у Турковъ и пожалованные Донскому Войску. Тутъ-же пюльпитры, на которыхъ стоятъ ковчеги съ Царскими рескриптами Войску, начиная отъ Петра Великаго до нынѣ—благополучно царствующаго Государя Императора. Послѣдній изъ рескриптовъ, особенно многословный и изукрашенный,—за усмиреніе Венгровъ. Тутъ-же, наконецъ, шпага покойнаго Императора Александра Павловича, подаренная Войску Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ ознаменованіе подвиговъ Донцовъ при покойномъ Августѣйшемъ братѣ Его Величества. Другая зала находится отъ лѣстницы на лѣво. Тутъ портреты четырехъ гетмановъ, начиная съ Иловайскаго, и множество Атамановъ. Портреты эти разной величины и разнокачественной работы. Въ особенности-же хороши портреты Графа Орлова-Денисова, Иловайскаго, и 25-ти лѣтняго юноши—героя Грекова....

Сильное впечатлѣніе оставляетъ въ душѣ зрителя эта галлерея портретовъ прославившихся воиновъ! Эти воинственныя позы, эти прекрасныя, мужественныя лица, эти обнаженныя сабли или поднятыя булавы,—всё это переселяетъ ваше воображеніе во времена первой

великой борьбы Россіи съ Европой, и вы съ почтеніемъ созерцаете эту Валгаллу героевъ русскаго патріотизма.... Но они такъ таинственно, такъ многозначительно молчатъ предъ вами!...

Въ одномъ изъ отдѣленій Войсковаго Правленія показывали мнѣ полковыя знамена Войска, нѣсколько рожковъ, съ надписью: «за усмиреніе Венгровъ», и посредственную копію съ извѣстнаго оригинала картины Лейпцигской битвы.—Чтобы продлить въ себѣ пріятное впечатлѣніе воспоминаній о славѣ «не нашего» времени,—такъ прекрасно упроченной художествомъ,—я изъ Войсковаго Правленія пошелъ къ другому художественному памятнику той же эпохи. На городской площади возвышается недавно открытый монументъ Атаману Войска, Графу Платову. На гранитномъ подножіи, окруженномъ прекрасной рѣшеткой,—бронзовая фигура Платова. Онъ изображенъ какъ-бы выступающимъ на врага. Въ одной рукѣ его атаманская булава, въ другой обнаженная сабля. Живописна и выразительна его поза, живописенъ его казачій костюмъ, съ буркой, развѣвающейся за плечами. Это настоящій памятникъ воина и казака, и какъ хорошо сдѣлалъ художникъ, что оставилъ статуѣ Платова его оффиціальную одежду, а не обнажилъ её на подобіе античныхъ фигуръ, столь неизбѣжныхъ еще въ нашемъ монументальномъ искусствѣ. Нашелъ же художникъ средство сдѣлать величественною и граціозною эту фигуру героя, не лишая его современнаго костюма, и не прибѣгая къ античной наготѣ!... Я вспомнилъ горельевы Симбирскаго памятника Карамзину....

На пьедесталѣ памятника Платову прочелъ я слѣдующую простую надпись:

Атаману Графу Платову,
за военные подвиги
съ 1770 по 1816,
признательные Донцы.

Но довольно объ историческихъ памятникахъ Новочеркасска. Взглянемъ на его нынѣшнюю физіономію, покрайней мѣрѣ съ тѣхъ точекъ, какія могутъ быть доступны мимоѣзжему, кратковременному посѣтителю города. Сегодня праздникъ, и городъ приготовляется къ гулянью въ общественномъ саду. Садъ расположенъ вблизи дома Войсковаго Правленія, украшенъ искусственными развалинами, но еще не богатъ развѣсистыми деревьями. Въ седьмомъ часу я нашелъ здѣсь городское общество и военную музыку. Публика состояла изъ казаковъ, казаковъ и казаковъ, между которыми ярко выставляются нѣсколько розовыхъ шляпокъ и бѣлыхъ бурнусовъ. Два—три порядочныхъ штатскихъ костюма совершенно теряются между эполетами и казаками. Но замѣчательнѣе всего мнѣ показались костюмы коренныхъ казачекъ низшаго и средняго класса: кацевейки, подбитыя Сибирской бѣлкой, длинныя атласныя шубки съ бобровой опушкой, и шелковые платочки, замѣнившіе собою прежнія красивыя шапочки, которыя были такъ хороши, оригинальны и «мѣстны»....

Сидя на скамьѣ сада, и любуясь на свободное, приличное обращеніе гуляющихъ, такъ развязно болтающихъ на родномъ языкѣ; слушая, при этомъ, мотивы изъ Нормы и Семирамиды, такъ прекрасно выполняе-

мые полковой казачьей музыкой, я невольно подумалъ о тѣхъ европейцахъ, которые еще до сихъ поръ съ именемъ: «un cosaque» соединяютъ понятіе о невѣжествѣ, грубости и кровожадной жестокости. Я желалъ бы посадить теперь рядомъ съ собою, на садовую скамью, одного изъ моихъ пріятелей—петербургскихъ французовъ, и сказать ему: voici vos croquemitaines de cosaques, avec leurs costumes, leurs femmes, leur manière d'être, et leur musique....

Между украшеніями сада замѣтилъ я *каменную бабу* одно изъ тѣхъ загадочныхъ изваяній грубой древности, которыя разсѣяны въ разныхъ губерніяхъ южной Руссіи.... Послѣ обозрѣнія Новочеркасской публики и Новочеркасскихъ достопамятностей, мнѣ осталось еще познакомиться съ Новочеркасскимъ виномъ. Я самъ отправился въ лучшій здѣшній погребъ, весьма свѣжо и опрятно содержимый. На полкахъ замѣтилъ я бутылки съ оловянными укупорками, и съ блестящими ярлыками: очевидное подражаніе бутылкамъ съ шипучими винами Jacqueson'а и вдовы Clicquot. За бутылку лучшаго мѣстнаго шипучаго вина я заплатилъ 1 р. 50 копѣекъ, и отправился въ гостиницу пробовать его. Въ винѣ оказались слѣдующія качества: много газа, довольно пріятный вкусъ, особенно когда хочется пить, и когда половина стакана наполнена льдомъ,—и мутный, непріятно-желтоватый цвѣтъ. Дешевизна, кажется, есть лучшее достоинство Новочеркасскаго вина.

Чрезъ часъ оставляю Новочеркасскъ, и оставляю его не безъ пріятнаго воспоминанія.

Между прочимъ, почитаю нужнымъ сказать вамъ,

что весь Новочеркасскъ отапливается мѣстнымъ каменнымъ углемъ, или антрацитомъ, вошедшимъ во всеобщее употребленіе, и совершенно замѣнившимъ всѣ другія топлива, въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ. Онъ добывается отсюда въ 25-ти верстахъ, на степи.

29. Мая. На баркѣ, противъ Аксайской станицы.

Теперь чудесное утро, свѣжее и яркое. Пишу эти строки на огромной баркѣ, которую нагружаютъ еще тремя большими экипажами. Возвышенный берегъ станицы живописенъ и оживленъ. Тутъ много лавокъ съ мелочами. Торговки суетятся съ живой рыбой, калачами, или икрою. На самомъ берегу р. Аксая, который здѣсь сливается съ Дономъ, черпаютъ воду въ котелки, и тутъ же разводятъ огонь, чтобы сварить уху, для которой рыба, какъ будто сей часъ почерпнута изъ рѣки вмѣстѣ съ водою: она еще бьётся и плещется въ нагрѣвающемся котлѣ. Шумъ на берегу и на нашей баркѣ. Но вотъ поднимаютъ на мачтѣ парусъ и мы отплываемъ въ семиверстный путь до слѣдующей станціи, съ которой лошади будутъ ожидать насъ на противоположномъ берегу.

30 Мая.

Сегодня съ утра я ѣду по степямъ Ставропольской губерніи. По дорогѣ продолжаются станицы, но синій Донъ уже не оживляетъ пейзажа, довольно однообразнаго и плоскаго. Завтра я долженъ быть въ Ставрополѣ.

ПИСЬМО 10.

СТАВРОПОЛЬ, И ПУТЬ ДО ПЯТИГОРСКА.

Въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за десять лѣтъ. Они были всё на томъ-же мѣстѣ. Это снѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

Пушкинъ. (Путешествіе въ Арзерумъ).

Быстрый переходъ отъ голой степи къ садамъ, окружающимъ Ставрополь. Блюдо съ салатомъ. Казенный тутовый садъ и школа шелководовъ. Древесный питомникъ. Движеніе въ городѣ. Жители. Кавказская форма войска. Эпоха возвышенія Ставрополя. Достопримѣчательности. Вода въ городѣ, и подвигъ благодѣтельныхъ людей. Станція Сабля. Приготовительныя впечатлѣнія къ зрѣлищу снѣжныхъ горъ Кавказа. 12-я верста за станціей Сабля, и видъ горъ Кавказа. Диѳирамбъ къ горамъ и охладительное размышленіе объ эстетическомъ удовольствіи.

31 Мая. Ставрополь.

За пять верстъ до Ставрополя взору пріятно встрѣтить быстрый переходъ отъ однообразія степи къ обильной зелени садовъ, окружающихъ городъ. По замѣчанію одного моего пріятеля—попутчика, Ставрополь, бѣлѣющій въ зелени на своей высотѣ (1790 футовъ надъ поверхностью моря), очень похожъ на блюдо съ салатомъ, усыпаннымъ крупною солью. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ огромный холмъ совершенно покрытый кудрявой листвою садовъ, посреди которыхъ кое-гдѣ разбросаны бѣлыя точки зданій, и вы согласитесь, что сравненіе Ставрополя съ блюдомъ салата столько же вѣрно, сколько и замысловато. До

самаго города надобно подниматься въ гору по дорогѣ, окруженной чудеснымъ паркомъ. Тутъ растительность южная, деревья развѣсистыя и тѣнистыя, и множество вьющихся и ползучихъ растеній, образующихъ то красивыя гирлянды, то непроходимую чащу.... Въ оврагахъ блестятъ и прыгаютъ ручьи. Миловидныя пташки суетятся около дороги. На лѣво отъ дороги расположенъ казенный тутовый садъ, въ которомъ интересно видѣть образцы шелководства. На 150 десятинахъ сада въ настоящее время растетъ 1132 тутовыхъ дерева. Здѣсь же въ саду учреждена школа для юныхъ шелководовъ, имѣющая до 14 учениковъ, занимающихся подъ руководствомъ ученаго шелковода, который нѣкогда собиралъ кавказскую флору съ профессоромъ Нордманномъ, и оглохъ отъ трудностей гербаризаціи... Тутъ же находится древесный питомникъ, насажденный по распоряженію Князя М. С. Воронцова и богатый шелковичнымъ или тутовымъ деревомъ, тополями, акаціями, всѣми сортами винограда съ южнаго берега Крыма. Всѣ эти растенія воспитываются здѣсь для того, чтобы жители южнаго края пользовались ихъ отводками, черенками и сѣмянами, и разводили у себя сады. Если къ двумъ этимъ садамъ прибавить садъ женскаго монастыря, насаженный на 200 десятинъ земли, образцевую пасѣку, садъ генерала Завадовскаго, городской бульваръ и нѣсколько садовъ частныхъ лицъ,—то сдѣлается совершенно понятно, почему Ставрополь кажется потопленнымъ въ зелени. Большая часть подгородныхъ садовъ образовалась изъ древнихъ лѣсовъ, дававшихъ нѣкогда пріютъ хищнымъ сосѣдямъ, и потому вырубленныхъ.

Порядочная ставропольская гостинница стоитъ на бульварѣ, въ центрѣ города; изъ оконъ видны опрятныя строенія и улицы, преисполненныя движеніемъ. Жители здѣсь, кромѣ начальствующихъ и чиновныхъ Русскихъ,—Армяне, казаки, мирные горцы, заѣзжее купечество. Здѣсь впервые встрѣчается кавказская форма нашего войска: мохнатый папахъ, портепея черезъ плечо, и однобортные сюртуки вмѣсто мундировъ. Ставрополь, какъ губернскій городъ, существуетъ только съ 1824 года. До этого времени центральнымъ и правительственнымъ городомъ въ области былъ Георгіевскъ, упраздненный вслѣдствіе чрезмѣрно-нездороваго своего климата. Изъ достопримѣчательностей Ставрополя должно упомянуть о тріумфальныхъ воротахъ, съ надписью въ честь посѣщенія города въ 1837 году Государемъ-Императоромъ,— о прекрасномъ домѣ командующаго Войсками Кавказской линіи и Черноморіи и о театрѣ, который въ настоящее время даётъ свои представленія въ Пятигорскѣ, гдѣ конечно публика многочисленнѣе здѣшней.

Заглянувъ въ Кавказскій Календарь 1852 года, я встрѣтилъ въ описаніи Ставрополя любопытный фактъ, который выписываю здѣсь: Ставрополь маловоденъ. Лучшая вода привозится въ городъ изъ Карабина— Колодца, находящагося въ трёхъ верстахъ отъ города. Бѣдный классъ народа безъ сомнѣнія весьма страдалъ-бы отъ этого, особенно при довольно нездоровомъ ставропольскомъ климатѣ; но благотворительные люди, купцы Тамамшевъ и Якунчиковъ, на собственный свой счетъ соорудили въ городѣ бассейны, содержащіе въ себѣ порядочную воду для всеобщаго употребленія.

Незнаю, право, что̀ еще сказать вамъ о Ставрополѣ? Вспоминая отрывокъ изъ путешествія Пушкина, помѣщенный эпиграфомъ въ началѣ этого письма, я тщетно искалъ въ Ставрополѣ такой точки зрѣнія, съ которой открывался бы видъ на подобную - облакамъ цѣпь снѣжныхъ горъ Кавказа. Вѣроятно онѣ позднѣе откроются глазамъ моимъ, жадно ожидающимъ знаменитаго этого зрѣлища.

Пообѣдаю здѣсь, и немедленно отправлюсь далѣе.—

Станція Сабля. 1 Іюня, 3 часа утра.

Здѣсь сказали мнѣ вчера, что далѣе ѣхать опасно, что «мирные пошаливаютъ по ночамъ»,—и оставили меня ночевать. Пока закладываютъ мнѣ лошадей, берусь за карандашъ, чтобы записать всё, что̀ видѣлъ я вчера по дорогѣ отъ Ставрополя. Цѣпи снѣговыхъ горъ всё еще не было видно. Впереди виднѣлись только тёмныя высоты такъ-называемыхъ *черныхъ* горъ, къ которымъ принадлежитъ и *пятигорье*, давшее имя Пятигорску. По обѣимъ сторонамъ дороги огромные горизонты, долины и округленныя высоты въ родѣ Уральскихъ при станціяхъ Кленовской или Бисертской. Только здѣсь шире рама пейзажа, и высоты не покрыты лѣсомъ, какъ тамъ, на Уралѣ. Всё это истинно—грандіозно, особенно послѣ зрѣлища гладкихъ степныхъ пространствъ, и всё это подготовляетъ воображеніе къ великолѣпной панорамѣ снѣговаго хребта, который вскорѣ долженъ показаться на южномъ горизонтѣ. Если гребень снѣговаго хребта не закрытъ облаками, то онъ долженъ явиться

передо мною во всей красотѣ алаго утренняго освѣщенія. Утро ясно, и воздухъ совершенно прозраченъ. Какъ жаль, что мнѣ случалось читать такъ много описаній перваго впечатлѣнія, производимаго красотою Кавказскихъ горъ! Боюсь, что это испортитъ собственное мое первое впечатлѣніе....

12-я верста за станціей Сабля.
4 часа утра.

Останавливаюсь, выхожу изъ экипажа, и остаюсь неподвиженъ посреди дороги: передо мною, во всёмъ ея блескѣ, снѣговая линія Кавказскаго хребта, съ неописанно-прекраснымъ Эльбрусомъ.... Нѣтъ, опасенія мои были напрасны: чтенія чужихъ впечатлѣній не испортили во мнѣ новизны и силы моего собственнаго перваго впечатлѣнія при взглядѣ на это чудо природы. Но я не стану его описывать; подъ карандашемъ моимъ являются не описанія, а строки невольнаго лиризма.... Мнѣ кажется, что кто-то встрѣчаетъ меня въ преддверіи Кавказа, кто-то указываетъ мнѣ Божье чудо, торжество высшаго творчества, и обращается ко мнѣ съ восторженной рѣчью:

—«За далёкой степью черной,
Гость Кавказа, посмотри
Какъ бѣлѣетъ гребень горный
И алѣетъ отъ зари!...
То Кавказъ, сто разъ воспѣтый,
Чудо вѣчное для глазъ,
Снѣжной ризою одѣтый,
Кровью политый Кавказъ!«—

И спѣшу я, пораженный,
Чудо взорами обнять,
И спѣшу я, преклоненный,
Передъ чудомъ шапку снять,
И спѣшу я рѣчью скромной
Такъ привѣтствовать его:
Здраствуй ты гигантъ огромный,
Здраствуй Божье торжество!
Здраствуй новый мой хозяинъ,
Здраствуй грозная земля,
Отъ подножья до окраинъ
Дай взглянуть мнѣ на тебя.
Удостой меня пріемомъ,
Я пришелъ издалека,
Гостю будь радушнымъ домомъ,
Скинь покровъ свой—облака,
И, явясь безъ покрывала,
Покажись со всѣхъ сторонъ:
Отъ собрата, отъ Урала
Я принёсъ тебѣ поклонъ»!..

Во имя величія моего впечатлѣнія, опять прошу васъ простить мнѣ порывъ неодолимаго лиризма.

Съ той минуты, когда сложились и пропѣлись въ душѣ моей эти строфы, когда я возвратился отъ великаго зрѣлища горъ подъ сѣнь моего тарантаса,—я пересталъ быть способенъ къ наблюденіямъ и описаніямъ. Я весь обратился въ созерцаніе красоты снѣжныхъ горъ, которыя то появлялись передо мною, то скрывались отъ меня, смотря по тому, возвышался ли я, или опускался на гористый дорогѣ. Я не могу вамъ описывать ни Пятигорья, которое отдѣльными громадными утёсами всё близилось и близилось, и какъ-бы

шло ко мнѣ на встрѣчу, ни тѣхъ думъ, какія были навѣяны на меня зрѣлищемъ снѣговой цѣпи.

— «Отчего-это такъ нравятся эти безжизненныя снѣжныя громады?»— Спросилъ я у моего, также не хладнокровнаго, спутника.

— «Должно быть отъ того, что это рѣдкость и новизна».... Отвѣчалъ мнѣ мой спутникъ.

Какая охладительная истина! А я ужь доискивался въ душѣ своей тѣхъ первообразовъ красоты, тѣхъ «врожденныхъ идей», которыя должны были, по моему предположенію, совпадать съ непонятной красотой горнаго вида, и тѣмъ производить во мнѣ ощущеніе удовольствія....

Рѣдкость и новизна! Да, это большіе враги нѣкоторымъ психологическимъ и эстетическимъ гипотезамъ!...

ПИСЬМО 11.

ПЯТИГОРСКЪ.

....Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный. На западъ пятиглавый Бэшту синѣетъ, какъ «послѣдняя туча разсѣянной бури.»—На сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка и закрываетъ всю эту часть небосклона. На востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа, а тамъ, дальше, амѳитеатромъ громоздятся горы, всё синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двуглавомъ Эльборусомъ.—

Лермонтовъ. (Герой нашего времени).

Пятигорье. Машукъ съ восточной стороны. Догадки о процессѣ образованія въ горахъ минеральныхъ ключей. Планъ замѣтокъ о Пятигорскѣ. Докторъ, квартира и бульваръ. Мѣстные и пріѣзжіе *сноббсы*. Грушницкіе черезъ пятнадцать лѣтъ службы. Туристы. Елисаветинская галлерея. Видъ на горы. Нравы и обычаи пьющихъ воду. Сѣрные ключи и Галлереи. Надпись на чугунной доскѣ. Троицынъ день и розы. Первый балъ въ Благородномъ Собраніи. Военный sac-paleiot. Ловля жениховъ и разочарованный Прапорщикъ. Порядокъ дня и первое появленіе скуки.

2-е іюня. Пятигорскъ.

Отъ послѣдней станціи до Пятигорска надобно ѣхать 35 верстъ, слѣдовательно около четырехъ часовъ. Цѣпь снѣговыхъ горъ давно скрылась гдѣ-то на лѣво;

во всю дорогу передо мною чернѣлись пять громадъ Пятигорья, и, казалось, онѣ были такъ близки, какъ будто до нихъ не болѣе получаса ходьбы, — но это оптическій обманъ: я уже сказалъ вамъ, что до Пятигорска надо ѣхать четыре часа. Дорога извилиста, и по мѣрѣ того, какъ мой экипажъ поворачивался вправо или влѣво, передомною являлись поочередно, и по нѣскольку разъ, Ослиная или Верблюжья гора, Лысая, Змѣиная, Бэшту и Машукъ. Эта послѣдняя была дальше другихъ, и къ ней направлялся экипажъ мой, потому что у ея подножія разстилается Пятигорскъ, изъ ея нѣдръ вытекаютъ сѣрные цѣлебные ключи. Проѣзжая вдоль восточной окраины Машука, я имѣлъ время разсматривать этотъ огромный резервуаръ горячихъ минеральныхъ водъ, или припоминать разныя теоріи образованія въ горахъ минеральныхъ источниковъ... Бѣловатыя, кое гдѣ осыпающіяся шиферныя и известковыя напластованія Машука, заставили меня сравнить эту гору съ гигантской печью, когда-то раскаленной подземнымъ огнемъ, и до сихъ поръ сохраняющей свой внутренній жаръ, сообщающійся водамъ, въ ней содержащимся. Но сравненіе это «болѣе остроумно, чѣмъ основательно», какъ говаривалъ одинъ изъ профессоровъ, котораго мы слушали когда-то въ лицейской аудиторіи. Оно неосновательно потому, что невозможно допустить, чтобы гора была вмѣстилищемъ всей массы воды истекающей въ такомъ огромномъ количествѣ, въ продолженіе вѣковъ.. Еслибы Машукъ былъ въ сто разъ громаднѣе, то и тогда онъ не могъ бы за одинъ разъ вмѣстить въ нѣдрахъ своихъ столько воды, сколько

ея вытекаетъ въ одинъ годъ, и кромѣ того, вся эта горная масса растаяла-бы, такъ сказать, отъ постепеннаго отдѣленія изъ нея малѣйшихъ минеральныхъ частицъ, которыми постоянно насыщаются цѣлебные источники. Чтобы успокоить пытливое воображеніе, теряющееся въ догадкахъ о происхожденіи и вѣковомъ повтореніи этого чуднаго явленія природы, надобно обратиться къ неменѣе чудному его истолкованію посредствомъ таинственныхъ электрогалваническихъ процессовъ, совершающихся въ нѣдрахъ горы, которую надобно уподобить исполинскому галваническому снаряду. Эта теорія принята учеными, и вы можете найдти ее въ подробнѣйшемъ развитіи у профессоровъ: Нелюбина, Савенко, у доктора Нордманна, и другихъ, занимавшихся геологическими изслѣдованіями образованія минеральныхъ ключей Кавказа.

Я пишу эти замѣтки въ номерѣ прекрасной здѣшней гостинницы, гдѣ я остановился въ ожиданіи пріисканія квартиры поближе къ минеральнымъ ключамъ и ваннамъ, которыми буду пользоваться.

Пребываніе мое здѣсь будетъ продолжительно, и потому я не буду спѣшить описывать вамъ пятигорскія достопримѣчательности въ одной общей картинѣ. Для меня будетъ гораздо удобнѣе, а для васъ, можетъ быть, интереснѣе, если я приму другую систему, т. е. если, въ формѣ дневника, буду постоянно отмѣчать все, что́ мнѣ покажется здѣсь занимательнымъ и, по мѣрѣ того, какъ будетъ обогащаться дневникъ мой, стану дѣлить его на письма, чтобы еженедѣльно отсылать къ вамъ что нибудь по почтѣ.

3-е іюня вечеромъ.

Сегодня я успѣлъ сдѣлать три необходимыя вещи: пригласилъ врача, съ которымъ потолковалъ о предполагаемомъ курсѣ леченія; нанялъ себѣ квартиру и былъ на бульварѣ. Ученый врачъ предписалъ мнѣ систему строгаго воздержанія, Елисаветинскій ключъ для ежедневнаго питья, и Сабанеевскую ванну въ 28 градусовъ, для купанья. Квартира моя на бульварѣ; съ балкона и изъ оконъ видны Машукъ, остроглавый Бэшту, и прекрасныя зданія Михайловской и Елисаветинской галлерей. На бульварѣ встрѣтилъ я нѣсколько *водяныхъ* типовъ и нѣсколько мѣстныхъ кавказскихъ или пріѣзжихъ *снобсовъ* обоего пола. На скамьяхъ сидятъ въ широкополыхъ шляпахъ старики, одержимые одышкой или параличемъ. По бульвару бодро ходятъ кавказскіе герои съ черными перевязями на рукахъ или съ кизиловыми костылями въ рукахъ. Я отыскивалъ взоромъ какого нибудь Грушницкаго, но тщетно. Вѣроятно, съ тѣхъ поръ, какъ Лермонтовъ похоронилъ своего, послѣ неудачной дуэли съ Печоринымъ,—Грушницкихъ надобно отыскивать не подъ солдатской шинелью, а подъ густыми эполетами. Съ тѣхъ поръ они успѣли уже дослужиться до чиновъ; въ пятнадцать лѣтъ какъ не дослужиться!..

Тутъ же, по бульвару бѣгаютъ рѣзвыя дѣвицы, очевидно мѣстныя невѣсты. Пріѣзжія дамы прогуливаются гораздо медленнѣе. Мнѣ показали одну, очень интересную, которая, будто-бы, выдаетъ себя здѣсь за вдову, и прячетъ живаго своего мужа отъ взоровъ публики.

Но вѣроятно это одна изъ тѣхъ сплетень, которыхъ нигдѣ не расходится въ такомъ количествѣ, какъ на водахъ. Проходя мимо одной группы, я слышалъ интересный отрывокъ разговора на французскомъ языкѣ. Разслышанную мною фразу произнесъ одинъ изъ выслужившихся Грушницкихъ, живописно изгибаясь передъ своими слушательницами: «Oui, jamais, mais pas toujours....»

Вотъ вамъ образчикъ кавказской снобби́чности. Изъ заѣзжихъ снобб́совъ замѣчательны туристы и собиратели впечатлѣній: у нихъ великолѣпные плащи съ бурнусами, толстыя палки, и одного изъ нихъ я сегодня поутру встрѣтилъ съ объёмистымъ альбомомъ въ живописной позѣ на скамьѣ бульвара: онъ всенародно записывалъ серебрянымъ карандашемъ свои путевыя сенсаціи.

Для чего, друзья мои, ваша столица высылаетъ сюда своихъ снобб́совъ? Предъ ними какъ-то блѣднѣютъ мѣстные, а это очень жаль, потому что картина теряетъ свою оригинальность, свою localité, couleur locale! . .

4-е іюня.

Сегодня началось мое леченіе. Въ пять часовъ утра вышелъ я изъ дома со стаканомъ, обвязаннымъ длинной тесьмою и, повернувъ по бульвару на право, сталъ подниматься въ гору къ Елисаветинской галлереѣ. Въ то время когда Лермонтовъ описывалъ встрѣчу Грушницкаго и Печорина съ княжной Мери у Елисаветин-

скаго ключа,—мѣсто ихъ встрѣчи далеко не было такъ великолѣпно обстроено, какъ теперь. Тогда вокругъ колодца была простая деревянная галлерея съ красной крышей. Теперь галлерея каменная, сложенная изъ большихъ желтоватыхъ плитъ, съ широкими аркадами оконъ, съ каменной лѣстницей, сбѣгающей отъ галлереи внизъ къ бульвару, по прекрасному англійскому садику, гдѣ увидите вы нѣсколько древнихъ изваяній, найденныхъ въ окрестностяхъ Пятигорска, и тиръ или галлерею для стрѣльбы въ цѣль изъ пистолетовъ. Елисаветинская галлерея выстроена на вершинѣ подково-образной долины, образуемой Машукомъ и его отраслями, и застроенной городомъ; поэтому видъ, открывающійся изъ галлереи на городъ, на долину рѣки Подкумка, на черныя горы и на серебряную цѣпь Кавказскихъ вершинъ, увѣнчанныхъ Эльборусомъ,—этотъ видъ—необозримъ, и невыразимо прекрасенъ. Можно ли соединить въ одной точкѣ столько отрадныхъ условій для дѣйствительно-больнаго, сколько соединено ихъ здѣсь, въ галлереѣ Елисаветинскаго источника! Гдѣ болѣе можно развлечь и успокоить больнаго посѣтителя галлереи, какъ не здѣсь, посреди этого свѣжаго, крѣпительнаго воздуха, передъ этой великолѣпнѣйшей въ мірѣ панорамой, подъ этимъ синимъ небомъ, при звукахъ этой прекрасной полковой музыки, которая неподалёку наигрываетъ знакомые вамъ мотивы?

Въ галлереѣ я нашелъ до шестидесяти человѣкъ прогуливающихся. Всѣ одѣты довольно изысканно, и я встрѣтилъ одного господина въ бѣломъ жилетѣ, бѣломъ галстухѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Мѣстные остряки

сравнивали его съ бѣлымъ Эльборусомъ, который видѣнъ отсюда весь, во всемъ блескѣ утренняго освѣщенія, во всемъ величіи своей незапятнанной бѣлой одежды..... Нельзя оторвать глазъ отъ зрѣлища горъ и ближней долины, пестрѣющей движеніемъ оживленнаго городка.

Двадцать-два градуса — это постоянная температура воды въ елисаветинскихъ колодцахъ. Вода вкусна, проникнута газомъ, прозрачна, какъ горный хрусталь, и весьма слабо отзывается сѣрой. Больные пьютъ ее черезъ каждые четверть часа, или черезъ десять минутъ, и пьютъ по восьми или даже двѣнадцати стакановъ въ утро. На первый разъ мнѣ предстояло выпить только два стакана, при чемъ и я послѣдовалъ общему примѣру: изъ каждаго зачерпнутаго стакана выпивалъ только половину, то-есть пилъ, пока изъ стакана еще не успѣвалъ испаряться углекислый газъ, и потомъ, другую половину стакана, выпивалъ изъ вновь зачерпнутаго. Надо удивляться проворству и неутомимости солдата, приставленнаго къ колодцу для зачерпыванія больнымъ воды. Я расчиталъ, что если, среднимъ числомъ, всѣ больные выпиваютъ только по восьми стакановъ, зачерпывая каждый по два раза, то стражъ колодца долженъ въ теченіе утра нагнуться и зачерпнуть воды 960 разъ. То же самое ему предстоитъ повторить и послѣ обѣда.

Окончивъ первый сеансъ водолеченія, осматривалъ я другія галлереи и источники Пятигорска, расположенные на южномъ склонѣ Машука. Ихъ много: Александровскій, Александро-Николаевскій, Сабанѣевскій,

Варваціевскій, или Маріинскій, Елисаветинскій, Михайловскій, Константиновскій и другіе, безъименные . . . . Лучшія галлереи и ванны: Николаевская, Елисаветинская, Ермоловская, Михайловская, Александро-Николаевская и Сабанѣевская. Впрочемъ, всѣ онѣ деревянныя, кромѣ великолѣпной Николаевской и Елисаветинской. Великолѣпенъ видъ отъ Сабанѣевскихъ ваннъ на Горячеводскую долину. Горячеводское селеніе, въ страшной глубинѣ, разстилается правильнымъ квадратомъ, съ прямыми улицами, уподобляющими его огромной шахматной доскѣ.... Далѣе—уступы Черныхъ горъ....

Всѣ источники Машука — различной температуры, различнаго минеральнаго содержанія и находятся на различныхъ высотахъ. Чѣмъ выше, тѣмъ горячѣе. Самый верхній, Александровскій или Ермоловскій ключъ постоянно нагрѣтъ до 35 градусовъ. Цѣльныя ванны изъ его воды почти невыносимы для тѣла и употребляются только въ важныхъ и застарѣлыхъ недугахъ. Въ ермоловской галлереѣ нашелъ я чугунную доску значительной величины, съ слѣдующей надписью:

Въ
Царствованіе
Всероссійскаго Императора
НИКОЛАЯ I-го,
стоялъ здѣсь лагеремъ
съ 8 по 11 іюля, 1829 года,
Командующій
на Кавказской Линіи
Генералъ отъ Кавалеріи
Георгій Эмануель.

—

При немъ находились:
сынъ его Георгій, 14 лѣтъ.
Посланные Россійскимъ Правительствомъ
Академики:
Купферъ, Ленцъ, Менетріе и Мейеръ.
Также:
Чиновникъ Горнаго Корпуса Вансовичъ.
Минеральныхъ водъ Архитекторъ Іос. Бернардацци
и
Венгерскій путешественникъ Бессе.

—

Академики и Бернардацци, оставивъ лагерь, расположенный въ 8000 футахъ (т. е. 1143 саженяхъ) выше морской поверхности, всходили 10 числа на Эльборусъ до 15,700 (2243 саженей) вершины-же онаго: 16330 футовъ (2333 саженей) достигъ только Кабардинецъ Хиларъ.

—

Пусть сей скромный камень передастъ потомству имена тѣхъ, кои первые проложили путь къ достиженію понынѣ почитаемаго неприступнымъ
Эльбруса!
отлито въ Луганскомъ заводѣ въ 1829 годѣ.

—

Неизвѣстно, какимъ образомъ попалъ сюда этотъ памятникъ, долженствовавшій быть гдѣ-нибудь вблизи Эльбруса , который отъ Пятигорска отстоитъ еще на 150 верстъ. Замѣчательно, что на чугунной доскѣ высота Эльбруса показана въ 16,330 футовъ, тогда-какъ по новѣйшимъ показаніямъ восточная высота его имѣетъ

18,453 фута, а за западная 18,524 фута надъ поверхностію моря.

7 іюня. Утро.

Здѣсь пропасть розъ. За копѣйку можно купить прекраснѣйшій букетъ. Сегодня Троицынъ день, и не только въ церкви, но даже на дрожкахъ и шляпахъ извощиковъ букеты и гирлянды изъ розъ. Вечеромъ назначенъ первый балъ въ Собраніи.

Вечеръ.

На бульварѣ было много посѣтителей. Дамы и дѣвицы были легко одѣты, и въ девять часовъ, прямо съ бульвара, перешли въ танцовальную залу Собранія. Нельзя не похвалить этой «водяной» простоты туалета и увеселенія, которое вездѣ сопряжено съ тысячью ненужныхъ и раззорительныхъ приготовленій. Зала Собранія не велика; по бокамъ ея комнаты для дамъ и для играющихъ въ карты. Мущины танцуютъ въ сюртукахъ. Вообще здѣсь большая свобода даже въ военномъ костюмѣ. Только по праздникамъ показываются эполеты, и здѣсь кстати съ похвалою замѣтить объ особенномъ, чрезвычайно-удобномъ костюмѣ кавказскихъ офицеровъ: это что-то въ родѣ нашихъ sacs-paletots, съ стоячимъ воротникомъ и двойнымъ рядомъ форменныхъ пуговицъ на переди,— надѣвается сверху сюртука и имѣетъ большое преимущество передъ шинелью....

Возвращаясь къ первому здѣшнему балу, надо замѣтить, что участвующихъ въ немъ было немного. Большею частію пятигорскія обитательницы оживляли балъ.

Вообще, въ послѣдніе года, пріѣзжихъ дѣвицъ мало бываетъ на водахъ. Во времена печоринскія пріѣзжали попечительныя маменьки съ дочками-невѣстами для ловли жениховъ, кавказскихъ героевъ, штабъ-офицеровъ и даже молодыхъ генераловъ. Нынче съ этой цѣлію сюда не ѣздятъ, или ѣздятъ немногія, и не совсѣмъ удачно: ловля жениховъ стала неуспѣшна; на водахъ завелись господа, которые, какъ маклеры на биржѣ, знаютъ всю подноготную пріѣзжихъ и мѣстныхъ невѣстъ, и по пальцамъ высчитываютъ вамъ ихъ движимое и недвижимое. Нынче плохо ловятся даже самые юные женихи въ Пятигорскѣ. Если, съ одной стороны, постарѣли простодушные Грушницкіе, то, съ другой стороны, духъ печоринскаго скептицизма вселился въ самыхъ безбородыхъ прапорщиковъ. Я самъ былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены въ елисаветинской галлереѣ: между одинокими, блѣдными и зѣвающими лицами пьющихъ воду, съ отрадою встрѣтилъ я группу, чрезвычайно одушевленную, полную жизни и здоровья. Это былъ юный, розовый двадцатилѣтній воинъ и съ нимъ двѣ цвѣтущихъ здоровьемъ молоденькихъ дѣвушки. Они мало заботились о водѣ и, оживленнымъ своимъ разговоромъ вполголоса, составляли пріятный контрастъ съ остальной публикой галлереи. Я готовъ былъ побиться объ закладъ, что это влюбленные; какъ вдругъ, при одномъ поворотѣ около столбовъ галлереи, вижу я моего юнаго героя идущаго прочь отъ оставленныхъ имъ на диванѣ дѣвицъ; онъ лѣниво подходилъ къ какому-то, не менѣе юному, своему товарищу.

— Ну, что? спросилъ тотъ, не двигаясь съ мѣста.

— Скука! отвѣчалъ мой герой, и протяжная зѣвота изгладила на розовомъ лицѣ его слѣды непритворнаго одушевленія, бывшаго на немъ за минуту. Между тѣмъ двѣ собесѣдницы моего героя были въ самомъ дѣлѣ прехорошенькія дѣвочки. Чего-же еще надобно нынѣшнимъ юношамъ, чтобы не зѣвать отъ скуки?...

9 іюня.

Здѣсь всѣ спѣшатъ окончить до 10-ти часовъ утра ежедневную операцію водолеченія, то-есть питье воды и купанье въ ваннахъ. Съ десяти часовъ начинается зной и всѣ сидятъ дома до седьмаго часа вечера. Въ это время между бульваромъ и николаевской галлереей раздается музыка и публика выходитъ въ аллею бульвара. Въ восемь часовъ нѣкоторые отправляются въ театръ, гдѣ отличаются таланты ставропольской труппы. Такъ мирно проходятъ дни, но кажется, что къ разслабляющему дѣйствію сѣрныхъ водъ уже начинаетъ прибавляться неменѣе разслабляющее дѣйствіе однообразія и скуки, и публика, недавно восхищавшаяся Пятигорскомъ, — уже начинаетъ бранить его, жаловаться на зной и пыль *города* и мечтать объ уединенныхъ пріютахъ Кисловодска и Желѣзноводска. Въ самомъ дѣлѣ, въ Пятигорскѣ дѣлается душно. Днемъ ни куда нельзя выйти отъ зноя, а вечеромъ къ городской пыли примѣшивается непріятный ароматъ сѣрныхъ ключей, спускаемыхъ на ночь. Мнѣ хотѣлось бы видѣть здѣшнюю грозу, хотѣлось бы, чтобы порядочнымъ ливнемъ освѣжился воздухъ, спертый въ долинѣ Машука.... Здѣшніе метеорологи предсказываютъ бурю, и вѣроятно въ слѣдующемъ письмѣ придется мнѣ вамъ ее описывать.

ПИСЬМО 12.

ЖЕЛѢЗНОВОДСКЪ, КИСЛОВОДСКЪ И СНОВА ПЯТИГОРСКЪ.

. . . . Весело жить въ такой землѣ. . . .

(Лермонтовъ.)

Омнибусы для сообщеній съ Кисловодскомъ и Желѣзноводскомъ. Поѣздка въ омнибусѣ, разговоры и виды по сторонамъ дороги. Ессентуки. Кисловодскъ и галлерея Нардзанъ. Вліяніе *богатырской воды*. Прежній и нынѣшній Нардзанъ. Возвращеніе въ Пятигорскъ и русскій джигитъ. Дорога въ Желѣзноводокъ. Воспоминанія о Лермонтовѣ. Гдѣ его могила и гдѣ ей слѣдовало бы быть. Аулъ Карасъ или Шотландская колонія. Ея исторія. Живописная мѣстность Желѣзноводска; паркъ; воспоминаніе о петербургскихъ дачахъ. Гроза въ горахъ и возвращеніе въ Пятигорскъ.

12 іюня.

Послѣднее письмо свое заключилъ я, кажется, обѣщаніемъ разсказать вамъ о здѣшней грозѣ. Помню обѣщаніе, но откладываю исполненіе его до конца настоящаго письма, чтобы не отступать отъ принятаго порядка. Конецъ 9-го и все 10-ое число издержалъ я на поѣздки въ Кисловодскъ, за 30 верстъ отсюда, и въ Желѣзноводскъ, за 14 верстъ. Кромѣ желанія поскорѣе увидѣть знаменитый *богатырскій* ключъ, или ключъ Нардзана, мнѣ хотѣлось заблаговременно обезпечить себя наймомъ квартиръ въ Кисловодскѣ и Желѣзноводскѣ, гдѣ, по приказанію моего почтеннаго врача, я долженъ буду по-очередно жить, послѣ шестинедѣльнаго курса на сѣрныхъ водахъ пятигорскихъ.

Съ нынѣшняго года въ Кисловодскъ и Желѣзноводскъ ходятъ омнибусы. Замѣчателенъ омнибусъ, отправляющійся въ Кисловодскъ. Это что-то въ родѣ круглой комнаты, съ круглымъ столомъ посрединѣ, съ лавочками около краевъ и съ навѣсомъ на верху. Кузовъ замысловатаго экипажа напоминаетъ собою половину дыни, у которой другая, верхняя половина, срѣзана. Но сидѣть въ немъ удобно и общество изъ десяти человѣкъ, не слишкомъ тѣсня другъ-друга, можетъ пріятно провести время переѣзда въ общемъ разговорѣ. Отправляется омнибусъ ежедневно въ 8 часовъ утра, возвращается въ 6 часовъ вечера. Было свѣжее, розовое утро, когда я отправился въ Кисловодскъ въ вышеописанномъ омнибусѣ. Со мной сидѣлъ полный комплектъ пассажировъ, то-есть насъ было десятеро. Всѣ мы были больные. Разговаривали о болѣзняхъ, о дѣйствіи водъ, о вчерашнемъ дождѣ, о послѣднемъ балѣ. Справа передъ нами возвышался остроглавый Бэшту съ своими пятью отраслями, какъ исполинскій храмъ о пяти куполахъ. Слѣва, вдали, блестѣлъ снѣговой гребень кавказской цѣпи,—и Эльбрусъ окутывалъ себя до половины разноцвѣтными облаками. Кто-то по этому случаю замѣтилъ, что къ вечеру въ Пятигорскѣ будетъ гроза. Это было почти невѣроятно: воздухъ надъ удаляющимся Пятигорскомъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, небо такъ безоблачно, что на Машукѣ можно было въ пяти верстахъ разсмотрѣть бѣлый каменный крестъ. Дилижансъ нашъ дѣлалъ по десяти верстъ въ часъ. Кондукторъ трубилъ въ трубу при встрѣчахъ съ татарскими двухъ-колесными арбами, или проѣзжая мимо карауль-

ныхъ вышекъ, стоящихъ одна отъ другой въ двухъ-трехъ-верстномъ разстояніи: предосторожность необходимая, потому-что до сихъ поръ случаются изрѣдка печальныя происшествія, доказывающія, что мирные ближніе аулы не прочь отъ разбойничьихъ проказъ, только-бы исподтишка и въ тихомолку. Собесѣдники мои разсказываютъ другъ-другу разные случаи хищническихъ нападеній. Одинъ указываетъ мѣсто, гдѣ въ прошедшемъ году была похищена изъ своей кареты какая-то дама, другой прибавляетъ, что съ мѣсяцъ тому назадъ вонъ-тамъ зарѣзали двухъ бабъ съ грудными ребятами. Слушательницы внимаютъ съ ужасомъ, нѣкоторыя крестятся.

Мы благополучно миновали Ессентуки, хорошенькое, но пустынное селеньице, знаменитое по своимъ щелочнымъ источникамъ. Двѣ пассажирки и одинъ господинъ вышли изъ омнибуса и отправились въ селеніе съ узелками въ рукахъ.

Вблизи Кисловодска прохладнѣе. Оттого-ли, что мѣсто здѣсь возвышеннѣе, или отъ того, что въ окрестностяхъ болѣе лѣсу, только дѣйствительно здѣсь гораздо свѣжѣе, чѣмъ въ Пятигорскѣ, который слишкомъ похожъ на городъ, слишкомъ много имѣетъ городскихъ элементовъ, то-есть пыли, духоты, тѣсноты.... Если Пятигорскъ можно назвать маленькимъ городомъ, то Кисловодскъ имѣетъ право на титулъ большаго селенія. Хорошенькія дачки, густой паркъ, сдѣланный, кажется, изъ первобытнаго лѣса. Тутъ же, около самаго парка, галлерея Нардзана, еще не оконченная, но уже гигантская, и архитектурой своей напоминающая

грандіозныя англійскія постройки XVI и XVII вѣковъ, эти вѣковѣчныя аббатства и дворцы, рисунками которыхъ щеголяютъ англійскіе кипсеки. Больныхъ посѣтителей еще нѣтъ въ Кисловодскѣ. До конца іюля всѣ будутъ еще въ Пятигорскѣ, Ессентукахъ или Желѣзноводскѣ. Тамъ разрѣшаются, ослабляются, изгоняются болѣзни страждущихъ, — сюда же пріѣзжаютъ больные освѣжаться, укрѣпляться, набираться энергіи. По этому-то справедливо замѣчаніе кавказскаго поэта, что всѣ волокитства, начавшіяся въ Пятигорскѣ, оканчиваются въ Кисловодскѣ женидьбами.

Я выпилъ только три стакана богатырской воды, и мнѣ, не шутя, показалось, что я съ удовольствіемъ сѣлъ-бы на боеваго коня и обнажилъ бы шашку противъ любаго Казп-Муллы или Гаджи-Мурата.... Что жъ мудренаго почувствовать храбрость на женидьбу тѣмъ, кто пьетъ нардзанскія струи ежедневно, и не по три, а по тринадцати стакановъ! Удивительно вліяніе воды, или, можетъ быть, воображенія!....

Нардзанъ заключенъ въ мраморный бассейнъ. Струя источника бьетъ широко и высоко вверхъ, кипя и наполняя окрестную атмосферу иглами углекислаго газа. Вкусъ воды необыкновенно пріятенъ. Температура, кажется, 11 градусовъ .... Говорятъ, что Нардзанъ, до постройки надъ нимъ великолѣпной галлереи, выбѣгалъ изъ земли съ сильнѣйшимъ стремленіемъ и даже заключалъ въ себѣ болѣе минеральныхъ частей и газа. Такую перемѣну относятъ къ огромной тяжести галлереи и давленію ея на тѣ подземные гальваническіе

снаряды, которые даютъ жизнь источнику въ нѣдрахъ невидимой горной лабораторіи.

Я нанялъ себѣ хорошенькій домикъ въ самомъ паркѣ, пообѣдалъ, какъ больной, въ кисловодской гостинницѣ и, отложивъ подробнѣйшее знакомство съ Кисловодскомъ до того времени, когда сдѣлаюсь его постояннымъ (трехнедѣльнымъ) жителемъ, къ восьми часамъ вечера возвратился въ томъ же омнибусѣ въ Пятигорскъ. На бульварѣ играла еще музыка, а толпы гуляющихъ съ любопытствомъ смотрѣли на скачку или джигитовку нѣсколькихъ кабардинцевъ изъ мирныхъ ауловъ. Три или четыре оборванца скакали вдоль площадки передъ николаевской галлереей, били нагайками своихъ тощихъ клячь, нагибались до земли, и на-скаку поднимали нагайки, шапки или рубли, бросаемые щедрыми зрителями. Ко всеобщему изумленію, болѣе другихъ отличился при этомъ случаѣ не кабардинецъ, а русскій биржевой извозчикъ, который пріѣхалъ-было на своихъ парныхъ дрожкахъ посмотрѣть на джигитовку, смотрѣлъ, смотрѣлъ, да и не вытерпѣлъ: отпрегъ пристяжную и перещеголялъ природныхъ джигитовъ.

Вечеръ въ Пятигорскѣ былъ прекрасный, не смотря на предсказанія моего попутчика и сосѣда по омнибусу. За то ночью была сильная гроза и ливень. На другой день, въ пять часовъ утра уже не было и слѣдовъ ночной бури. На бульварѣ было почти сухо, солнце свѣтило и грѣло, и небо надъ елисаветинской галлереей было по прежнему безоблачно.

Въ этотъ же день, то-есть 10 числа, побывавъ на минеральномъ водопоѣ и выкупавшись въ сабанѣевской

купальнѣ, я отправился въ Желѣзноводскъ, но уже не въ омнибусѣ, а на дрожкахъ, запряженныхъ тройкой извозчичьихъ лошадей. Такая ѣзда гораздо свободнѣе, хотя нѣсколько и дороже.

Желѣзноводское селеніе гнѣздится въ ущельи между огромнымъ Бэшту и лѣсистой Желѣзной горою. Дорога къ Желѣзноводску гораздо живописнѣе кисловодской. Вся она идетъ по долинѣ между высотами Машука, Лысой, Змѣиной и Бэштовой горы (какъ здѣсь величаютъ Бэшту). Долина эта то лѣсиста, то покрыта плантаціями или пажитями, принадлежащими шотландской колоніи, которая лежитъ тутъ на перепутьи.... На пути до колоніи невозможно не вспомнить снова о Лермонтовѣ; здѣсь, между кустами терна и кизила, возлѣ быстраго ручья, помѣстилъ онъ одну изъ самыхъ живыхъ сценъ своего романа: прогулку княжны Мери, верхомъ, въ сопровожденіи счастливца Грушницкаго и испугъ ея при видѣ Печорина, выѣхавшаго изъ-за кустовъ, въ черкесскомъ костюмѣ.... Здѣсь-же, вправо отъ дороги, у западнаго склона Машука, самъ Лермонтовъ погибъ жертвою безобразнаго анахронизма нашего вѣка. Точное мѣсто смерти нашего поэта—ничѣмъ еще не отмѣчено, и только, живое еще въ Пятигорскѣ, преданіе указываетъ его приблизительно. На городскомъ кладбищѣ, гдѣ былъ погребенъ и цѣлый годъ оставался прахъ Лермонтова (въ послѣдствіи, по ходатайству родныхъ, онъ перевезенъ во внутреннюю Россію), я не нашелъ ни надгробнаго камня, ни другаго какого-нибудь признака его могилы. Извозчики указываютъ только домъ, въ которомъ жилъ поэтъ и куда

былъ привезенъ прахъ его послѣ поединка. О самомъ поединкѣ существуетъ въ памяти пятигорскихъ старожиловъ три или четыре совершенно-различныхъ повѣствованія. Понятно и трогательно желаніе родныхъ не оставлять на чужбинѣ, но похоронить на родной землѣ прахъ милаго и близкаго имъ человѣка.... Но, мнѣ кажется, поэту Кавказа, такъ любившему эти горы, посреди которыхъ возрастало и зрѣло его творчество, посреди которыхъ вылетѣло послѣднее дыханіе изъ груди его, — лучше, отраднѣе было-бы покоиться подъ сѣнью воспѣтыхъ имъ вершинъ, въ нѣдрахъ любимой имъ природы!...

Но возвратимся на живописную дорогу къ Желѣзноводску. Мы подъѣзжаемъ къ Шотландской колоніи, или *колонкѣ*, и потому я долженъ разсказать вамъ ея исторію, пояснить, какимъ образомъ въ эти кабардинскія горы попали валтерскоттовы единоплеменники, и какъ они поживаютъ здѣсь на чужой сторонѣ. Прежде всего надо вамъ сказать, что въ шотландской колоніи нѣтъ уже ни одного Шотландца.... Давно уже всѣ они возвратились въ свое отечество, а мѣсто ихъ въ колоніи занято Нѣмцами изъ колоній, разсѣянныхъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ. До начала нынѣшняго столѣтія на мѣстѣ шотландской колоніи находился мирный аулъ Карасъ. Въ 1802 году дозволено было пяти или шести семействамъ шотландскихъ миссіонеровъ отправиться для проповѣданія Евангелія въ Закавказье. Во главѣ миссіи былъ нѣкто Патерсонъ. Они прибыли въ главную квартиру тогдашняго главнокомандующаго на Кавказѣ, генерала Циціанова, и просили у него конвоя

для переѣзда ихъ къ персидской границѣ. Но въ этомъ отказалъ имъ Циціановъ по случаю бывшихъ тогда смутъ, и указалъ имъ мѣсто въ Карасѣ, для пережданія безпорядковъ тогдашней военной грозы.

Миссіонеры поселились между горцами. Патерсонъ излечилъ нѣкоторыхъ жителей аула отъ чумы, нѣкоторыхъ обратилъ въ христіанство и, совершенно снискавъ расположеніе горцевъ, избралъ Карасъ точкой исхода для своей миссіи. Впослѣдствіи этотъ ревностный миссіонеръ, безъ конвоя и даже безъ оружія, обошелъ всѣ горы Дагестана, Кабарды, Чечни и Абхазіи. Вскорѣ съ Шотландцами случилось несчастіе: одинъ изъ нихъ перекрестилъ въ Грузіи какого-то Армянина. Это возмутило Армянскаго Патріарха и все ихъ духовное начальство; оно обратилось въ Святѣйшій Сvнодъ, и миссіонеры должны были возвратиться на родину. Патерсону же было подарено правительствомъ до 1000 десятинъ земли около Пятигорска, и почтенный священнослужитель остался въ Карасѣ, названномъ съ тѣхъ поръ Шотландской колоніей. Здѣсь ревностный евангелическій проповѣдникъ выстроилъ церковь, завелъ типографію для печатанія Ветхаго и Новаго Завѣта на персидскомъ, турецкомъ и татарскомъ языкахъ, выписывалъ фруктовыя деревья и насаждалъ сады, однимъ словомъ, былъ основателемъ благосостоянія колоніи, которая вскорѣ заселилась Нѣмцами изъ Касселя, изъ Пруссіи и изъ колоній, существующихъ въ Россіи. Въ настоящее время колонія богата великолѣпными фруктовыми садами; колонисты занимаются земледѣліемъ, сѣютъ табакъ и снабжаютъ Пятигорскъ,

Желѣзноводскъ и даже Кисловодскъ овощами, молокомъ, масломъ и прочими жизненными припасами. Типографія уничтожилась со смертью основателя ея и колоніи, почтеннаго Патерсона. Церковь выстроена новая, каменная, и изъ Шотландцевъ остался въ колоніи только одинъ старикъ машинистъ, да еще сынъ Патерсона, всѣми уважаемый, опытный и пользующійся наибольшимъ довѣріемъ и расположеніемъ больныхъ, пятигорскій врачъ, докторъ медицины и коллежскій совѣтникъ А. А. Патерсонъ, изъ разсказа котораго я и заимствую, съ его позволенія, настоящую исторію Караса, или шотландской колоніи, прося извинить меня, если я невольно сдѣлалъ въ разсказѣ какія-нибудь неправильности. Интересенъ еще слѣдующій фактъ: Шотландскими миссіонерами было куплено у горцевъ до 30 мальчиковъ; всѣ они были воспитаны въ христіанской вѣрѣ, научены разнымъ мастерствамъ, разсѣялись по разнымъ странамъ Россіи, но ни одинъ не возвратился въ горы. Одинъ изъ нихъ, до сихъ поръ, живетъ въ колоніи съ Нѣмцами, и не говоритъ иначе, какъ по-нѣмецки.

Колонисты здѣшніе живутъ посреди горскихъ ауловъ, и любопытенъ контрастъ въ образѣ ихъ и горской жизни. Нѣмцы цѣлый день заняты, цѣлый день движутся и что нибудь дѣлаютъ у себя на поляхъ, въ огородахъ или садахъ. Кабардинцы-же цѣлые дни проводятъ въ лежаньи, въ куреньи табаку изъ своихъ маленькихъ трубокъ, и въ намазѣ, или молитвѣ, повторяющейся четыре раза въ сутки....

Но пора намъ и въ Желѣзноводскъ.

Проѣхавъ еще семь верстъ, и миновавъ обнаженную громаду Змѣиной горы, я сталъ приближаться къ зеленѣющей Желѣзной, у подошвы которой уже показывались бѣлыя мазанки селенія. Вотъ и селеніе, чистенькое, веселенькое, образующее одну улицу, за которою широкая площадь съ возвышающейся посрединѣ гостинницей. Здѣсь я отпустилъ на отдыхъ своего извозчика, а самъ пошелъ нанимать себѣ квартиру для будущаго моего помѣщенія. Устроивъ все, что̀ слѣдовало, съ будущей моей хозяйкой, казачьей вдовой, — я обѣдалъ на скамьѣ, подъ великолѣпнымъ деревомъ, противъ калмыцкой ванны, въ виду остроконечнаго Бэшту, и выдвигающихся позади его громадъ самой причудливой формы: это голые, острые утесы, только снизу покрытые лѣсомъ, въ которомъ, говорятъ, много водится кабановъ и сернъ. Послѣ обѣда, я бродилъ по аллеямъ дикаго, но прекраснѣйшаго парка, расположеннаго по отлогости Желѣзной горы. Тутъ, изъ главной аллеи идутъ дороги къ нѣсколькимъ источникамъ, находящимся на разныхъ точкахъ и высотахъ горы. Въ противуположность Пятигорскимъ ключамъ, здѣшніе чѣмъ выше, тѣмъ холоднѣе. Грунтъ около потоковъ красный: это желѣзистыя осадки, или охра.... Въ главной аллеѣ тихо, тёмно отъ густой тѣни деревьевъ, и такъ прохладно, что, кажется, не вышелъ бы изъ этого очаровательнаго пріюта. Отдыхая на скамьѣ, и любуясь живописными гирляндами, которыя образуются изъ виноградныхъ лозъ, переплетенныхъ съ голубыми цвѣтами вьюнковъ, или павилики, и цѣпляющихся за дубы, гортовыя, орѣховыя, и кизиловыя де-

ревья,—я вполнѣ предавался наслажденію отдыха, тишины, прохлады и чистѣйшаго горнаго воздуха, какимъ я не дышалъ ни въ Пятигорскѣ, ни въ Кисловодскѣ и, кажется, нигдѣ въ цѣлой Россіи.... Я вспомнилъ о васъ, друзья мои, о вашихъ Петербургскихъ дачахъ, или подмосковныхъ деревняхъ... и пожалѣлъ васъ... Вотъ здѣсь, у подошвы Бэшту, настоящая дача, настоящій лѣтній пріютъ для усталаго тѣла, для сердца, любящаго природу, и для головы, требующей тишины и пріятнаго уединенія.

Въ такихъ размышленіяхъ на скамьѣ желѣзноводскаго парка, застали меня крупныя дождевыя капли и внезапная, мгновенная тьма.... Я бѣгу изъ аллеи, спѣшу отыскать мой экипажъ, мечтаю доѣхать до Пятигорска прежде грозы, выѣзжаю во всю лошадиную прыть изъ Желѣзноводскаго селенія.... Но поздно! Гроза надо мною, и мнѣ остается только созерцать ея необычайную красоту и величіе. Весь Бэшту, всѣ ближнія вершины Желѣзной, Змѣиной и Лысой горъ — уже облеклись черными тучами.... Неба не видно. Тучи спускаются къ самой дорогѣ и грозятъ покрыть меня собою....

Мрачно и страшно кругомъ,—и вдругъ, надъ Бэшту, молнія разрываетъ тучи, на минуту открываетъ пылающее небо, и поражаетъ окрестность страшнымъ, оглушительнымъ ударомъ грома, который потрясаетъ землю и отъ каждой изъ ближнихъ высотъ отражается многократными откликами эхо. Дождь превращается въ ливень, въ потоки, и закрываетъ собою всю окрестность. Не видно уже ни горъ, ни тучь, ни дороги. Испуганныя мои лошади бѣгутъ, руководствуясь инстинк-

томъ, а не зрѣніемъ. Я закутываюсь въ мой толстый дорожный плащъ... Время ѣзды моей измѣряется только ударами грома и блескомъ молніи.

Но вотъ, проходитъ полчаса, мы миновали колонію и выѣхали въ долину. . . Дождь прекратился также мгновенно, какъ и упалъ съ неба. Позади меня черныя тучи остаются только на самыхъ вершинахъ Бэшту и Змѣиной. Впереди — ясное небо, блестящій отъ дождевыхъ капель лѣсокъ, и надъ Машукомъ, какъ блестящая ореола, стоитъ великолѣпная радуга. . . На Машукѣ облака, а не тучи; онѣ, какъ волнистое стадо бѣлорунныхъ овецъ, сбѣгаютъ съ вершины, вдоль по разщелинамъ горы, ползутъ внизъ къ подошвѣ, и таютъ отъ солнца надъ освѣженнымъ и обмытымъ Пятигорскомъ...

Вотъ вамъ, господа, и обѣщанная мною горная буря. Незнаю, удалось-ли мнѣ дать вамъ приблизительное понятіе о ея силѣ, внезапности и быстротѣ перехода къ ясному ведру...

Возвратясь совершенно мокрымъ въ Пятигорскъ, я долженъ былъ немедленно взять горячую Николаевскую ванну, что̀ совѣтую и вамъ дѣлать въ подобныхъ обстоятельствахъ.

ПИСЬМО 13-е.

ПОСЛЬДНЕЕ ВРЕМЯ ВЪ ПЯТИГОРСКѢ.

Политическія вѣсти. Вѣсть о вертящихся столахъ. Ученая диссертація о нѣмцахъ и черкесахъ. Table d'hôte и разговоры въ собраніи. Облака. Провалъ. Легенда о князѣ, собакѣ и зайцѣ, или разсказъ татарина. Ослы, кабріолеты и восхожденіе на Машукъ. Надписи славолюбивыхъ путешественниковъ. Видъ съ Машука. Горячеводская ярмарка. Опасные друзья — или одолженіе сквозь слёзы. Именины въ Елисаветинской галлереѣ. Аффиша о танцклассѣ. Кабардинскій аулъ: un menu du diner, пляски, музыка, пѣніе, игры и джигитовка кабардинцевъ. Нѣкоторыя древности и ремесла въ Пятигорскѣ.

13 іюня.

Сегодня утромъ я засталъ сильное волненіе въ Елисаветинской галлереѣ. Собирались въ кучки, читали послѣдніе листки Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, размахивали руками, и толковали о неизбѣжности войны съ турками. Молодые герои Кавказской арміи, въ антрактахъ между урочными стаканами сѣрной воды, дѣлали предположенія объ отряженіи по одному баталіону изъ каждаго полка кавказскаго корпуса, и громко изъявляли желаніе попасть въ отрядъ, который, по ихъ мнѣнію непремѣнно долженъ быть вскорѣ сформированъ и посланъ на турецкую границу. Они боятся прогулять на водахъ этотъ новый случай къ отличіямъ. Вечеромъ, по обыкновенію, я бродилъ на бульварѣ. Тутъ повторились тѣже разговоры, только меньше въ нихъ было горячности и замѣтнѣе былъ духъ сомнѣнія и отрицанія.

Духъ сомнѣнія и отрицанія вообще замѣтенъ между давними или коренными кавказцами. Они боятся повѣрить какой нибудь столичной мистификаціи, боятся показаться довѣрчивыми провинціалами. Вотъ, напримѣръ, сегодняшній разговоръ о вертящихся столахъ:

— «Это пуфъ, говорю я вамъ: это ни съ чѣмъ несообразно!» . . Говорилъ, горячась, скептическій кавказецъ, артиллеристъ маленькаго роста, въ отвѣтъ долговязому гвардейцу, сообщившему новость объ удивительномъ явленіи.

— Но помилуйте,—возражалъ гвардеецъ съ ироніей,—какъ же вы не вѣрите явленію, о которомъ пишутъ во всѣхъ газетахъ, надъ которымъ задумались всѣ европейскіе ученые!

— «Пуфъ, пуфъ, пуфъ, и больше ничего!» рѣшительно заключилъ скептикъ...

Впрочемъ, какъ-же и не вооружиться скептицизмомъ противъ проповѣдей, подобныхъ слѣдующей, подслушанной мною также сегодня, на бульварѣ: проповѣдывалъ, посреди публики, высокій господинъ съ усами, пріѣхавшій на воды изъ Воронежской губерніи:

— «Черкесы? Что такое Черкесы? Это нѣмецкое племя, это германцы, это аллеманы, или аланы! Да! и возьмите въ соображеніе то, что нѣкоторые изъ нихъ зовутъ себя алы; и Бога называютъ аллою, — а отъ аллы до алана, и отъ алана до аллемана, то-есть германца, то есть нѣмца—рукой подать!» . . .

Слушатели не возражали, но я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ взглянули съ такимъ выраженіемъ лицъ на мирныхъ кабардинскихъ князей, проходившихъ въ это

время по бульвару, какъ будто хотѣли сказать: «хороши нѣмцы!» . . .

14 іюня.

Сѣрная вода видимо дѣйствуетъ на всё водяное общество. Всѣ спадаютъ съ лица, худѣютъ, хирѣютъ, и я не понимаю, какъ у нихъ еще остаётся охота плясать въ собраніи. Днёмъ ползаютъ какъ осеннія мухи, а вечеромъ прифрантятся и прыгаютъ до полуночи. Говорятъ, что въ прежніе годы сюда пріѣзжало много праздныхъ людей, искавшихъ только развлеченія. Поэтому устроивались загородныя прогулки, балы у *провала*, котораго я еще не видѣлъ, и множество другихъ затѣй. Нынче время не то. На водахъ только больные, и разслабляющее вліяніе водъ никого не располагаетъ къ веселостямъ.

Сегодня обѣдалъ я въ гостинницѣ. Въ первомъ часу здѣсь table d'hôte. Зала уставлена столиками, за которыми обѣдаютъ больные и здоровые, снобсы и скромные люди. Мнѣ опять удалось разслушать нѣсколько разговоровъ.

Неподалеку отъ меня, обгладывая крыло цыплёнка, говорилъ господинъ пожилыхъ лѣтъ, очевидно гипохондрикъ, мизантропъ и пессимистъ:

— Хвалятъ устройство, великолѣпіе, вкусъ въ постройкахъ, — а по моему всё это совершенный вздоръ. Всѣ эти галлереи только испортили воду, а въ баняхъ ничего нѣтъ легче, какъ схватить горячку или простудную лихорадку. Десять лѣтъ тому назадъ у Елисаветинскаго ключа была простая деревянная галлерея, за то ключъ не былъ испорченъ, вода содержала боль-

ше газа, и была безъ сравненія чище. Надъ Сабанѣевскими ваннами были просто калмыцкія кибитки, за то, выкупавшись въ горячей водѣ, я не боялся выйти изъ ванны: войлочная кибитка ни откуда не пропускала вѣтра; а теперь въ этихъ сараяхъ такъ и несетъ со всѣхъ сторонъ сквозной вѣтеръ, того и гляди, что простудишься...

Я невольно подумалъ: «не сами ли вы, любезнѣйшій, стали въ десять лѣтъ хилѣе и чувствительнѣе къ холоду въ тридцать градусовъ тепла?»...

Какой-то господинъ въ очкахъ отвѣчалъ гипохондрику: — «Да, всѣ говорятъ, что кавказскія воды потеряли свою, такъ сказать, дѣвственность, дѣвственную силу.»... Гипохондрикъ продолжалъ:

— Помилуйте! Что сдѣлали съ Нарзаномъ! Вѣдь это былъ чистый шпрудель, какое! лучше шпруделя,— а теперь жалость смотрѣть! Что мнѣ за дѣло, что выстроены стотысячныя галлереи, когда вода на меня не дѣйствуетъ!

—«А еще черезъ десять лѣтъ и еще слабѣе на васъ будетъ ея дѣйствіе! подумалъ я. — Тогда и шпрудель не подѣйствуетъ!...» Гипохондрикъ съѣлъ цыплёнка и продолжалъ:

— Послѣ всего этого, кого нелёгкая понесетъ на Кавказъ? Даль, дороговизна и, въ заключеніе всего, никакой пользы отъ леченія! Да этакъ въ пятеро легче, дешевле и полезнѣе съѣздить за границу! Повѣрьте, что скоро никто не будетъ сюда ѣздить....

Какъ послушаешь такихъ разговоровъ, такъ и при-

детъ въ голову истина, что на всё можно смотрѣть прямо и криво, съ лица и съ изнанки...

За другимъ столикомъ другой разговоръ.

Тутъ идутъ возгласы: «Нашъ Министръ... мой проэктъ... истинная польза службы... благонамѣренность... и т. д. Ораторъ—совѣтникъ П—скаго губернскаго правленія...

За третьимъ столикомъ какой-то толстый штабсъ-капитанъ разсказываетъ о какомъ-то вельможѣ, и доказываетъ, что благородство людей передается съ кровью, точно такъ, какъ у лошадей порода...

На четвертомъ столѣ разговоръ еще любопытнѣе. Прапорщикъ тифлисской милиціи, въ грузинскомъ костюмѣ, не снимая высокой бараньей шапки, ломаннымъ русскимъ языкомъ разсказываетъ о своей службѣ въ Петербургѣ, о Петергофѣ и Царскомъ селѣ, о Варшавѣ и хорошенькихъ кавіарнянкахъ, то-есть служанкахъ въ кофейныхъ домахъ; хвалитъ ихъ ловкость и красоту, и потомъ переходитъ къ длинному, безсвязному повѣствованію объ эпическомъ героѣ Грузіи, какомъ-то Рустанѣ, о конѣ его Каргаданѣ, о четырехъпудовомъ его мечѣ и пятидесяти-пудовомъ щитѣ, о трехсотлѣтней его жизни и въ особенности о томъ, что когда выдумали ружья и пушки, тогда Рустанъ сказалъ: «кончено, сила моя теперь никуда не годится, не хочу больше быть храбрымъ.»

Грузинъ разсказывалъ эту сказку съ важнымъ видомъ глубокаго убѣжденія. Когда-же кто-то изъ слушателей выразилъ сомнѣніе,—тогда разскащикъ возразилъ:

— Помилуйте, это всё въ нашихъ книгахъ напечатано!...

Можетъ быть и дѣйствительно есть въ грузинскомъ народѣ преданіе о Рузуданѣ, воинственномъ сынѣ царицы Тамары, о которомъ упоминаетъ вскользь академикъ Броссе въ своемъ «очеркѣ исторіи и литературы грузинской». Можетъ быть, подвиги Рузудана противъ Монголовъ заслужили память народную, и выросли въ живомъ воображеніи грузинъ до баснословныхъ размѣровъ, но всего интереснѣе въ разсказѣ грузина показалось мнѣ то, что герой его пересталъ быть храбрымъ со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія...

17 іюня.

Очевидно, мы здѣсь живёмъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ облаками, и потому посвящены въ таинства законовъ ихъ появленія, движенія, исчезанія. Они предъ нашими глазами безпрестанно совершаютъ свои загадочныя игры: то раскидываются на вершинахъ горъ, какъ бѣлые шатры; то ползаютъ по горамъ, какъ ручныя стада бѣлыхъ мериносовъ. Живя въ низменныхъ русскихъ городахъ, мы видимъ ихъ въ какой-то недосягаемости, внушающей страхъ или изумленіе. Здѣсь же мы свыкаемся съ ними, какъ свыкаемся съ пролетающими птицами, съ деревьями, съ домашними мухами...

Нынѣшній день у меня былъ посвященъ Пятигорской природѣ. Я былъ у знаменитаго провала, лазилъ на вершину Машука. И то и другое стóитъ краткаго описанія.

Провалъ находится на сѣверо-восточной отлогости Машука. Это очень странное явленіе. Представьте себѣ широкое отверзтіе, перпендикулярно-просверленное въ боку горы; представьте, что это отверзтіе имѣетъ 45 аршинъ глубины, и аршинъ 30 въ поперечникѣ; что бока отверзтія состоятъ изъ бѣловатаго наслоенія шифера и известковаго плитняка въ поперечномъ его изломѣ, и наконецъ вообразите себѣ на тёмномъ днѣ отверзтія черную массу воды неизвѣстной глубины, и на ней островокъ, образовавшійся изъ сучьевъ, обломковъ дерева, земли и каменьевъ, падавшихъ въ глубину въ разное время,—и вы получите идею о провалѣ. Съ боковъ и сверху провалъ огороженъ плетнёмъ. Съ нижней или передней стороны устроены деревянныя перила. Въ глубинѣ—летаютъ голуби и летучія мыши, и на поверхность выходитъ изъ отверзстія довольно сильный сѣрный запахъ. Не будучи глубокимъ геологомъ, вы съ перваго раза положительно отнесете происхожденіе провала къ дѣйствію подземнаго огня, и притомъ къ дѣйствію не древнему: изломы каменныхъ боковъ такъ еще свѣжи, что они кажутся новичками въ сравненіи съ другими каменными утёсами Машука, почернѣвшими, растрескавшимися и проросшими мхомъ или цѣлыми деревьями.

Разсказываютъ, что на дно провала какой-то любопытный спускался на блокахъ въ лодкѣ, и плавалъ по подземному бассейну, который будто-бы простирается далеко въ сторону, подъ нависшими сводами горы.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ надъ проваломъ устраивался помостъ, и на нёмъ танцовали подъ бальную

музыку, при свѣтѣ луны, плошекъ и факеловъ. Идея эксцентрическая и опасная, но не безъ поэзіи!

У провала я встрѣтилъ Татарина, сопровождавшаго общество пріѣзжихъ посѣтителей; онъ разсказывалъ имъ слѣдующее происшествіе: нѣсколько лѣтъ тому назадъ какой то русскій князь охотился съ ружьемъ около провала. Заяцъ, подстрѣленный имъ, упалъ въ глубину пропасти, а за нимъ послѣдовала и горячая собака охотника; князь былъ богатъ и предлагалъ большія деньги тому, кто досталъ бы ему изъ провала любимую собаку, которая будто-бы не разбилась въ паденіи, а плавала по водѣ провала и жалобно выла, прося о помощи. Князь не нашелъ желающихъ лазить въ провалъ, потому что это *грѣшно* и *опасно*, — и полѣзъ самъ за собакой, привязавъ себя крѣпкими верёвками къ блокамъ, на которыхъ его поддерживали наёмные люди. Попытка была удачна: князь и собака были вытащены; но черезъ нѣсколько времени оба умерли: сначала собака, а потомъ русскій князь...

— А заяцъ? кто-то спросилъ татарина.

— Заяцъ? Гмъ! Зайца не нашли! Да это былъ не заяцъ.

— А кто-же?

— Разумѣется, кто!... Нечистый! Онъ-то и погубилъ князя....

Отъ провала я возвратился вмѣстѣ съ обществомъ, и въ сопровожденіи татарина, къ Елисаветинской галлереѣ, около которой помѣщаются въ сараѣ кабріолеты и сѣдла, предназначенные для поѣздокъ на ослахъ къ вершинѣ Машука. Въ нѣсколько минутъ маленькіе

эшаки были осѣдланы, или запряжены въ кабріолеты о двухъ колёсахъ, особаго устройства. Эти экипажи приспособлены къ подъёмамъ въ гору; надъ ними устроены верхи изъ кожи, обращенные задомъ на передъ, такъ-что сидящіе въ нихъ должны ѣхать задомъ. Это очень удобно для того, чтобы пассажиры могли разсматривать пейзажи со всѣхъ точекъ подъёмной дороги, по мѣрѣ того, какъ пара ословъ тащитъ экипажъ выше и выше. Въ противномъ случаѣ путешественникъ видѣлъ-бы только дорогу да ословъ, которые теперь отъ него закрыты кожаной крышкой кабріолета. До вершины горы проложена дорога, идущая зигзагами, и окаймлённая стѣнками изъ обломковъ камней. Чрезъ каждыя сто сажень у дороги стоитъ столбъ съ цифрою, показывающею вамъ на сколько вы поднялись, и сколько остается вамъ еще до вершины. Отъ основанія Машука до верхней его площадки, наклонной дорогой, надо проѣхать 1300 сажень, т. е. $2^3/_5$ версты, и для этого, по меньшей мѣрѣ, должно употребить 50 минутъ ѣзды на ослахъ. Дорога идетъ посреди каменныхъ утесовъ и осыпей, причудливо напластованныхъ. Съ средины горы начинается лѣсъ, который снизу кажется мелкимъ кустарникомъ, а на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ порядочныхъ кизиловыхъ, грушевыхъ, дубовыхъ и торновыхъ деревьевъ. Вдоль и поперегъ этой горной аллеи снуютъ миріады насѣкомыхъ, изъ которыхъ замѣчательна одна порода маленькихъ сизокрылыхъ бабочекъ.

Миновавъ лѣсъ, который, какъ поясъ,—окружаетъ собою только средину Машука,—мы очутились на верх-

ней, обнаженной части горы. Здѣсь дорога у́же и круче, но ослы наши не замедляютъ своего шага и, черезъ четверть часа, мы на вершинѣ.... Здѣсь, на площадкѣ, водруженъ бѣлый каменный крестъ,—знаменіе христіанскаго владычества надъ окрестнымъ мусульманскимъ міромъ. —Здѣсь-же, на разныхъ каменныхъ обломкахъ, — знаменія наклонности человѣческой къ увѣковѣченію своего имени: безчисленныя надписи путешественниковъ.... И какихъ тутъ нѣтъ прозвищъ! На одномъ камнѣ, вершковыми буквами, и какимъ-то неразрушимымъ снадобьемъ, — едва-ли не дёгтемъ, — написано: « отсюда возхищался Кафказомъ Сидоръ Паплевушинъ. » Но другомъ камнѣ, карандашемъ, написаны стихи, показавшіяся мнѣ достойными того, чтобы не полѣниться вписать ихъ въ мою записную книжку:

Плоды сидячаго досуга,
Слѣдъ бранныхъ и любовныхъ ранъ, —
Мы изъ Москвы, изъ Кременчуга,
Изъ за-уральскихъ дальнихъ странъ,
Веземъ купать въ водахъ Машуки,
Иль остроглаваго Бэшту,
И, въ благодарность имъ, отъ скуки,
Ихъ восхваляемъ красоту.

Не долго останавливается взоръ на оригинальныхъ надписяхъ: онъ переносится къ зрѣлищу неизмѣримаго пространства, открывающагося съ Машука, и видитъ огромную равнину, усѣянную высотами и провалами. Надъ всѣми ближними высотами царствуетъ огромный очеркъ Бэшту. Всё это мрачно, безпорядочно, и болѣе пугаетъ, чѣмъ привлекаетъ своею дикостью. Дикая горная картина смягчается только впечатлѣніемъ,

производимымъ чистотою очерковъ отдаленнаго гребня снѣжныхъ горъ, между которыми, какъ два крайнихъ столба, рисуются на голубомъ небѣ Эльборусъ, и Казбекъ, да еще, внизу, подъ горою, съ удовольствіемъ встрѣчаетъ взоръ пеструю шахматную доску пятигорскихъ строеній и горячеводскаго селенія.... Г. Георгіевскъ, отстоящій отсюда на 40 верстъ, видѣнъ съ горы простымъ, т. е. невооруженнымъ глазомъ. Шотландская колонія съ ея плантаціями, р. Подкумокъ, извивающаяся змѣею, и два-три аула — видны какъ на ладони. А съ помощью телескопа можно различить фигуры и костюмы людей, суетящихся на горячеводской ярмаркѣ, за 4 версты отъ Машука.

23 іюня.

Упомянувъ о горячеводской ярмаркѣ, нельзя-же было не побывать на ней, хоть для того, чтобы помѣстить ея очеркъ въ письмѣ къ вамъ, друзья мои. Не ожидайте, однакожъ, найти что нибудь интересное въ этомъ очеркѣ: я и въ самой ярмаркѣ не нашелъ ничего интереснаго. Куча балагановъ, разгульныя пѣсни, красноносыя прелестницы, пляшущія подъ звуки раздвижной гармоники, нѣсколько типическихъ лицъ армянъ за прилавками импровизированныхъ депо московскаго краснаго товара; нѣсколько замѣчательныхъ и молодцеватыхъ фигуръ мирныхъ кабардинцевъ, или карачаевцевъ (отъ подножія Эльборуса), въ числѣ которыхъ навѣрно были и не мирные, потому что посѣщеніе ярмарки не возбранено никому, и никто изъ гостей ея не обязанъ предъявлять свой видъ, или паспортъ; посредственное оружіе, и табуны кабардинскихъ

лошадей, принадлежащіе зажиточнымъ горцамъ Аджіева или Бабуковскаго ауловъ, ближайшихъ къ Пятигорску. Вотъ и вся ярмарка. Любопытнѣе всего показались мнѣ здѣсь табуны кабардинскихъ лошадей, и способъ ловли ихъ на арканы, которыми съ необыкновенной ловкостью и граціей владѣютъ кабардинцы-наѣздники. Желая купить себѣ лошадь, вы подъѣзжаете къ табуну, и выглядѣвъ себѣ коня по вкусу, указываете на него хозяину табуна. Бородатый и широкоплечій кабардинецъ бросается на бѣшеномъ конѣ своемъ въ средину табуна, однимъ взмахомъ руки накидываетъ петлю на шею лошади, — и она ваша. Кабардинскія лошади не велики, тонконоги, съ красивыми головами, но по большей части короткошеи и толстобрюхи. Цѣна имъ на ярмаркѣ не высокая: отъ 60 до 30 руб. сер. и даже менѣе. Говорятъ, что онѣ крѣпки, хорошо переносятъ холодъ и жаръ, и не требуютъ слишкомъ нѣжнаго ухода за собою. Нѣкоторыя очень породисты. Я былъ свидѣтелемъ интересной торговой сдѣлки между нашимъ казакомъ и кабардинцемъ. Первый сторговалъ у послѣдняго лошадь за 16 рублей. Половину денегъ отдалъ немедленно, а другую половину обѣщалъ заплатить черезъ три мѣсяца, въ чемъ и выдалъ горцу безграмотную росписку, за поручительствомъ товарища своего, другаго казака. И кабардинецъ былъ совершенно доволенъ роспиской и поручительствомъ, объясняя довѣріе свое тѣмъ, что *русской полкъ* поручился, стало-быть обмана не будетъ. Замѣчательная черта взаимныхъ отношеній двухъ воюющихъ сторонъ, которая дѣлаетъ честь имъ обѣимъ... Но если честность казака успѣ-

ла пріобрѣсти такую славу между кабардинцами, — то кабардинцы, съ своей стороны, отнюдь не заслуживаютъ довѣрія. Пріѣзжіе, въ особенности, не должны позволять себѣ никакого сближенія съ горцами, и ни подъ какимъ видомъ не пускать ихъ къ себѣ въ домъ. Самому мнѣ довелось быть жертвою моей любознательности и довѣрчивости къ туземцамъ. Съ двумя изъ нихъ познакомился я по случаю купли у нихъ кой-какого оружія. Я любовался гордой осанкой и свободными, красивыми ухватками моихъ гостей, простыхъ, неграмотныхъ татаръ Аджіева аула,—и вскорѣ мы сдѣлались *кунаками*. Они часто пріѣзжали въ Пятигорскъ, и никогда не забывали посѣтить меня. Бесѣды наши состояли въ показываніи гостямъ нѣкоторыхъ вещей моихъ, въ истолкованіи ихъ употребленія, и въ изъявленіяхъ удивленія со стороны горцевъ. Всего болѣе понравился имъ мой телескопъ. Научившись смотрѣть въ него, мои гости не сходили съ балкона, и не переставали восхищаться дѣйствіемъ оптическаго фокуса, приближавшаго дальніе предметы къ глазамъ ихъ. И что-же? Знакомство наше кончилось тѣмъ, что прекраснѣйшій телескопъ мой былъ украденъ моими кунаками. Еще поучительнѣе былъ случай съ однимъ изъ пятигорскихъ посѣтителей въ прошломъ году. У него, также, какъ и у меня, былъ свой кунакъ, и куначество это продолжалось довольно долго. Но вотъ, однажды, когда *урусъ*, т. е. русскій, сидѣлъ одинъ-одинёхонекъ въ своей квартирѣ и, отпустивъ своего человѣка, занимался корреспонденціей и, быть можетъ, описывалъ рыцарскіе нравы своихъ кунаковъ, — являет-

ся къ нему его дѣйствительный кунакъ, въ полномъ вооруженіи, притворяетъ за собою дверь, садится безъ церемоніи въ кресло и, послѣ обычныхъ привѣтствій, проситъ у своего русскаго пріятеля, *взаймы*, сто рублей серебромъ. Урусъ мгновенно сообразилъ, что онъ одинъ и беззащитенъ, что вечеръ сильно подвинулся къ полночи, что кунакъ его вооруженъ какъ арматура, и потому, недолго думая, безъ всякой росписки, и съ пріятнѣйшей улыбкой на блѣднѣющихъ устахъ, выдалъ своему ночному гостю сто рублей. Кунакъ скрылся,— и болѣе уже не являлся къ доброму урусу, — который долго вспоминалъ русскую пословицу: незваный гость хуже татарина, и мысленно прибавлялъ къ ней: а еще хуже, если незванымъ гостемъ явится кабардинскій татаринъ...

25 іюня.

Сегодня въ Елисаветинской галлереѣ засталъ я особенное движеніе. Толпа больныхъ смѣялась и шумѣла какъ-то больше обыкновеннаго, и было отчего: въ томъ углу галлереи, гдѣ обыкновенно теплится лампада передъ иконой всѣхъ скорбящихъ Божіей Матери,—черпальщикъ, или солдатъ, находящійся при колодцахъ,— помѣстилъ маленькій столикъ, накрытый бѣлой салфеткой, и на столикѣ поставилъ подносъ съ пирогомъ, съ двумя бутылками вина, двумя рюмками и тарелкой, для сбора подарковъ отъ лечащихся у Елисаветинскаго источника. Оказалось, что солдатъ сегодня именинникъ, съ чѣмъ онъ и придумалъ поздравить своихъ посѣтителей. Выдумка показалась всѣмъ довольно на-

ивной, именинника поздравляли, не прикасаясь, впрочемъ, ни къ пирогу ни къ вину его, и на сборной тарелкѣ оказалось рублей до двадцати всякой мелочью.

Другое обстоятельство, вызвавшее улыбку на уста моихъ товарищей—больныхъ, было не менѣ забавно: у восточнаго окна галлереи толпились читатели слѣдующей печатной аффиши, прибитой къ стѣнѣ вмѣстѣ съ объяленіями отъ дирекціи водъ, и отъ театра: « г. и « г-жа Т—ины, пріѣхавшіе въ Пятигорскъ, честь имѣ- « ютъ извѣстить почтеннѣйшую публику, что въ домѣ « N открытъ ими танц-классъ, въ коемъ будутъ еже- « дневно преподаваться слѣдующіе танцы: минуэтъ, « кадриль, вальсъ въ 3 па, вальсъ въ 2 па, вальсъ « въ 1 па, редова съ 3 фигурами, мазурка, полька- « мазурка съ оребуромъ, полька съ 3 фигурами и оре- « буромъ, галопъ съ оребуромъ, полька-венгерка, шо- « тишъ, гавотъ, редова съ 8 фигурами, матлотъ ан- « глійскій, матл. испанскій, матлотъ шотландскій, рус- « ская съ шалью, русская съ вѣнкомъ, казакъ-шаль, « казакъ-венгерскій, казакъ-запорожскій, соло-тамбу- « ринъ, тамбуринъ-па-де-дё, соло-букетъ, гирлянда, « цыганская пляска, качуча, гитана съ кастаньетами, « фанданго,—всего 31 танецъ ». Въ самомъ дѣлѣ, не забавна-ли мысль: заставить танцовать пятигорскую публику, едва таскающую ноги послѣ мѣсячной діэты и питья сѣрной воды!...

27 іюня.

Нельзя-же, бывъ на Кавказѣ, не побывать въ горскомъ аулѣ, хоть въ самомъ мирномъ. Невдалекѣ отъ

Пятигорска есть два значительныхъ аула: Бабуковскій и Аджіевъ, оба населенные кабардинцами. Въ одномъ изъ нихъ провелъ я весь нынѣшній день вмѣстѣ съ значительнымъ отрядомъ водянаго общества, и теперь хочу передать вамъ мои впечатлѣнія, не страшась соперничества другихъ описаній, прежде меня ознакомившихъ читающую русскую публику съ горскими нравами Кавказа. Лучшіе наши поэты рисовали и воспѣвали бытъ воинственныхъ здѣшнихъ племенъ.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, какъ геніальные, такъ и посредственные наши литераторы любили избирать Кавказъ театромъ своихъ повѣствованій,— но всё это не помѣшаетъ мнѣ разсказать вамъ, что̀ я видѣлъ сегодня на кабардинскомъ праздникѣ, тѣмъ болѣе, что мой этнографическій взглядъ, по всей вѣроятности, не совпадаетъ съ поэтическими взглядами на тѣ-же предметы авторовъ Кавказскаго Плѣнника, Муллы-Нура и Валерика. — Аулъ, въ который мы отправились сегодня съ восходомъ солнца, лежитъ въ 40 верстяхъ отъ Пятигорска. Въ административномъ отношеніи дѣлится онъ на сотни, слѣдовательно имѣетъ сотниковъ, изъ которыхъ многіе носятъ русскіе эполеты и ордена. Одинъ изъ такихъ сотниковъ, природный кабардинскій князь и штабсъ-капитанъ русской службы, — былъ амфитріономъ нашего общества. Домикъ его построенъ на европейскій образецъ, и потому рѣзко отдѣляется отъ плоско-крышнихъ саклей его одноземцевъ. Чтобы имѣть понятіе объ аулѣ,—надобно себѣ представить кучу сѣроватыхъ бугровъ, приподнимающихся на сажень отъ земли, а иногда и равныхъ

съ земною поверхностью, и разбросанныхъ по всѣмъ направленіямъ, безъ всякихъ претензій на правильныя улицы. Эти сѣрожелтоватые бугры—ни что иное какъ сакли, сложенныя изъ земли и камней, и покрытыя камнями и землею...

До двухъ сотенъ пѣшаго и коннаго народа, въ полномъ вооруженіи, въ опрятныхъ, т. е. праздничныхъ одеждахъ, въ классическихъ своихъ папахахъ и буркахъ, уже толпилось около дома начальника, когда мы туда пріѣхали. Гостепріимный князь—встрѣтилъ насъ у дверей своего дома, и все наше общество помѣстилъ въ небольшихъ своихъ комнатахъ, представлявшихъ смѣсь убранства азіатскаго съ нѣкоторыми принадлежностями нашего европейскаго быта: въ пріемной комнатѣ лежали ковры на полахъ и диванахъ,—и въ тоже время колонны тарелокъ возвышались, между чашками и мисками, на стѣнныхъ полкахъ. Амфитріонъ нашъ говоритъ порядочно по русски, разсказывалъ о Петербургѣ и о венгерской войнѣ, въ которой онъ участвовалъ, за тѣмъ представилъ намъ двухъ своихъ родственниковъ, статныхъ и красивыхъ юношей, съ черными глазами, тонкими таліями, и маленькими ногами, обутыми въ красныя *чевяки*....

Вмѣстѣ съ ними вошли въ комнату десять узденей,—то есть благородныхъ кабардинскихъ джентльменовъ,—представлявшихъ собою цвѣтъ аристократіи аула. Молодые беки, родственники нашего хозяина, собирались въ Петербургъ, на службу въ мусульманскій эскадронъ, и очевидно не имѣли еще никакого понятія объ обычаяхъ цивилизаціи: они робко, неподвижно, но гра-

ціозно сидѣли на полу, вмѣстѣ съ узденями, и молчаливо разсматривали насъ, какъ бы платя намъ за любопытство, съ какимъ мы изучали ихъ дикія и прекрасныя фигуры. Въ самомъ дѣлѣ нельзя было не любоваться благородными, оригинальными типами нашихъ молчаливыхъ собесѣдниковъ, трудно было объяснить себѣ, отчего такъ много смѣлости, ловкости, и красоты во всѣхъ размѣрахъ, во всѣхъ движеніяхъ этихъ дикарей? Поневолѣ разрѣшенія этого вопроса ищешь въ гипотезахъ о благородствѣ крови, породы, или, какъ нѣкоторые говорятъ по русски: рàсы....

Приближалось обѣденное время. Въ комнату вошли съ полдюжины туземныхъ дѣвушекъ и, по указанію князя, принялись приготовлять на полу всё нужное для обѣда, т. е. по нашему, накрывать на столъ. Это послѣднее занятіе не совсѣмъ въ горскихъ обычаяхъ, но любезный хозяинъ нашъ хотѣлъ угостить насъ зрѣлищемъ, для насъ интереснымъ. Впрочемъ дѣвушки здѣсь пользуются свободою; онѣ ходятъ безъ покрывалъ, и сегодня мы видѣли ихъ много, тогда-какъ ни одна замужняя женщина не показывалась намъ изъ сокровеннѣйшихъ отдѣленій своихъ саклей. Что вамъ сказать о кабардинскихъ дѣвушкахъ? О нихъ такъ много уже читали вы,—и читали столько хорошаго! Увы! Я не могу повторить похвалъ, прежде меня разсыпанныхъ красотѣ горскихъ дѣзушекъ! Правда, типъ красоты ихъ хорошъ, въ немъ много чистоты и правильности; но этотъ типъ едва-видѣнъ, и видѣнъ только внимательному глазу,—какъ красота подлинника въ искаженіяхъ плохаго перевода. Я увѣренъ, что амфитріонъ

нашъ показалъ намъ лучшихъ изъ своихъ соотечественницъ и, не смотря на это, я не могу сдѣлать о нихъ выгоднаго заключенія. Всего болѣе вредятъ ихъ красотѣ—оспа, противъ которой, разумѣется, непринимается здѣсь никакихъ мѣръ,—и плоскость ихъ стана. Вамъ конечно извѣстенъ здѣшній обычай дѣвушекъ зашивать станъ свой въ ревнивые кожаные корсеты особаго устройства, и не снимать этихъ корсетовъ до замужства. Отъ этого обычая—грудь красавицы долго не развивается и, слѣдовательно, красота красоты ихъ, говоря здѣшнимъ слогомъ,—остается въ отсутствіи. Здѣшнія дѣвушки одѣваются въ длинные бешметы, закрывающіе собою ихъ широкія шальвары. Остроконечные башмаки ихъ имѣютъ подъ собою еще какія-то подставки, на которыхъ наши красавицы не умѣли бы сдѣлать двухъ шаговъ, а здѣшнія ходятъ и танцуютъ очень свободно.

Хозяинъ угостилъ насъ кабардинскимъ обѣдомъ. En voilà le menu: Баранье puré, довольдо грязнаго вида, но вещь не дурная; шашлыкъ, или баранина, изжаренная въ мелкихъ кусочкахъ на вертелѣ; за тѣмъ нѣчто въ родѣ медовыхъ маковниковъ и, въ заключеніе, слоеные пироги. Всё это безъ соли, и безъ вина....

Послѣ обѣда, по распоряженію князя, началась джигитовка. Двадцать или тридцать всадниковъ бѣшено носились въ необузданной скачкѣ; на скаку поднимали разныя вещи съ земли и т. п. За тѣмъ послѣдовала игра въ палки, — не та игра въ палки, которая такъ интересна въ нашихъ клубахъ,—а другая, въ которой играютъ главную роль не карты, а настоящія палки, или дубинки хорошаго размѣра. Вотъ въ чемъ состо-

итъ самая игра: участвующіе въ ней раздѣляются на двѣ партіи, на конныхъ и пѣшихъ. Конные вооружаются нагайками и прикрываютъ спины свои бурками; пѣшіе берутъ въ руки дубины, и стараются наносить удары коннымъ своимъ противникамъ; тѣ увертываются, защищаются бурками, за удары палочные платятъ жестокими ударами нагайками,—и всё это вмѣстѣ составляетъ живую картину забавнаго манёвра, въ которомъ есть гдѣ выказаться ловкости, силѣ и умѣнью владѣть конёмъ. Зрители этой картины одобряютъ побѣдителей или смѣются надъ побѣжденными, и часто эта воинственная забава оканчивается довольно трагически: увѣчьемъ, а иногда и смертью неловкаго...

За игрою въ палки послѣдовали танцы, которые, какъ и у европейцевъ, довольно разнообразны. Балъ, на открытомъ воздухѣ, начался чѣмъ-то въ родѣ хоровода. Джигиты спѣшились и, схватившись руками съ дѣвушками, стали вкружокъ. Откуда ни взялась и музыка, — и кавалеры, въ перемежку съ дамами, пошли водить свой хороводъ тихо, молчаливо, плавно, не дѣлая никакихъ быстрыхъ движеній, а только переступая вправо или влѣво съ одной ноги на другую. Послѣ этого *общаго* танца начались другіе, *частные*, если такъ можно выразиться, или одиночные. Шестнадцати-лѣтній бекъ, братъ нашего хозяина, вышелъ на средину площадки, раздались звуки лезгинки,—о которыхъ вы имѣете понятіе изъ Глинкиной оперы: Русланъ и Людмила, и юный танцоръ пустился въ плясъ. Сначала кругообразный ходъ его былъ медленнъ, и такъ-же медленны были удары въ ладоши всѣхъ присутствую-

щихъ, — (аккомпанементъ необходимый), — потомъ и аккомпанементъ и музыка, и самые pas плясуна сдѣлались быстрѣе, — и тутъ надо было любоваться воодушевленіемъ прекраснаго юноши,—дикимъ огнемъ и неописанной энергіей его движеній, и наконецъ, даже, трудностями pas, которымъ подражать невозможно, ненаучившись имъ съ малолѣтства. Молодой бекъ то становился на острые носки своихъ чевяковъ, то совершенно выворачивалъ ноги, то описывалъ быстрый кругъ, нагибаясь на одну сторону, и дѣлая рукою жестъ, похожій на движеніе всадника, на всёмъ скаку поднимающаго съ земли какую-нибудь вещь. Дѣвушка танцующая лезгинку — совсѣмъ иное дѣло. Она какъ-бы плаваетъ, или тихо скользитъ по полу, изгибается осторожно, и больше держится въ прямомъ положеніи, только изрѣдка дѣлая умѣренные взмахи руками. Тотъ-же самый танецъ у мужчины принимаетъ характеръ удальства, бойкости и какой-то воинственной, неудержимой энергіи.

Любопытенъ еще третій, такъ называемый карачаевскій танецъ, показавшійся мнѣ танцемъ комическимъ, фарсомъ, чѣмъ-то въ родѣ матлота, чѣмъ-то не проистекающимъ изъ самыхъ нравовъ и вкуса народа, какъ всѣ танцы у всѣхъ народовъ, а придуманнымъ, изобрѣтеннымъ для потѣхи и смѣха. Музыка и тутъ сопровождается мѣрнымъ хлопаньемъ въ ладоши для поддержанія такта, а потомъ для возбужденія энергіи танцующихъ. Самый-же танецъ состоитъ въ томъ, что двое мужчинъ берутъ дѣвушку подъ руки, въ одну ногу съ нею, какъ наши солдаты, переваливаются изъ

стороны въ сторону, тѣсно прижимаютъ её къ бокамъ своимъ, и—то отнимаютъ её другъ у друга, то, всѣ трое, забавно покачиваются, какъ будто въ какомъ-то опьяненіи. Темпъ танца, также какъ и въ лезгинкѣ, постепенно ускоряется, и танецъ оканчивается совершеннымъ изнеможеніемъ пляшущихъ.

О музыкѣ и пѣніи кабардинцевъ стоитъ сказать два слова особо. Я видѣлъ у нихъ только два инструмента: *пшёна* состоитъ изъ тонкой длинной балалайки съ двумя волосяными струнами; её упираютъ лѣвой рукою въ колѣно, а правою, вооруженною дугообразнымъ смычкомъ,—водятъ по струнамъ. Звуки *пшёны* глухи, заунывны, и, разумѣется, не могутъ быть разнообразны — по причинѣ слишкомъ патріархальной простоты инструмента. Другая, подобная-же, балалайка называется *пшёдегехуàкуа*, состоитъ изъ трехъ струнъ и употребляется безъ смычка, какъ гитара. Пѣніе горцевъ еще оригинальнѣе ихъ музыки. Представьте себѣ, что четыре пѣвца хоромъ тянутъ четырехнотную гамму, начиная, напримѣръ, съ *do* и останавливаясь на *fa*, и потомъ опять спускаясь къ *do*,—а въ это время пятый, и главный, пѣвецъ рѣзкой фистулой поётъ во всю силу своего голоса какой-то речитативъ, въ ладъ, но не въ тонъ аккомпанемента своихъ товарищей; въ это-же самое время пшёна дѣлаетъ свое дѣло,—и изо всего этого выходитъ удивительная разногласица, въ которой, однако-же, мало по малу привыкающее ухо европейца можетъ наконецъ различить какой-то мотивъ, какую-то смутную музыкальную мысль.

Насмотрѣвшись и наслушавшись до сыта, наше об-

щество подумало о возвращеніи въ Пятигорскъ. Экипажи и верховыя лошади были немедленно поданы,—и раскланявшись съ любезнымъ нашимъ хозяиномъ, мы двинулись изъ гостепріимнаго аула. Но тутъ ожидало насъ новое и самое живописное изъ всѣхъ видѣнныхъ нами сегодня зрѣлищъ: до двух-сотъ вооруженныхъ джигитовъ провожало, окружало и опережало насъ на лихихъ коняхъ своихъ, въ оригинальныхъ и живописныхъ своихъ костюмахъ. Пёстрыя толпы ихъ мѣшались между собою въ безпорядочной скачкѣ, съ гиканьемъ и безчисленными выстрѣлами. Что-то воинское и праздничное было въ этомъ полудикомъ конвоѣ, и всѣ мы почувствовали непріятное отсутствіе чего-то, когда, на четвертой верстѣ за ауломъ, всадники, одинъ по одному, отстали отъ насъ, и оставили насъ посреди степи, покрывавшейся багровымъ освѣщеніемъ заката. . .

Къ восьми часамъ мы возвратились въ Пятигорскъ и еще успѣли быть на балѣ въ собраніи. Но европейскія наши редовы и польки не могли изгладить во мнѣ впечатлѣнія лезгинки и карачаевской пляски кабардинцевъ.

5 іюля.

Хотя я и чувствую, что это письмо должно показаться вамъ неизмѣримо-длиннымъ,—но, такъ-какъ я вскорѣ покидаю Пятигорскъ, — мнѣ не хотѣлось-бы пропустить что-нибудь, необходимое для возможно-полнаго понятія вашего объ этомъ замѣчательномъ городкѣ. По крайней мѣрѣ, на мои глаза, здѣсь много ве-

щей, стоющихъ вниманія, и разсказавъ вамъ почти всё, что̀ я здѣсь видѣлъ и слышалъ до сихъ поръ, я сдѣлалъ-бы значительный пропускъ въ нашей перепискѣ, если бы ничего не сказалъ о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ статьяхъ здѣшней промышленности, и о существующихъ здѣсь нѣсколькихъ памятникахъ греческаго ваянія, относящихся уже ко временамъ христіанства.— Если вы будете въ Пятигорскѣ, то непремѣнно купите себѣ узду и сѣдло здѣшняго издѣлія, въ особенности, если въ ваше время будетъ здравствовать отличный мастеръ этого дѣла, армянинъ Тумановъ. Тонкая выдѣлка, крѣпость ремней, и изящество шорной работы—чрезвычайны, — а дешевизна этихъ вещей непремѣнно заставитъ васъ раззориться на нихъ. Другія, не менѣе прекрасныя и совершенно мѣстныя издѣлія, вы найдете въ рабочихъ лавочкахъ оружейниковъ и серебренниковъ.—Вамъ, конечно, случалось любоваться прекрасной серебряной или золотой съ черныю оправой шашекъ и кинжаловъ, привозимыхъ нашими офицерами съ Кавказа. Эти оправы дѣлаются въ разныхъ мѣстахъ здѣшняго края: въ Тифлисѣ, въ Ахалцихѣ, въ Шушѣ и въ нѣкоторыхъ горскихъ аулахъ,—но первый образецъ этой работы, — и не изъ худшихъ образцевъ,—вы встрѣтите въ Пятигорскѣ. Чрезвычайно проста механическая часть здѣшняго серебрянаго производства: въ маленькой саклѣ, поджавъ подъ-себя ноги, сидятъ на полу двое или трое грязныхъ татаръ, раздуваютъ угли въ маленькой печкѣ маленькимъ мѣхомъ, возятся съ крошечными тиглями, обходятся съ весьма простыми инструментами и безъ всякихъ хит-

рыхъ машинъ,—и производятъ истинно изящныя вещи. Чернь на серебрѣ — не новость въ Россіи. Вамъ, конечно, извѣстны устюжскія и московскія издѣлія этого рода. Въ старину прадѣды наши пили изъ серебряныхъ съ чернью сосудовъ, а дѣды нюхали табакъ изъ такихъ же табакерокъ. Но, сколько мнѣ извѣстно, у насъ непрочно накладывается на серебро чернь,—и въ этомъ отношеніи должно отдать преимущество здѣшнимъ мастерамъ. Не легко выпытать у нихъ секретъ ихъ состава черни; мнѣ, однакоже, удалось узнать его, и подробно записать въ свою памятную книжку, для желающихъ... Не выписываю его здѣсь, потому что едва-ли рецептъ черненія серебра можетъ быть для васъ интересенъ. Гораздо интереснѣе для васъ было-бы подробное описаніе четырехъ каменныхъ изваяній съ греческими надписями, найденныхъ вблизи Пятигорска и теперь украшающихъ собою садикъ, раскинутый предъ Елисаветинской галлереей.—Но рисунковъ съ изваяній я не снялъ, а на память не могу описать всѣхъ подробностей рельефной работы, украшающей памятники. Вкратцѣ скажу, что памятниковъ этихъ четыре: а.) крестъ въ 4 аршина высоты, съ выпуклыми украшеніями и греческою надписью, найденъ за Терекомъ, близь Ильхотскаго аула, поставленъ въ Пятигорскѣ въ 1852 году, б.) крестъ въ $1^1/_2$ аршина высоты, найденъ близь Кисловодской станицы съ надписью греческими искаженными буквами; изъ надписи можно уразумѣть, что этотъ крестъ сооруженъ какимъ-то Іаковомъ надъ какимъ-то Георгіемъ, и поставленъ въ Пятигорскѣ въ 1850 году. Оба эти креста составляютъ

примѣчательные памятники христіанства, нѣкогда существовавшаго въ Кабардѣ, странѣ, нынѣ вполнѣ мусульманской. с.) женская фигура, по поясъ, въ 1 ар. высотою, съ двумя заплетенными косами, двумя грудями, и съ серьгами въ ушахъ: нѣчто въ родѣ новочеркасской каменной бабы. д.) истуканъ, въ 4 арш. высоты, съ рыбьимъ хвостомъ въ правой рукѣ, съ греческою надписью посрединѣ туловища, и съ человѣческими и конскими фигурами на нижней части; найденъ въ 12 верстахъ отъ Пятигорска, близъ Етоцкаго поста, и поставленъ въ Пятигорскѣ въ 1849 году.

Еще, если будете въ Пятигорскѣ, постарайтесь достать себѣ коллекцію здѣшнихъ насѣкомыхъ. Здѣсь есть господа, занимающіеся подобными коллекціями ex professo,—и мнѣ довелось за пять рублей пріобрѣсти болѣе пятидесяти экземпляровъ прекраснѣйшихъ здѣшнихъ зоологическихъ субъектовъ, начиная отъ фаланги и скорпіона — до кавказскаго скарабея, то есть синяго жука, свойственнаго исключительно Кавказу.

ПИСЬМО 14-е.

ОТЪ ПЯТИГОРСКА ДО ВЛАДИКАВКАЗА.

Ошибочные разсчеты. Приманки путешествія въ Грузію. Метафоры моего знакомаго. Моральное послѣдствіе борьбы человѣка съ природою на Кавказѣ. Г. Георгіевскъ съ его прошедшимъ и настоящимъ. Кладбище. Типическій г-нъ прапорщикъ В—ковъ. Станція Павловская и сторожевыя вышки. Мѣра прочнаго завоеванія. Станица Прохладная и степной зной. Г. Екатериноградъ и памятникъ Екатерининскаго времени. Застава на р. Малкѣ. Малорѣцкая башня. Что такое здѣшнія станицы? Разсказы казачки, урядникъ и открытое извѣстіе. Опасность—добрая приправа къ путешествію.

Отъ Пятигорска до Тифлиса, по военно-грузинской дорогѣ, $403^1/_4$ версты. Пространство этого пути не могло испугать меня послѣ огромнаго переѣзда моего отъ Зауралья, тѣмъ болѣе, что еще такъ недавно, въ приуральскихъ степяхъ, благодаря прекрасной тамошней ѣздѣ и гладкимъ дорогамъ, — я не считалъ затруднительнымъ переѣзжать четырехсотверстныя разстоянія въ какіе нибудь 40 часовъ.... Между тѣмъ, когда я говорилъ моимъ водянымъ знакомцамъ, что, прежде переселенія въ Желѣзноводскъ, хочу побывать въ Тифлисѣ, и особенно, когда я ихъ увѣрялъ, что для этой поѣздки мнѣ нужно не болѣе 10 дней или двухъ недѣль, всѣ они пожимали плечами и недовѣрчиво улыбались.... Такіе неободрительные для меня признаки всеобщаго изумленія—казались мнѣ странными. Я, въ свою очередь, улыбался, и нисколько не думалъ отказываться отъ удовольствія видѣть Грузію и возродившуюся ея столицу — Тифлисъ. Не менѣе Грузіи при-

влекали меня прославленныя красоты горъ главнаго кавказскаго хребта, возможность быть у подошвы бѣлоснѣжнаго великана Казбека, громадные ужасы Дарьяльскаго ущелья, буйный Терекъ, мирная краса Кайшаурской долины, и всё то разнообразіе поразительныхъ явленій природы, какое можно видѣть только на Кавказѣ, и о какомъ, по увѣренію здѣшнихъ старожиловъ, я могъ получить полнѣйшее понятіе—на протяженіи такъ называемой военно - грузинской дороги. Одинъ изъ этихъ старожиловъ, уже не молодой артиллеристъ, чуть-было не напугалъ меня передъ отъѣздомъ: въ такихъ ужасныхъ краскахъ описалъ онъ мнѣ ужасы Дарьяльскаго ущелья!.... Но къ счастію, отъ описанія ущелья, онъ тутъ-же перешелъ къ изображенію прелестей Кайшаурской долины, которую онъ сравнивалъ *съ объятіями плѣнительной женщины, ласково встрѣчающими васъ при выходѣ изъ адскихъ трущобъ Дарьяла....* Я рѣшился ѣхать.

Меня увѣряютъ, что путешествіе мое до Тифлиса продлится не 40 часовъ,—а нѣсколько сутокъ, и что оно послужитъ мнѣ небольшимъ образцемъ той борьбы русскихъ миротворцевъ Кавказа съ его негостепріимной природой, которую ведутъ они уже около столѣтія, и которая до сихъ поръ неприведена къ побѣдоносному концу, несмотря на безчисленныя съ ихъ стороны усилія и пожертвованія.... Да, я давно уже слышалъ, что надобно побывать на Кавказѣ, чтобы раззнакомиться съ порокомъ самонадѣянности, и выучиться постоянству и терпѣнію!

Завтра выѣду я изъ игрушечнаго городка, т. е. Пятигорска; прощусь съ шумными больными и величавыми его окрестностями.... и за тѣмъ позвольте мнѣ снова приняться за мою путевую книжку, чтобы опять разсказывать вамъ всё въ томъ порядкѣ, въ какомъ я передавалъ ей мои впечатлѣнія....

10 Іюля. г. Георгіевскъ.

Дорога до Георгіевска идетъ степью на 35 верстъ. Пятигорскъ скоро исчезаетъ изъ глазъ путешественника; но Бэшту, Машука, и другія высоты пятигорья долго преслѣдуютъ его, какъ громадныя тѣни.... Черные силуэты ихъ рисовались передо мною на красноватомъ вечерѣвшемъ небѣ почти до той самой минуты, когда наступили сумерки, и я пріѣхалъ въ Георгіевскую, зеленую, кажется, « гостинницу для пріѣзжающихъ ».—Г. Георгіевскъ—какъ Карѳагенъ или Римъ,—богатъ только славою и воспоминаніями. Въ настоящее время этотъ городокъ такъ ничтоженъ, что городомъ назвать его можно только при большомъ напряженіи воображенія. . . . Но въ былое время Георгіевскъ былъ губернскимъ или областнымъ городомъ, съѣзжался на балы въ благородное собраніе, веселился и сплетничалъ не хуже другихъ губернскихъ городовъ. Памятникомъ, и весьма оригинальнымъ памятникомъ минувшей славы—осталось въ Георгіевскѣ кладбище, на коемъ покоются исключительно тѣ искатели перваго штабъ-офицерскаго чина, которые, бывало, за полученіемъ его пріѣзжали служить на Кавказъ, но не выдержи-

вали зловреднаго (лихорадочнаго) Георгіевскаго климата— и слагали на здѣшнемъ кладбищѣ всѣ честолюбивыя мечты свои, такъ дорого стоившія имъ. Вся губернская администрація перенесена въ Ставрополь именно послучаю дурнаго климата Георгіевска, и съ тѣхъ поръ похвальное честолюбіе пріѣзжающихъ изъ внутренней Россіи титулярныхъ совѣтниковъ ограждено отъ эпидемическаго крушенія и конечной гибели.

Пока мы сидимъ у растворенного окна Георгіевской гостинницы, въ сосѣднюю комнату входитъ небольшой, приземистый, рыжеватый, загорѣлый прапорщикъ одного изъ Дагестантскихъ карабинерныхъ полковъ. На лице ему казалось лѣтъ подъ сорокъ.... Вотъ, вѣроятно, типъ обстрѣленнаго, обожженнаго солнцемъ и порохомъ, стараго кавказца.... Что нибудь въ родѣ Максима Максимыча, подумалъ я, и вышелъ въ общую комнату, гдѣ прапорщикъ В—ковъ (какъ послѣ узналъ я его фамилію) уже бесѣдовалъ съ офицеромъ изъ Гребенскихъ казаковъ, и нетерпѣливо повторялъ требованія на счетъ заказаннаго имъ ужина. Они бесѣдовали такъ громогласно, что слѣдить за ихъ бесѣдой не могло никому показаться нескромностью. Впрочемъ товарищъ г-на В—кова былъ молчаливъ.... Г-нъ В—ковъ говорилъ и за него и за себя, съ неимовѣрной бойкостью и плодовитостью. Предметъ его разсужденій—дороговизна портера, «безъ котораго, какъ говорятъ французы, никакой комъ-иль-фо обойтись не можетъ». За тѣмъ слѣдуютъ разныя любезности щедрому собесѣднику, поспѣшившему предложить Г. В—кову—бутылку его любимаго напитка. Затѣмъ опять гремитъ и искрится

перекатный огонь разсказовъ г-на В—кова, которому, наконецъ, подали пару котлетъ и бутылку портера, и тутъ становится труднѣе и труднѣе слѣдить за его разсказами, на которые молчаливый и щедрый собесѣдникъ его отвѣчаетъ только киваніями головы, или клубами дыма, вытягиваемаго сквозь гусиное перо изъ длиннаго, но грязнаго трактирнаго чубука.

— «Въ Пятигорскѣ мадамъ И.... потрясаетъ воздухъ своей красотой; она frappant, какъ говорятъ французы!... Какія скверныя котлеты! Это сухари, а не котлеты!... Я ѣздилъ курьеромъ въ Тифлисъ съ депешами. Давно бы воротился, да зажился вотъ теперь въ Пятигорскѣ.... Нельзя, знаете; туда братъ съ женою пріѣхалъ, давно не видались, побамбошировать захотѣлось, какъ говорятъ французы.... Купилъ тамъ братъ себѣ дормёзъ.... 3000 рублей сер. заплатилъ.... Я посмотрѣлъ, говорю: комъ-си, комъ-сà, какъ говорятъ французы, не покупай, говорю, не стòитъ.... Такъ нѣтъ, не послушался, купилъ.... Ну, да ему денегъ дѣвать некуда.... Портеръ хорошъ!... За ваше здоровье!... И за ваше здоровье, если позволите»?...

Съ послѣдними словами г-нъ В—ковъ обратился ко мнѣ. Я поблагодарилъ, и спросилъ о состояніи дороги къ Тифлису.

— Аа! Дорога незавидная-съ, то-есть непроходимая.... Особенно у казбекской станціи.... Снѣжный обвалъ рѣшительно загородилъ дорогу, запрудилъ Терекъ,—Терекъ разлился, затопилъ станцію....

— Ахъ, какъ это непріятно! Но давно ли это?

По послѣднимъ извѣстіямъ дорога была очень хороша. Почта проѣхала благополучно. Да въ Іюлѣ мѣсяцѣ, кажется, не бываетъ обваловъ....

— Помилуйте! Какъ не бываетъ, всегда бываетъ, круглый годъ бываетъ, а вы тамъ этимъ календарямъ не вѣрьте.... Я вчера оттуда, и самъ чуть не утонулъ въ Терекѣ. Преуморительнный случай! На встрѣчу мнѣ ѣдетъ въ Тифлисъ графиня, какъ-бишь её.... ну, забылъ!... Увидала меня, и кричитъ изъ своей кареты: «офисьѐ, офисьѐ!» говоритъ, «спасите, вене́-иси, вене́-иси!... А я говорю: au nom du ciel, я ничего не могу сдѣлать для васъ, comtesse..., Такъ и проѣхали: она въ свою сторону, а я въ свою....

— Вы давно служите на Кавказѣ?

— Двадцать лѣтъ-съ. И все въ Дагестанѣ.... случаи были въ Россію—да не хотѣлъ; здѣсь, знаете, жизнь широкая, large, какъ говорятъ французы.... Три чеченскихъ пули и до сихъ поръ во мнѣ сидятъ. Да это что! Была бы совѣсть чиста, а эта дрянь, т. е. пули, нашего брата не должна безпокоить.... Не угодноли стаканчикъ Barclay and Perkins'у, за здоровье драматическаго искусства»!

Но я отказался отъ привлекательнаго тоста г. В—кова и, не безъ труда отдѣлавшись отъ него, ушелъ въ свою, то-есть сосѣднюю, комнату, грустно размышляя о снѣжномъ обвалѣ, загородившемъ мнѣ путь къ Тифлису....

Долго еще раздавались въ сосѣдней комнатѣ громкіе разсказы г. В—кова и тихія возраженія его собесѣд-

ника. Дѣло шло объ актрисахъ Пятигорской труппы; г. В—ковъ разсуждалъ о нихъ

. . . «Съ ученымъ видомъ знатока»,

и нисколько не хуже, по крайней мѣрѣ, не скромнѣе отъявленныхъ Петербургскихъ меломановъ, разсуждающихъ о Гризи или Лаблашѣ....

Безпокойства мои о Казбекскомъ обвалѣ напутствовали бы меня и на сонъ грядущій, если бы лакей гостинницы не успокоилъ меня разсказомъ о г-нѣ В—ковѣ: оказалось, что онъ уже вторую недѣлю *бамбошируетъ* въ Георгіевской гостинницѣ, ѣздилъ дня на два въ Пятигорскъ, возвратился оттуда безъ гроша денегъ,—и теперь приводитъ въ отчаяніе содержателя гостинницы, который не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться. Я вспомнилъ, что г. В—ковъ увѣрялъ своего молчаливаго слушателя, будто бы онъ везетъ изъ Тифлиса депеши.... «Cest le cas de dire qu'il se dépèche», подумалъ я, невольно подражая любви къ французскому языку г-на В—кова.... и заснулъ успокоенный.

11 Іюля, утро, станція Павловская.

Не помню, говорилъ ли я вамъ что нибудь о сторожевыхъ казачьихъ *вышкахъ*, разставленныхъ по дорогѣ, кажется, отъ самаго Ставрополя? Здѣсь эти вышки встрѣчаются чаще и чаще. Представьте себѣ три или четыре толстыхъ трехсаженныхъ шеста, утвержденныхъ въ землѣ, и увѣнчанныхъ небольшою площадкой, которая покрыта конусообразной крышей, опирающейся на другія четыре подпорки. Между этими

подпорками, подъ крышей, представьте себѣ стоящаго или сидящаго казака, въ сѣрой или желтоватой черкескѣ, въ мохнатой бараньей шапкѣ, или папахѣ, съ мохнатой буркой на спинѣ (отъ дождя или отъ зноя), и съ винтовкой на плечѣ. Внизу, около вышки, нѣсколько осѣдланныхъ лошадей, пасущихся на подножной травѣ, нѣсколько казаковъ, въ живописной группѣ сидящихъ на землѣ у огня, или подъ плохимъ шалашемъ, — и вотъ вамъ изображеніе сторожевыхъ постовъ, разставленныхъ по всей военно-грузинской дорогѣ, въ двухъ или трехъ верстахъ другъ отъ друга, и ручающихся, если не всегда за безопасность проѣзжающихъ, то, по крайней мѣрѣ, за скорое отмщеніе разбойникамъ, покусившимся на ваше спокойствіе.

Трудная служба этихъ стражей дороги состоитъ изъ постоянной бдительности, борьбы съ непогодами и комарами, изъ множества лишеній, и изъ постоянныхъ тревогъ и опасностей, которыя сдѣлаются очень понятны, если взять въ соображеніе, что отважному кабардинскому разбойнику, прокравшемуся къ цѣпи, столько же легко снять съ вышки сторожеваго казака мѣткимъ выстрѣломъ, сколько казаку легко задремать на своей голубятнѣ, или въ ненастное, сумрачное время проглядѣть подкравшагося врага. За то посмотрите на этотъ народъ: какъ окрѣпли они въ борьбѣ съ непогодами, какъ закалились и стали равнодушны къ опасности, какъ безпечно грѣются у костра, ѣдятъ, или спятъ они вблизи своей вышки и въ ожиданіи своей очереди смѣнить усталаго товарища! Какая мужественная красота въ ихъ лицахъ и движеніяхъ!... Впрочемъ здѣсь,

на степи, жизнь казаковъ несравненно спокойнѣе жизни ихъ сослуживцевъ при-кубанскихъ, или тѣхъ, которые несутъ тѣже обязанности за Владикавказомъ и на болѣе-опасныхъ путяхъ сообщенія въ Закавказьѣ.

Отъ самаго Георгіевска мы ѣдемъ той-же самой степью, которая окружала насъ отъ Ставрополя. На дорогѣ встрѣтился намъ обозъ хохловъ, т. е. переселенцевъ изъ Малороссіи, или съ Дона, предназначенныхъ для заселенія станицъ, вновь учреждаемыхъ на завоеванныхъ у горцевъ земляхъ. Прекрасная мѣра, осуществляющая двѣ цѣли, два главнѣйшихъ способа прочнаго нашего завоеванія на Кавказѣ: распространенія православнаго населенія въ прекрасныхъ завоеванныхъ странахъ, и образованія постояннаго войска, постоянныхъ осѣдлыхъ защитниковъ этихъ странъ отъ враждебныхъ сосѣдей!... Нѣтъ сомнѣнія, что этою мѣрою на Кавказѣ образуется,—и уже отчасти образовалось,—особое, воинственное, осѣдлое и непобѣдимое русское племя, которому нѣтъ подобнаго ни между самыми фанатическими племенами кавказскихъ мусульманъ, ни между другими горскими народами Европы, извѣстными по своимъ воинственнымъ нравамъ.

Станица Прохладная. 3 ч. по полудни.

Не смотря на названіе нашего перепутья—здѣсь зной іюльскій, степной и кавказскій.... Не могу найти лучшихъ трехъ эпитетовъ для выраженія моихъ понятій о здѣшней полуденной жарѣ. На всемъ пути отъ послѣдней станціи, влѣво отъ дороги, тянутся курганы,

подобные Сибирскимъ, Донскимъ и проч., только здѣсь они въ болѣе близкомъ другъ отъ друга разстояніи. По правую руку кое-гдѣ лѣски; вдали—туманные, неопредѣленные очерки какихъ-то горъ; но уже не видать ни Пятигорья, ни снѣжнаго гребня главнаго хребта. Жаръ такъ великъ, что весь поѣздъ мой, то-есть пассажиры тарантаса, прислуга, ямщикъ и даже лошади—были очень обрадованы, когда на полдорогѣ наткнулись мы на колодезь съ чистой и холодной водой, которую всѣ мы, и люди и лошади, пили изъ тыквяной чашки какого-то добраго прохожаго.

6½ ч. вечера. Екатериноградъ.

До сихъ поръ степной характеръ еще преобладаетъ въ странѣ. Горы не играютъ никакой роли. Степь, и степь довольно однообразная, чтобъ не сказать томительно-унылая, тянется до Екатеринограда. Грушевыя деревья, тополи и дикій виноградъ, скабіоза и палевая или розовая мальва, нѣсколько породъ яркихъ бабочекъ,—вотъ все, что оживляетъ собою степь. Екатериноградъ—скромный военный городокъ, похожій на большую станицу. Имя городка напоминаетъ о времени его происхожденія. Другой памятникъ того-же времени нашелъ я здѣсь въ запустѣломъ концѣ города, у развалившихся земляныхъ укрѣпленій: это тріумфальныя ворота, въ которыя теперь никто не въѣзжаетъ и изъ которыхъ никто не выѣзжаетъ, потому что онѣ стоятъ у выѣзда на старую, не проѣзжую и заброшенную дорогу. Было однакоже время, когда они были нужны

честолюбію торжествующаго побѣдителя. Ворота недавно возобновлены, и на нихъ я прочиталъ надписи:

На лѣвой сторонѣ, обращенной къ городу:	Въ срединѣ:	На правой сторонѣ:
ПОСТРОЕНЫ попеченіемъ Генералъ Губернатора Потёмкина.	ПОСТРОЕНЫ въ царствованіе Императрицы Екатерины II.	ВОЗОБНОВЛЕНЫ Главнокомандующимъ, Намѣстникомъ Кавказскимъ, княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ въ 1847 году.

Эти надписи на той сторонѣ воротъ, которая обращена къ городу. На другой-же сторонѣ, обращенной къ запустѣвшей дорогѣ, нѣтъ ни надписей, ни колоннъ, подобныхъ четыремъ колоннамъ, украшающимъ передній фасъ воротъ: очевидно, что съ этой, т. е. ЮЗ стороны, тріумфальный памятникъ не только не ждетъ никакого торжественнаго въѣзда, но даже не ожидаетъ къ себѣ и празднаго зрителя....

Не вдалекѣ отъ воротъ я видѣлъ что-то въ родѣ артиллерійскаго парка: одно старое орудіе, два-три новыхъ, двѣ груды старыхъ бомбъ, и казака—часоваго, не знаю для чего переставшаго курить свою люльку при моемъ появленіи, и спрятавшаго её въ пушку.

Въ центрѣ городка—соборъ, красивое, бѣлое, пятиглавое зданіе, съ зелеными куполами. Внутри храма я не нашелъ замѣчательной живописи, но не могъ не за-

мѣтить четырехъ мѣстныхъ иконъ въ большихъ и богатыхъ серебряныхъ окладахъ.

12 іюля, 6½ часовъ утра, у заставы на р. Малкѣ.

Здѣсь на ночлегахъ еще никого не останавливаютъ во избѣжаніе опасностей ночнаго пути,—но также и не совѣтуютъ никому пускаться въ ночное путешествіе. На вопросъ мой о степени опасности ночной ѣзды,—одинъ здѣшній казакъ лаконически отвѣчалъ мнѣ: «Всяковато бываить, ваше благородіе!» Между тѣмъ воображенію моему очень хотѣлось бы разыгрывать варіяціи на тэму опасности, которой, увы, до сихъ поръ еще нѣтъ на пути моемъ!...

Я переночевалъ въ Екатериноградѣ, и теперь пишу эти строки у заставы на берегу шумной рѣки Малки, въ ожиданіи ярлыка, который я долженъ былъ купить здѣсь для свободнаго проѣзда по Кабардинской степи, въ пользу будущаго на ней шоссейнаго пути.

Между Змейкой и Ардонской станціей.

Наконецъ горы приближаются къ намъ. Мы ѣдемъ между двумя ихъ грядами, параллельными нашей дорогѣ. Горы затуманены легкимъ дождемъ. Онѣ кажутся не выше Бэшту или Машука, и въ настоящую минуту покрыты сѣрыми, прозрачными, какъ паръ, облаками, которыя будто выходятъ изъ чернаго лѣса, растущаго на горахъ. Теперь часъ по полудни. Верстахъ въ четы-

рехъ за нами остался Малорѣцкій столбъ, то-есть прекрасная, стройная башня, сажень въ 60 вышиною, съ балкономъ, окруженнымъ желѣзной рѣшеткой и съ зубчатымъ вѣнцемъ на вершинѣ. Это первая моя встрѣча съ древними архитектурными памятниками, которыми такъ изобилуютъ Кавказъ и Закавказье. Но я не знаю, (и какъ узнать это у насъ?) къ какому времени относится прекрасно-сохранившаяся Малорѣцкая башня? Я даже не дослушалъ нелѣпой басни ямщика, который принялся-было разсказывать о какой-то Турецкой княгинѣ, обитательницѣ башни, потому, что не довѣряю легендамъ подобнаго рода....

Ардонская станица, 3 часа по полудни.

Горы опять исчезли, и Ардонская станица окружена степью. Наконецъ вы въ правѣ спросить меня: что такое станица? Станица состоитъ обыкновенно изъ одной длинной улицы, окаймленной домиками казаковъ и семействъ ихъ. Это—маленькія военныя поселенія. При въѣздѣ и выѣздѣ изъ станицы вы всегда найдете нѣсколько человѣкъ вооруженной стражи, и двѣ или три заряженныхъ пушки. Длинная улица всегда осѣнена большими и развѣсистыми деревьями, сквозь вѣтви которыхъ очень живописно выглядываютъ бѣлыя мазанки поселянъ-воиновъ. Мазанки эти окружены оградами, сдѣланными изъ колючихъ сухихъ прутьевъ, перевитыхъ и перепутанныхъ между собою. Черезъ такія ограды часто перегибается изъ палисадника виноградная лоза, или ползётъ и разстилается густымъ ковромъ зелень

навилики и хмѣля; часто изъ-за-ограды поднимаютъ свои пунцовыя или жолтыя шапочки роскошные цвѣты мальвы.

Иногда въ станицѣ вы найдете церковь.... И все это военное поселеньице окопано глубокимъ рвомъ и обнесено землянымъ валомъ, по которому тянется вкругъ всей станицы точно такой же колючій плетень, какимъ огорожена каждая казачья хата. Этотъ плетень составляетъ собою неодолимую преграду для коннаго непріятеля,—но мнѣ кажется, что пѣшему не трудно перебраться за плетень, и еще легче—зажечь всю эту массу сухихъ прутьевъ, и окружить пламенемъ цѣлую станицу.

Впрочемъ ни огонь, ни шашка, ни пуля горскаго хищника не страшны станичникамъ. Надо видѣть этотъ народъ, чтобы убѣдиться въ истинѣ всеобщей молвы, давно прославившей это закаленное въ опасностяхъ войско. Въ настоящую минуту вдоль станичной улицы тянется мимоидущій казачій отрядъ; говорятъ, что тутъ до девяти сотенъ казаковъ, и что всѣ они стягиваются къ Нальчику, по случаю распространившагося извѣстія о движеніи въ ту сторону Шамиля. Что за лица, что за спокойная и стройная посадка на конѣ! Но не всѣ ѣдутъ верхомъ; иные лежатъ или сидятъ въ телѣгахъ, которыя везутся осѣдланными лошадьми; всѣ казаки въ буркахъ, въ кабардинскихъ остроконечныхъ башлыкахъ (нѣчто въ родѣ суконнаго бурнуса, надѣваемаго сверхъ шапки на голову, отъ дождя), съ бородами, съ мохнатыми чехлами на длинныхъ винтовкахъ.... Можно было бы принять это войско за отрядъ горцевъ,

если бы въ костюмѣ ихъ не было маленькой, но совершенно отличительной особенности: сапоговъ.... Да, нарядъ нашихъ линейныхъ казаковъ только сапогами отличается отъ наряда большей части горцевъ Кабарды, Чечни и Дагестана, которые вмѣсто сапоговъ носятъ цвѣтные и остроконечные чевяки и тому подобную обувь различныхъ видовъ и наименованій. Нѣкоторые изъ мимоидущихъ казаковъ, кромѣ винтовокъ, держутъ за плечами косы, какъ будто отправляясь на веселый покосъ. Нѣкоторые въ одиночку распѣваютъ лихія пѣсни, и всѣ, не торопясь, одинъ за другимъ выѣзжаютъ изъ станицы.

Станица Архонская, 5½ ч. вечера.

Отсюда уже не пускаютъ насъ далѣе, по случаю предполагаемой опасности вечерняго путешествія.... Стало-быть вотъ и опасности начинаются!... Онѣ для путешественника, какъ хорошая соя къ ростбифу, или, проще, какъ соль или перецъ къ прѣсной похлёбкѣ.... Здѣсь повторяются разсказы о томъ, что Шамиль вздумалъ перебраться съ лѣваго фланга на правый, и именно чрезъ Нальчикъ. Кромѣ того здѣсь разсказываютъ о недавнихъ хищничествахъ какой-то партіи Чеченцевъ изъ ауловъ, лежащихъ только въ 15 верстахъ отсюда, въ тѣхъ самыхъ горахъ, которыя отъ Ардонской станицы тянулись въ виду у насъ, по правую сторону отъ дороги.

10 ч. вечера.

Цѣлый вечеръ жадно слушали мы разсказы толстой казачки, нашей хозяйки. Она очень хладнокровно пере-

давала намъ современнѣйшія событія ихъ станичной жизни, то раздувая для насъ самоваръ, то угощая насъ ужиномъ. Третьяго дня, по словамъ ея, зарѣзано у нихъ пять человѣкъ *добрыхъ* казаковъ, и взята вполонъ одна *дѣвчина*... А съ мѣсяцъ назадъ тому Владикавказскій комендантъ М. былъ раненъ вблизи самой крѣпости, и въ глазахъ сопровождавшаго его конвоя....

13 іюля, утро.

Пока запрягаютъ для насъ лошадей и собираютъ конвой изъ 6 казаковъ,—приходитъ къ намъ бородатый урядникъ и увѣряетъ, что днёмъ ѣхать можно и безъ конвоя, что: *протыу-ночи опасно, а протыу-дня никакого качества не бываитъ*.... И вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ мнѣ, для прочтенія, только что полученную Архонскимъ станичнымъ начальникомъ бумагу, вовсе не успокоительнаго содержанія. Это былъ циркуляръ отъ начальства линіи:

«ОТКРЫТОЕ ИЗВѢСТІЕ

«по линіи военно-Грузинской дороги отъ Ардона до Владикавказа.

Іюля 12 дня 185* г. N...

«По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ «малой Чечни, Абрекъ Хапцовъ съ 7-ю или 8-ю то-«варищами, дня три тому назадъ, проѣхалъ чрезъ Сун-

«жинскую линію и малую Кабарду и, вѣроятно, скры-
«вается въ удобныхъ мѣстахъ, въ Кабардинскомъ
«участкѣ, почему, давая знать объ этомъ по линіи и
«до Нальчика, предписываю употребить всѣ мѣры воин-
«ской осторожности къ недопущенію этихъ злодѣевъ
«сдѣлать какое нибудь злодѣяніе; особенно вмѣняю
«станичнымъ начальникамъ въ обязанность блюсти
«самую бдительную осторожность на работахъ по полямъ
«и на покосныхъ мѣстахъ, и гдѣ въ какихъ мѣстахъ
«имѣютъ конныя покосныя команды ночлеги, чтобы
«днёмъ при лошадяхъ было сильное прикрытіе, и чтобы
«лошади были осѣдланы и днемъ и ночью; и ночью у
«балагановъ выставляема была цѣпь и секреты; жители
«же ни подъ какимъ видомъ не должны работать въ
«разбродѣ и безъ оружія; изъ полей не запаздывать,
«а возвращаться въ станицы пораньше; также табуны
«лошадей и скотъ пригонять въ станицы заранѣ; въ
«случаѣ же гдѣ что̀ откроется, тотчасъ отъ ближай-
«шаго мѣста давать знать по линіи съ нарочнымъ,
«въ оба конца»....

(подпись)

И такъ это уже наконецъ не призракъ опасности, а опасность дѣйствительная, наличная.... Дорожные пистолеты мои вынимаются изъ чемодана и воображеніе рисуетъ разные случаи возможныхъ и невозможныхъ встрѣчъ въ дорогѣ.... Безпрерывнымъ ожиданіемъ, вѣроятно, очень оживится мое дальнѣйшее путешествіе, а въ слѣдующую ночь, вѣроятно, я опять засну подъ обаяніемъ чудныхъ, дѣтскихъ, пугливыхъ

думъ, навѣянныхъ на меня вчера разсказами старой казачки, и такъ похожихъ на тѣ давно забытыя думы, съ которыми когда-то засыпалъ я подъ страшныя вечернія сказки старой няни.... И страшны и сладки ребёнку казалися нянины сказки. ..

ПИСЬМО 15.

ОТЪ ВЛАДИКАВКАЗА ДО КАЗБЕКА.

Обманутое ожиданіе. Владикавказъ или Капкай и его укрѣпленія. Осмотръ города и городская коммерція. Кожаное вино. Осетинки. Балтинская станица и станція. Горный хрусталь съ Казбека. Станція Ларсъ. Лагерь и ожиданіе Шамиля. Дарьяльское ущелье. Собственныя и чужія впечатлѣнія. Уединенная чета. Казбекская станція. Высота и климатъ. Снѣжная вершина Казбека и высота его. Сравненіе съ Эльбрусомъ и восемь стиховъ Лермонтова. Древніе храмы на вершинѣ Казбека. Церковь Архангела Михаила. Строители въ Грузіи.

15 іюля. Владикавказъ.

Къ несчастію, мы очень счастливо совершили переѣздъ отъ Архонской станицы до Владикавказа. Да, воображеніе наше смѣло вызывало опасности, но увы! опасностей не было , а вмѣсто ихъ сырой туманъ и грязь привѣтствовали насъ въ *преддверіи горъ*, т. е. въ Капкаѣ, какъ туземцы называютъ Владикавказъ.

Капкай стоитъ на высотѣ 2233 фут. надъ поверхностью моря; онъ похожъ больше на укрѣпленную станицу большаго размѣра, чѣмъ на крѣпость въ евро-

пейскомъ значенія этого слова. За то Владикавказъ вполнѣ оправдываетъ народное свое прозваніе: «Капкай». Онъ дѣйствительно похожъ на преддверіе горъ. Вокругъ крѣпости тѣснятся горы, однѣ другихъ неприступнѣе, однѣ другихъ причудливѣе и громаднѣе, и такъ заграждаютъ южный горизонтъ, что, кажется, тутъ вотъ и конецъ дороги, и нѣтъ отсюда другаго пути, кромѣ обратнаго.

Мы прибыли сюда въ 7 часовъ пасмурнаго и дождливаго утра. Къ 9 часамъ погода разгулялась и городокъ сдѣлался какъ будто веселѣе. Заказавъ себѣ завтракъ въ очень-порядочной здѣшней гостинницѣ, я отправился осматривать городъ. Къ счастію, здѣсь существуютъ извощики, но они такъ безтолковы, что ни одинъ изъ нихъ не могъ не только удовлетворительно отвѣчать на мой вопросъ, но даже и не понималъ вопроса: что̀ есть въ городѣ замѣчательнаго или рѣдкаго?... Я удовольствовался тѣмъ, что ѣздилъ вдоль и поперегъ улицъ, считалъ бѣлыя, уютныя мазанки, очень весело выглядывающія изъ-за своихъ цвѣтущихъ палисадниковъ, и любовался акаціями огромной величины. Въ первый разъ я получилъ здѣсь понятіе объ акаціяхъ, какъ о деревьяхъ: прежде мнѣ удавалось видѣть ихъ кустарниками.... Полюбовавшись Терекомъ, который здѣсь разливается нѣсколькими рукавами, образуетъ каменистыя отмели, шумитъ по переборамъ и такъ широкъ, что похожъ болѣе на хорошую русскую рѣку, чѣмъ на свирѣпый потокъ, какимъ я представлялъ его себѣ, судя по описаніямъ нашихъ поэтовъ и путешественниковъ, я отправился въ здѣшнія лавки: эго—два

ряда маленькихъ, грязныхъ чулановъ (а по здѣшнему *духановъ*), обращенныхъ къ улицѣ и вмѣщающихъ въ себѣ всякую восточную и европейскую дрянь. Порядочныхъ вещей, въ особенности горскихъ, которыхъ я искалъ съ жадностью, здѣсь нѣтъ. Башлыки, папахи, бурки, короткошерстыя кабардинскія бурки, не привлекали меня. Покупать эти вещи на дорогѣ къ Тифлису тоже самое, что запасаться калачами и сайками, приближаясь къ Москвѣ. Въ одномъ изъ лучшихъ духановъ нашелъ я слѣдующую выставку мѣстной коммерціи: рыбу, ремни, купоросъ, бурки, финики, папахи, гвозди, горчицу и.... шампанское!... По этому образчику можете судить объ изяществѣ кавкайскихъ магазиновъ. Объ опрятности торгашей, Татаръ или Армянъ, и говорить нечего. Но вниманіе ваше съ удовольствіемъ остановится на выразительныхъ физіономіяхъ и на горскихъ костюмахъ покупателей, продолжительно и упорно торгующихся съ купцами: это горцы сосѣднихъ мирныхъ и даже не мирныхъ ауловъ....

Въ гостинницѣ дали намъ хорошихъ котлетъ и бутылку кахетинскаго вина. Вино это, при первомъ знакомствѣ съ нами, невыгодно отрекомендовало себя сильнымъ бурдючнымъ букетомъ, за что и получило отъ моего спутника прозваніе *кожанаго вина*. Впрочемъ, насъ увѣряютъ, что кахетинское вино несравненно лучше въ Грузіи, и мы не отчаяваемся за основательность громкой его репутаціи.... Мы выѣзжаемъ отсюда въ 10 часовъ.

Балтинская станица и станція,
12 3/4 ч. по полудни.

Дорога отъ Капкая идетъ узкой долиной, иногда ущельемъ между самыми тѣми горами, которыя до Капкая постоянно виднѣлись намъ вправо и отчасти влѣво отъ дороги, а теперь придвинулись съ обѣихъ сторонъ къ дорогѣ, проложенной вдоль лѣваго берега Терека. Горы одна другой выше; онѣ то лѣсисты, то голы; нѣкоторыя покрыты лишь зеленой муравой, другія тонутъ вершинами въ облакахъ. Сегодня особенно много облаковъ скопилось надъ горами; день пасмурный и солнца не видно съ самаго утра. Терекъ шумитъ по каменьямъ, разливаясь десятью рукавами; онъ здѣсь мелокъ, мутенъ, но еще довольно широкъ, хотя съ каждымъ шагомъ къ своему верховью становится у́же и у́же.

Въ пути мы встрѣтили осетинскій обозъ; на арбахъ, влекомыхъ тощими волами, нѣсколько женщинъ, между которыми есть и блондинки: это рѣдкость на Кавказѣ, хотя не рѣдкость у осетинскаго народа. Я замѣтилъ одну молоденькую дѣвушку, почти рыжую, съ живымъ, смѣющимся и хорошенькимъ личикомъ и съ необыкновенно-бѣлыми и ровными зубами. Въ нѣкоторыя арбы впряжены темно-бурые буйволы. Костюмъ осетинокъ трудно опредѣлить потому, что всѣ онѣ закрываются покрывалами, подъ которыми я замѣтилъ только лохмотья.

Подъѣзжая къ станціи, мы купили нѣсколько небольшихъ штуфовъ бѣлаго топаза или горнаго хрусталя съ

Казбека.... Осетинскіе мальчишки торгуютъ этимъ товаромъ. Они долго бѣжали за нашимъ экипажемъ, поднявъ вверхъ руки съ блестящими камешками, и наконецъ вынудили насъ остановиться и совершить покупку, чтобы не уморить одышкой этихъ малолѣтныхъ промышленниковъ, уже изнемогавшихъ отъ продолжительнаго бѣга. Мнѣ припомнились нѣкоторыя мѣстности Урала, гдѣ также мальчики промышляютъ минералами.

Станція Ларсъ. 3 часа по полудни.

Не смотря на раннее время дня, здѣсь темно какъ въ сумерки; тусклый свѣтъ сѣраго, пасмурнаго неба заслоняется громадными высотами, тѣсно облегающими старую Ларсскую крѣпость и селеніе. Облака ползаютъ очень низко, почти надъ нашими головами, и это нисколько неудивительно, если сообразить, что Ларсъ на 3300 футовъ возвышается надъ морскимъ уровнемъ. Передъ Ларсомъ долина такъ узка, что едва вмѣщаетъ въ себѣ Терекъ, да дорогу, по которой мы ѣхали и которая идетъ извилинами, огибая страшной высоты горы. Отдѣльныхъ и громадныхъ высотъ насчиталъ я до десяти; всѣ онѣ остроконечны и лѣсисты сверху; всѣ показываютъ свои слоистыя, обнаженныя, почернѣвшія ребра у подножія. Старое укрѣпленіе очень живописно своимъ мрачнымъ, угрюмымъ характеромъ, своими острыми, рѣзкими очерками. Внизу, подъ укрѣпленіемъ, нѣсколько палатокъ; ружья въ козлахъ; часовые угрюмо расхаживаютъ подъ дождемъ.

— Зачѣмъ здѣсь солдаты? спросилъ я нашего ямщика.

— Шамиль, говорятъ, гдѣ-то недалеко—былъ его лаконическій отвѣтъ, и въ то же время показалъ онъ рукою на узкій, крутой, почти отвѣсный подъёмъ въ горахъ и примолвилъ:—наши туда пошли вчера...

Дорога къ Ларсу усѣяна, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, милліонами большихъ и мелкихъ камней, округленныхъ и разбросанныхъ Терекомъ, а Терекъ, то мутно-желтый, то совершенно черный, такъ и прыгаетъ по руслу своему, такъ и реветъ, обдавая окрестность крупными брызгами....

На дорогѣ къ Казбеку.

Мы посреди знаменитаго Дарьяльскаго ущелья, и невольно воскресаетъ въ моей памяти всё, когда-то прочитанное мною въ разсказахъ нашихъ повѣствователей объ ужасающихъ красотахъ этихъ «воротъ Кавказа». Я гоню отъ себя воспоминанія, хочу безъ предубѣжденій насладиться всѣмъ, что̀ увижу, быть можетъ, чрезъ полчаса.... но *Поѣздка въ Арзерумъ* Пушкина.... но *Кавказскіе Очерки* Марлинскаго, но *Терекъ* Лермонтова напѣваются мнѣ навязчиво, и я готовъ проклинать прекрасную способность человѣка: память!

Уже и у̀же становится тѣснина, пробиваемая Терекомъ. Шумъ этого бурнаго потока отражается нависшими надъ нимъ отвѣсными скалами и, не имѣя исхода, становится оглушителенъ. Сидя въ экипажѣ, не слы-

шишь словъ своего спутника.... Терекъ—герой Дарьяльскаго ущелья! Онъ главное лицо, главный актеръ на сценѣ, для которой кулисами служатъ ужасающія каменныя громады, какъ-бы сдвигающіяся другъ съ другомъ. Если не предположить, что Терекъ есть древній виновникъ глубокой долины или ущелья, служащаго основаніемъ всей военно-грузинской дорогѣ, то нельзя и объяснить себѣ, какимъ образомъ разступились эти громады и оставили посреди себя двухсотверстный проходъ!... Порывистыя, судорожныя движенія Терека и неподвижные очерки горъ здѣсь разнообразны до безконечности: что ни шагъ, что ни новая точка зрѣнія—то новая картина, то новая группа горъ и новая горная перспектива. Но общій, величаво-угрюмый характеръ ихъ обнаруживается преимущественно вблизи дарьяльскаго моста и лангауза, или укрѣпленія. Внимательное созерцаніе всѣхъ этихъ громадныхъ картинъ угрюмо-величавой природы скоро утомляетъ зрѣніе и самое вниманіе. Углубляясь дальше въ ущелье, я встрѣчалъ такое невообразимое количество камней, разбросанныхъ Терекомъ, я видѣлъ столько отдѣльныхъ и не похожихъ другъ на друга утесовъ, что наконецъ всё это вмѣстѣ, весь этотъ шумъ, всѣ эти громадныя горы сливались для меня въ одну непонятную картину хаоса; всё это томило меня впечатлѣніемъ всеобщаго и непріятнаго безпорядка, къ которому не скоро привыкаютъ слухъ и зрѣніе, воспитанные на умѣренно-рѣзкихъ звукахъ русскаго сельскаго или городскаго быта и на прямыхъ линіяхъ плоскаго русскаго пейзажа. Почему же сначала такъ нравится эта хаотическая

природа? Не потому-ли, почему сначала понравились-бы горцу очерки плоской сѣверной равнины, залитой блестящимъ снѣгомъ?... Не потому ли еще, что всё здѣшнее ново, громадно, шумно, мрачно, а главное — неуловимо, или не скоро-уловимо для взора, который стремится, по привычкѣ, отыскать нѣчто общее, стройное въ этой картинѣ, и не находитъ его?... Однакоже я, не взирая на нѣкоторое утомленіе отъ пяти-часоваго созерцанія ужасающихъ красотъ Дарьяльскаго ущелья, могу, кажется, въ двухъ словахъ опредѣлить общій характеръ живописной стороны его. Я повторяю: природа здѣсь *величаво-угрюма*, — и болѣе ничего не могу прибавить къ объясненію моего впечатлѣнія....

Утомленныя чувства мои ищутъ болѣе свѣтлаго, болѣе широкаго горизонта. Иногда воображеніе мое пугается, и мнѣ кажется, что я окруженъ остатками разгромленной, разрушенной тюрьмы величайшаго размѣра. Такая тюрьма могла бы быть создана богами язычества для заключенія въ нее дерзкихъ Титановъ, хотѣвшихъ захватить себѣ небо,—и миѳъ о Прометеѣ, прикованномъ къ скалѣ Кавказа, невольно здѣсь припоминается. Эсхилъ передъ тѣмъ, чтобы писать свою трагедію о наказанномъ Титанѣ, и Дантъ, чтобы еще болѣе вдохновиться ужасами ада, должны были бы посѣтить Дарьяльское ущелье.

Но передавать свои впечатлѣнія еще не значитъ описывать природу, которая породила ихъ въ душѣ. Сознаюсь, я не въ состояніи отчетливо обрисовать всѣ разнообразныя части величавой картины Дарьяла, и потому любителямъ эффектныхъ описаній напомню слѣ-

дующій, вѣроятно многими позабытый, отрывокъ изъ Кавказскихъ Очерковъ Марлинскаго:

« Дико-прекрасенъ гремучій Терекъ въ Дарьяльскомъ « ущельи. Тамъ, какъ геній, черная силы изъ небесъ, « борется онъ съ природой. Индѣ свѣтелъ и прямъ, « какъ мечъ, разсѣкшій гранитную стѣну, сверкаетъ онъ « между утесами. Индѣ, чернѣя отъ гнѣва, реветъ и « роется, какъ лютый звѣрь, подъ вѣковыя громады: « отрываетъ, рушитъ, катитъ въ даль ихъ обломки. Въ « бурную ночь, когда запоздалый всадникъ, завернув- « шись въ косматую бурку, озираясь, ѣдетъ по забе- « режью, висящему надъ пучиною Терека, всѣ ужасы, « какіе только породить можетъ досужее воображеніе, « ничто въ сравненіи съ истинными, его одолѣвающими. « Съ глухимъ шумомъ крутятся дождевые потоки подъ « ногами, падаютъ на голову со скалъ, нахмуренныхъ « надъ нею, и каждый мигъ грозящихъ подавленіемъ. « Вдругъ, какъ лава, прорывается молнія, и вы съ ужасомъ « видите только черную расторгнутую тучу надъ собою, « а подъ собой зіяющую бездну, утесы по сторонамъ, и « на встрѣчу вамъ съ крутизны ревущій, прыщущій « Терекъ, осыпанный огненной пѣною. На одинъ мигъ « видите вы, какъ мутныя, буйныя волны его, словно « адскіе духи, скачутъ, прядаютъ, мечутся въ бездну « со стономъ, пораженные мечемъ Архангеловъ. Вслѣдъ « имъ съ грохотомъ катятся огромные камни. И вдругъ, « послѣ ослѣпительнаго озаренія молніи, вы опять по- « гружены въ черное море ночи, и вдругъ за тѣмъ « раздается выстрѣлъ грома, зыблющій основаніе скалъ, « будто тысячи горъ рушаются другъ на друга: такъ

«вторятъ отголоски удару небесъ. Потомъ долгій, про-
«тяжный гулъ, будто стонъ оторванныхъ съ корней
«дубовъ, или звуковъ сокрушенныхъ скалъ, или вой
«раздавленныхъ въ безднѣ великановъ, сливается съ
«шумомъ вѣтра, и вѣтеръ превращается въ ураганъ,
«и дождь низвергается ливнемъ. И снова молнія слѣ-
«питъ васъ, и снова громъ, на который отвѣчаетъ
«вдали рокотъ обваловъ, оглушаетъ.... Камни сыплются
«мимо и звучно падаютъ въ воду.... Устрашенный конь
«упирается, садится назадъ, фыркаетъ, трепещетъ,
«грива его хлещетъ въ глаза всадника, и всадникъ тво-
«ритъ невольную молитву.»

Съ бо́льшею трезвостью воображенія (виноватъ! не знаю какъ перевести французское выраженіе: avec plus de sobriété, которое такъ употребительно и на которое наткнулся я нечаянно!), съ бо́льшею осторожностью въ выборѣ красокъ, но тѣмъ не менѣе вѣрно, рисуетъ картину Дарьяла Пушкинъ, въ своемъ: «Путешествіи въ Арзерумъ.»

«Въ семи верстахъ отъ Ларса находится Дарьяль-
«скій постъ: ущелье носитъ то же имя. Скалы съ
«обѣихъ сторонъ стоятъ паралельными стѣнами. Здѣсь
«такъ узко, пишетъ одинъ путешественникъ, что не
«только видишь, но кажется чувствуешь тѣсноту. Кло-
«чокъ неба, какъ лента, синѣетъ надъ вашею головою.
«Ручьи, падающіе съ горной высоты мелкими и раз-
«брызганными струями, напоминали мнѣ похищеніе
«Ганимеда, странную картину Рембранда. Къ тому же
«и ущелье освѣщено совершенно въ его вкусѣ. Въ
«иныхъ мѣстахъ Терекъ подмываетъ самую подошву

« скалъ, и на дорогѣ, въ видѣ плотины, навалены ка-
« менья. Недалеко отъ поста мостикъ смѣло перебро-
« шенъ черезъ рѣку. На нёмъ стоишь какъ на мель-
« ницѣ. Мостикъ весь такъ и трясется, а Терекъ
« шумитъ, какъ колеса, движущія жерновъ. Противъ
« Дарьяла на крутой скалѣ видны развалины крѣпости.
« Преданіе гласитъ, что въ ней скрывалась какая-то
« царица Дарія, давшая имя свое ущелью: сказка.
« Дарьялъ на древнемъ персидскомъ языкѣ значитъ:
« ворота. По свидѣтельству Плинія, Кавказскія ворота,
« ошибочно называемые Каспійскими, находились здѣсь.
« Ущеліе замкнуто было настоящими воротами, дере-
« вянными, окованными желѣзомъ. Подъ ними, пишетъ
« Плиній, течетъ рѣка Даріодорисъ. Тутъ была воз-
« двигнута и крѣпость для удержанія набѣговъ дикихъ
« племенъ, и проч. »

Въ настоящее время дарьяльскій мостикъ, описанный Пушкинымъ, превратился въ прекрасный гранитный мостъ, заложенный въ 1850 году, въ присутствіи Государя Императора (тогда еще Наслѣдника-Цесаревича), и оконченъ въ 1852 году, какъ гласятъ двѣ золотыя надписи на двухъ боковыхъ наружныхъ сторонахъ моста. Тамъ-же, гдѣ во время Пушкина былъ постъ, — теперь огромное укрѣпленіе прекрасной архитектуры, грозное и мрачное, какъ и гранитный дарьяльскій мостъ какъ и окрестная природа.

Древнее дарьяльское укрѣпленіе тутъ-же молчаливо дремлетъ на одной изъ высотъ; ничего не говоритъ оно путешественнику ни о своемъ времени, ни о своихъ

обитателяхъ; но невольно напоминаетъ сладострастную и таинственную Тамару Лермонтова и его балладу:

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Высокая башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ . . . .

Дарьяльское укрѣпленіе, или, какъ здѣсь говорятъ, лангаузъ, обнесено высокой гранитной стѣною. У воротъ укрѣпленія я видѣлъ на скамеечкѣ сидящую чету, мужчину среднихъ лѣтъ и молодую женщину. Первый былъ офицеръ, вѣроятно, начальникъ укрѣпленія; вѣроятно также, что съ нимъ была жена или сестра его, и наконецъ не менѣе вѣроятно, что сидѣнье ихъ за воротами укрѣпленія, въ созерцаніи грозныхъ окрестностей, составляетъ собою единственное развлеченіе ихъ однообразной, затворнической жизни на высотѣ 3700 футовъ надъ уровнемъ моря и посреди всѣхъ ужасовъ хаотической природы.

6½ ч. пополудни. Станція Казбекъ.

Постоянно, хотя и незамѣтно, поднимаясь по одной дорогѣ, мы очутились уже на высотѣ 6362 футовъ надъ поверхностью моря. Здѣсь вѣетъ сыростью и холодомъ русскаго сѣвера; около Владикавказа я видѣлъ жатву пшеницы, а здѣсь еще не дозрѣла рожь. Казбекская станція, расположенная въ виду исполинской высоты Казбека, и на краю небольшаго селенія, принадлежащаго князю того-же имени, построена параллелограмомъ, посреди высокихъ стѣнъ и съ окнами, обращенными во дворъ. Это что-то въ родѣ крошеч-

ной крѣпости. Во дворѣ, противъ нашихъ оконъ, часовой ходитъ около пушки порядочнаго калибра. Все это весьма успокоительно, и здѣсь, кажется, можно переночевать спокойно, тѣмъ болѣе, что въ станціонныхъ комнаткахъ очень опрятно; а красивая мебель изъ карагачеваго дерева располагаетъ насъ къ желанію отдохнуть на ней, если только миніатюрные, но злые комнатные горцы,—блохи, разсѣянныя въ неимовѣрномъ количествѣ по всему Кавказу, не сдѣлаютъ на насъ ночнаго нападенія.

Гора Казбекъ вся въ туманѣ, также какъ и другія снѣжныя горы, ближайшія къ станціи. Вы помните о моихъ впечатлѣніяхъ при видѣ снѣжнаго хребта изъ Пятигорска.... Судите-же о моемъ нетерпѣніи увидѣть ихъ вблизи, теперь, когда я достигъ ихъ подножія!... Но облака и туманъ непроницаемой завѣсой покрываютъ снѣжныя вершины, и созерцаніе новой картины должно быть отложено до завтрашняго утра.

14 іюля, 6½ ч. утра.

Съ радостью вижу изъ моихъ оконъ прояснившееся небо, одѣваюсь и бѣгу смотрѣть на высоту Казбека. Въ долинѣ еще лежитъ тѣнь, но Казбекъ, покрытый нетающимъ снѣгомъ, уже ярко освѣщенъ солнцемъ, скрытымъ отъ насъ за ближней горою. Изъ трехъ зелено-сѣрыхъ высотъ, устремляется къ небу четвертая, коническая и блестящая ослѣпительной бѣлизною своей снѣжной одежды: это гора Казбекъ. Вершина Казбека достигаетъ 16553 футовъ абсолютной высоты. Она прекрасна своей абсолютной-же бѣлизной, своимъ при-

хотливымъ и исполинскимъ очеркомъ; но Эльбрусъ, видимый изъ Пятигорска, кажется величественнѣе и поразительнѣе, быть можетъ отъ того, что Эльбрусъ виденъ весь, отдѣльно отъ другихъ горъ, и во всей чистотѣ своего контура, а Казбекъ окруженъ другими горами, заслоняющими его; при томъ же мы на него смотримъ съ высоты 6000 футовъ, слѣдовательно надъ нами онъ возвышается только на 10,000 фут., тогда какъ Эльбрусъ только выигрываетъ отъ сосѣднихъ горъ—пигмеевъ, и всей своей снѣжной массой широко рисуется по небу....

Здѣсь все тихо кругомъ, все покорно русскому оружію, — и потому здѣсь дѣлаются понятны стихи Лермонтова:

Берегись, сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ (*),
Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ . . . .

Эльбрусъ, или Шатъ, имѣлъ право такъ говорить Казбеку, потому-что Эльбрусъ окруженъ племенами, доселѣ непокорными намъ, или отличающимися ненадежною покорностью.

Не безъ основанія также говоритъ поэтъ далѣе, въ томъ же стихотвореніи:

И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая *мѣдь* и *злато*,
Врѣжетъ страшный путь.

(*) Эльбрусъ.

Я увѣренъ, что не случайно здѣсь говорится о золотѣ и мѣди Казбека. Мысль о нихъ могла быть задана поэту казбекскими Осетинами, которые здѣсь находятъ и продаютъ проѣзжающимъ блестящіе кусочки мѣднаго колчедана.... Для неглубокаго минералога колчеданъ могъ показаться золотою или мѣдною рудою!...

На одной изъ высотъ, сосѣднихъ главной вершинѣ Казбека, живописно рисуется древній христіанскій храмъ во имя Св. Стефана, по-грузински называемый Степанъ-Цминда. Два-три раза въ годъ тамъ совершается литургія. Показываютъ еще развалины грузинскихъ храмовъ на самой вершинѣ Казбека, въ области облаковъ и вѣчнаго снѣга. Вблизи же Казбекской станціи красуется маленькое архитектурное совершенство: это небольшая церковь, или часовня, во имя Св. Архангела Михаила, весьма не древней, но чрезвычайно-изящной постройки. Вся она, отъ основъ до крыши, сложена изъ гранитныхъ плитъ, скрѣпленныхъ чернымъ цементомъ. Отлогости кровли выложены также тесаными гранитными плитами. Карнизы и выпуклые арабески вокругъ оконъ очевидно стоили огромнаго труда каменосѣчцамъ. Особенно же замѣчателенъ превосходный, большой арабескъ, въ видѣ вычурно-переплетающагося двойнаго шнура. Вокругъ главной двери изсѣчены рельефно на стѣнѣ два пса, привязанные цѣпями къ кольцамъ. Надъ самымъ входомъ въ церковь вырѣзано глубоко и четко слѣдующее:

«1809 года, Іюня мѣсяца, во славу Святыя Живо-«творящія Троицы, построенъ храмъ сей во имя Свя-

«таго Архангела Михаила, подполковникомъ Гаврилою «Дмитріевымъ сыномъ Казибекомъ.»

А съ лѣвой стороны, на маленькой бѣлой мраморной дощечкѣ, изображено:

«Церковь сія заложена 1809 года и окончена внѣш-«нимъ и внутреннимъ украшеніемъ 1814 года, стара-«ніемъ и иждивеніемъ генералъ-маіора Ивана Дмитріе-«вича Казибека.»

На вопросъ: по какому рисунку, какой художникъ созидалъ этотъ храмъ, — тутъ-же готовъ и живой отвѣтъ: простой каменьщикъ-Грузинъ выкладываетъ изъ гранитныхъ плитъ, которыя самъ же и тешетъ, преддверіе храма, въ видѣ часовни и въ стилѣ самой церкви: прелесть! Что̀ за вкусъ, что за тщательная работа! Каждый камень, какъ будто листокъ изящнаго альбома, подклеиваемый осторожною рукою переплетчика, — бережно укладывается около сосѣдняго камня, и опрятно соединяется съ нимъ цементомъ, который здѣсь черенъ отъ чернаго мѣстнаго песку, выбрасываемаго Терекомъ на берега.

— А по какому рисунку строилась церковь? спросилъ я строителя.

— Въ то время анджинеровъ (то-есть инженеровъ) не было,—отвѣчалъ мнѣ Грузинъ,—такъ и рисунковъ ни было.

Такой отвѣтъ наводитъ на мысль, что въ Грузіи, гдѣ разсѣяно множество архитектурныхъ памятниковъ, планы зданій передавались изустнымъ преданіемъ, или рисовались не на бумагѣ, а въ головѣ, и немедленно осуществлялись на дѣлѣ. Это были архитектурныя

импровизаціи.... Если же и несправедливо такое предположеніе, то все-таки должно признать, что отлично-хороши строители въ Грузіи, что чувство архитектурной красоты здѣсь развито до значительной степени....

ПИСЬМО 16-е.

ОТЪ КАЗБЕКА ДО ТИФЛИСА.

Аулы. Стада. Пастухи. Милиція. Желѣзнокислые источники. Ст. Коби. Осетинскій сыръ. Крестовая и Гудъ-гора. Горный перевалъ. Мѣсто обваловъ. Еще минеральный источникъ. Крестъ на Крестовой горѣ. Чортова долина. Переходъ къ другой природѣ. Кайшаурская долина. Ст. Пасанауръ. Ночная гроза и разрушеніе дороги. Двѣ системы для поддержанія дорогъ. Арбы. Буйволы и десятичасовой переѣздъ девяти-верстнаго разстоянія. Ананауръ и послѣдній ночлегъ въ Душетѣ.

14 іюля, 10 ч. утра. Станція Коби.

Отъ Казбека дорога продолжаетъ извиваться по долинѣ, образуемой Терекомъ, который здѣсь не бушуетъ и не стонетъ, какъ въ Дарьяльскомъ ущельи. Самая долина здѣсь шире, свѣта въ ней больше, и мѣстоположеніе менѣе угрюмо. На высотахъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, лѣпятся осетинскіе или грузинскіе аулы, очень живописные и очень похожіе на развалины укрѣпленій. Снизу, то-есть отъ долины, взоръ не видитъ плоскихъ крышъ надъ каменными саклями, сложенными безъ цемента, изъ черныхъ плитъ или изъ неотёсанныхъ осколковъ. Во всякомъ аулѣ непремѣнно есть хоть одна башня. Видно, что все это воздвигалось для войны, или вслѣдствіе войны, а въ настоящее

время служитъ превосходной принадлежностью мрачному пейзажу. Если время когда нибудь разрушитъ эти каменныя людскія гнѣзда, мѣстность потеряетъ въ живописномъ отношеніи. Другая, не менѣе живописная принадлежность здѣшняго пейзажа,—это стада козъ и овецъ, бродящихъ по высотамъ, подъ присмотромъ оборваннаго, но всегда вооруженнаго пастуха-Осетина или Грузина. Что-то дикое, что-то первобытное и унылотрогательное навѣвается здѣшними горными картинами на душу путешественника, всмотрѣвшагося въ бѣдный воинственно-пастушескій бытъ туземцевъ.... Намъ встрѣтилась осетинская милиція: толпа изъ двух-сотъ человѣкъ, по обязанности присяги и службы, идетъ въ Капкай, то-есть Владикавказъ, чтобы тамъ войти въ составъ отряда, выступающаго противъ Шамиля. Осетины идутъ не торопясь; располагаются около дороги *на привалъ* и составляютъ группы, неоцѣненныя для умнаго живописца.

Не доѣзжая до ст. Коби, влѣво отъ дороги, можно видѣть три источника желѣзно-кислаго свойства. Они въ первобытномъ состояніи и, какъ необразованное дарованіе, не обращаютъ на себя ни чьего вниманія. Только мѣстные жители пользуются ихъ цѣлебной водою, и увѣряютъ, что она очень полезна противъ мѣстныхъ лихорадокъ. Вкусъ здѣшнихъ минеральныхъ водъ показался мнѣ очень пріятнымъ и напомнилъ нардзанскую воду Кисловодска. Незасмоленная пробка не можетъ удержать въ бутылкѣ здѣшнюю воду, преисполненную газомъ. Натуральные бассейны около источниковъ покрыты красной охрой, или осадками же-

лѣзистыхъ частей воды. Одинъ изъ бассейновъ такъ великъ, что можетъ помѣстить въ себѣ человѣка, который пожелалъ-бы въ немъ выкупаться. Ключи стремительно выбѣгаютъ изъ подошвы утеса, и чистой, прозрачной струей бьютъ вверхъ на нѣсколько дюймовъ.... По увѣренію ямщика, за станціей Коби есть еще точно такой же источникъ, только еще болѣе изобилующій водою и еще болѣе насыщенный газомъ, который на языкѣ бородатаго разскащика называется *иголками*.

Коби — хорошенькая станція въ широкой долинѣ. Здѣсь вздумали мы позавтракать и познакомились съ осетинскимъ овечьимъ сыромъ, который былъ-бы очень не дуренъ, если-бы только въ немъ было по меньше соли. Сыръ, разумѣется, возбудилъ въ насъ жажду,— и потому за сыромъ мы пили снова кахетинское вино и нашли, что оно здѣсь еще не лучше кавкайскаго. За фунтъ сыру и за бутылку вина мы заплатили 20 копѣекъ: avis aux économistes.

Отъ Коби Терекъ скрывается отъ глазъ путешественника. Здѣсь появляется Байдарка, не широкая и не глубокая рѣка, по правому берегу которой лежитъ нашъ дальнѣйшій путь въ горы.

4 ч. пополудни. Станція Кайшауръ.

Дорога отъ Коби чрезвычайно плоха. Надо употребить $4^1/_2$ часа, чтобы миновать $16^1/_2$ верстъ, а колеса экипажа вязнутъ въ мелкихъ каменьяхъ, покрывающихъ весь путь. Окрестности представляютъ какой-то хаосъ. Крестовая, а за нею Гудъ-гора,—высочайшія точки на всей военно-грузинской дорогѣ, — служатъ

ей переваломъ: отсюда начинается спускъ въ знаменитую Кайшаурскую долину. Около Крестовой горы стоитъ домикъ, замѣчательный по своему назначенію: здѣсь живутъ сторожа, обязанные звонить въ большой колоколъ, для предупрежденія путешественниковъ во время снѣжныхъ обваловъ. Я замѣтилъ безчисленное множество мелкихъ каменьевъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обыкновенно проходятъ обвалы. Здѣсь-же, кажется, и запасный резервуаръ для ближайшихъ кавказскихъ рѣкъ: такъ много здѣсь большихъ и малыхъ потоковъ, шумящихъ около дороги или перерѣзывающихъ ее. У подошвы Крестовой горы замѣчателенъ потокъ или, вѣрнѣе, тончайшій слой воды, покрывающій собою отлогій скатъ на нѣсколько десятковъ квадратныхъ сажень, вплоть до дороги и черезъ дорогу до самой р. Байдарки. Этотъ потокъ образуется изъ минеральныхъ ключей, раждающихся гдѣ-то у вершины горы. Весь горный скатъ, по которому тонкимъ слоемъ протекаетъ потокъ, окрашенъ въ желтую краску: это осадки минеральныхъ частицъ потока; они крѣпко пристаютъ къ камнямъ и растеніямъ, образуютъ накипи странныхъ формъ и часто такимъ образомъ какая-нибудь соломенка, былинка, или древесный листокъ, служатъ основаніемъ минеральнаго штуфа значительной величины и самаго причудливаго вида.

На вершинѣ Крестовой горы воздвигнутъ каменный крестъ, съ надписью:

«Во славу Бога,
«въ управленіе Грузіею Генерала-отъ-Инфантеріи Ер-
«молова, управляющій горскими народами маіоръ Давыдъ
«Кананов, 1824 г.»

По минованіи Крестовой горы, намъ предстояло совершить подъёмъ по узкой и обрывистой дорогѣ на Гудъ-Гору. Въ этомъ мѣстѣ не всѣ путешественники рѣшаются оставаться въ своихъ экипажахъ. По правую сторону дороги такой крутой обрывъ, и въ такую глубокую пропасть, что я никому не совѣтовалъ бы долго оставаться здѣсь для созерцанія величественной и ужасающей окрестности. Дно пропасти называется Чортовой-долиной, зеленѣетъ пышно растительностью и перерѣзывается бѣлой лентой Арагвы, которая течетъ не на встрѣчу, а по пути намъ, и тѣмъ подтверждаетъ мою догадку о началѣ раздѣла водъ и горнаго перевала съ Гудъ-горы и Крестовой.

7½ ч. Станція Пасанауръ.

Нѣтъ ничего милѣе, нѣтъ ничего отраднѣе для взора, утомленнаго картинами хаотической природы, какъ дорога отъ Кайшаура до здѣшней станціи.... Путь тянется вдоль праваго берега Арагвы, по такъ-называемой Кайшаурской долинѣ. Арагва не бѣснуется, не брызгаетъ грязью, какъ Терекъ, но игриво шумитъ по переборамъ и покрываетъ ихъ бѣлою пѣной; по обѣимъ сторонамъ долины горы громадны, но не голы, какъ всѣ прежнія, а покрыты кудрявымъ лѣсомъ, кустарникомъ и зеленѣющими хлѣбными всходами, между которыми очень часто встрѣчаются маленькіе грузинскіе аулы. Каждый аулъ лѣпится на скатѣ горы и каждый до половины спрятанъ между деревьями. Дорога гладка, часто осѣняется вѣковыми дубами, ясенями и орѣховыми деревьями. Изъ ауловъ тянутся тропинки къ

Арагвѣ и.... не достаетъ только хорошенькихъ Тамаръ съ звонкими кувшинами на плечахъ, когда онѣ, по словамъ ихъ поэта,

«Къ Арагвѣ ходятъ за водой.»

Вообще чрезвычайно быстръ и поразителенъ переходъ отъ картинъ разрушенія, неустройства и пустынной суровости, встрѣчаемыхъ путешественникомъ до Кайшаурской станціи, къ картинамъ зеленѣющей, населенной и оживленной Кайшаурской долины. Я невольно вспомнилъ поэтическаго артиллериста, пятигорскаго моего знакомца, и великолѣпное его сравненіе Кайшаурской долины съ объятіями плѣнительной женщины, ласково встрѣчающими путешественника при выходѣ его изъ адскихъ трущобъ Дарьяла.

Въ самомѣ дѣлѣ, замѣчательно то удовольствіе, которое вкушаетъ путешественникъ при видѣ оживленныхъ, цвѣтущихъ пейзажей населеннаго края, послѣ слишкомъ сухихъ, слишкомъ безрадостныхъ видовъ дороги до Гутъ-горы включительно! Замѣчательно, что такъ скоро, въ какіе-нибудь 24 часа, взоръ и вниманіе совершенно утомляются зрѣлищемъ хаоса, такъ сильно и такъ недавно нравившагося имъ, и уже рады отдохнуть на болѣе *мирномъ* зрѣлищѣ!...

10 ч. утра, 16 іюля.

Мы все еще въ Пасанаурѣ; въ ночь съ 14 на 15 число, въ то самое время, когда мы благополучно отдыхали на станціонномъ ночлегѣ и даже не слышали грозныхъ звуковъ ночной бури,—эта буря много бѣд-

ствій совершила на протяженіи военно-грузинскаго тракта. Разбушевалась скромная Арагва, снесла всѣ мосты, а на пути къ Ананауру подмыла береговую дорогу и совершенно оторвала ее отъ утеса. На Черной рѣчкѣ, въ полу-верстѣ отсюда, повреждена, говорятъ, каменная церковь. Терекъ былъ, конечно, въ десятеро свирѣпѣе скромной, въ сравненіи съ нимъ, Арагвы. Говорятъ, что около Казбека онъ оторвалъ и опрокинулъ цѣлую скалу, а въ Дарьяльскомъ ущельи разрушилъ тотъ великолѣпный и казавшійся намъ вѣковѣчнымъ мостъ, о которомъ я писалъ къ вамъ въ предъидущемъ письмѣ.

Такимъ образомъ мы въ Пасанаурѣ, какъ въ западнѣ: ни къ Тифлису, ни въ обратный путь нѣтъ для насъ дороги, и мы на неопредѣленный срокъ дѣлаемся *кавказскими плѣнниками*. Всякій порядочный туристъ долженъ спокойно принимать всѣ неожиданности путешествія и умѣть пользоваться полезною или пріятною стороною каждаго случайнаго положенія; на этомъ основаніи и мы покоряемся нашей участи и будемъ знакомиться съ достопримѣчательностями Пасанаура.

4 ч. пополудни.

Пасанауръ—мѣсто замѣчательное; онъ обладаетъ гарнизономъ человѣкъ изъ 50-ти, квартирой дистанціоннаго начальника корпуса путей сообщенія и нѣсколькими духанами, то-есть туземными магазинами, въ которыхъ также легко можно найти свиное сало и грецкіе орѣхи, какъ швейцарскій сыръ и шампанское, до-

ставляемое сюда чрезъ Стамбулъ и Тифлисъ и продающееся не дороже 3 и $3^1/_2$ р. с. за бутылку. Четыре стороны свѣта закрыты отъ Пасанаура высокими горами, окружающими его отовсюду.

6 ч. пополудни.

Продолжительность нашего заключенія въ Пасанаурѣ зависитъ всего болѣе отъ погоды. Если прекратится дождь, тогда обмелѣетъ Арагва и чрезъ нее переправятся къ намъ изъ ближнихъ ауловъ Осетины съ своими буйволами и *арбами,* то-есть такими двухъколесными экипажами, которые одни въ состояніи пуститься прямо по горамъ и, минуя разрушенную дорогу, перевести на себѣ насъ и наши экипажи до слѣдующей станціи. Но все пасанаурское небо покрыто густыми тучами и обильный дождь не перестаетъ поддерживать Арагву въ ея непроходимомъ полноводіи.

Сейчасъ пробрался сюда кое-какъ, верхомъ и пѣшкомъ, со стороны Кайшаура, какой-то офицеръ и разсказываетъ, что на всѣхъ станціяхъ есть задержанные, какъ и мы, путешественники; что они во всемъ нуждаются и принуждены платить баснословныя цѣны за самые неприхотливые жизненные припасы.

Офицеры и команда корпуса путей сообщенія дѣятельно занимаются изслѣдованіемъ поврежденій дороги и, къ ужасу нашему, увѣряютъ, что дорога не можетъ быть исправлена ранѣе трехъ-недѣльнаго срока; что тяжелыя почты будутъ оставаться на тѣхъ станціяхъ, гдѣ ихъ застигла гроза; что легкія почты и эстафеты будутъ вынуждены отправляться на вьюкахъ,

а курьеры верхомъ, и наконецъ, что мы должны возложить всю нашу надежду на грузинскія арбы.

— И часто здѣсь бываютъ подобные случаи? спросилъ я у одного изъ офицеровъ.

— Да не рѣдко, отвѣчалъ онъ.

— Но неужели нѣтъ возможности предупредить эти несчастія?

— Возможность есть, но она обойдется очень дорого; теперь мы слѣдуемъ системѣ поддержанія сообщенія, то-есть постоянно поправляемъ все, что̀ разрушаетъ природа; для совершенной же нашей побѣды надъ природою, здѣсь слѣдовало-бы устроить путь по системѣ углубленія въ горы, то-есть совершенно устранить его отъ вліянія бурныхъ и перемѣнчивыхъ рѣкъ; но, повторяю, издержка была бы слишкомъ значительна.

Г. Душетъ, 18 іюля, 8 ч. вечера.

Вчера вечеромъ пробрались изъ-за Арагвы въ Пасанауръ столь нетерпѣливо ожидаемыя нами арбы, съ ихъ хозяевами—Грузинами и буйволами. Они согласились за 50 р. с. вывести насъ на уцѣлѣвшую дорогу къ Ананауру и сегодня съ 5 часовъ утра началось наше *живописное* путешествіе. Экипажи наши разобраны и уложены на арбы; мы сами, верхомъ на лошадяхъ, тронулись за арбами; двадцать человѣкъ солдатъ изъ пасанаурскаго гарнизона, вслѣдствіе обязательнаго распоряженія своего начальства, конвоировали насъ. Поѣздъ тянулся шагомъ чрезъ огромныя промоины, обрывы и камни, нанесенные разливомъ Араг-

вы. Съ необыкновеннымъ трудомъ переправлялись арбы. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ прекращалась дорога, уничтоженная грозою, намъ предстояло подняться прямо на крутую гору, на которой не было до сихъ поръ и тропинокъ. Такой подвигъ казался намъ невозможнымъ; но Грузины дикими голосами стали кричать на своихъ буйволовъ, не менѣе дикими голосами замычали буйволы и, припавъ на переднія колѣна, къ величайшему изумленію нашему, поползли на гору. Невозможно описать всѣхъ подробностей нашего труднаго путешествія до какого-то духана, стоящаго на 9-й верстѣ за Пасанауромъ; достаточно будетъ сказать, что это девятиверстное пространство, при величайшихъ усиліяхъ 12 буйволовъ и 20 человѣкъ солдатъ, мы совершили въ теченіе 10-ти часовъ.

Отъ духана, въ которомъ мы пообѣдали превосходнымъ шашлыкомъ и свѣжими огурцами и расплатились съ владѣльцами буйволовъ и съ услужливыми пасанаурскими солдатами, мы поѣхали въ Ананурь по уцѣлѣвшей здѣсь дорогѣ и на почтовыхъ лошадяхъ, взятыхъ нами съ пасанаурской станціи. Эта остальная дорога до Ананура усѣяна удивительными орѣшниками, яблонями и грушами. Страна принимаетъ болѣе и болѣе земледѣльческій характеръ, особенно между Ананауромъ и Душетомъ. Здѣсь на поляхъ часто встрѣчаются буйволы, впряженные въ огромные плуги. Въ Ананурѣ замѣчательны живописные остатки древняго укрѣпленія и церкви. Съ приближеніемъ къ Душету часто попадаются деревушки; дома въ нихъ или щеголяютъ террасами, или бѣдно выглядываютъ изъ-подъ соломенныхъ крышъ.

Душетъ—маленькій городокъ подъ горою; здѣсь встрѣтилъ я красивыя типы; но черноглазыя и крикливыя женщины, вяжущія чулки на порогахъ своихъ домовъ, мгновенно перенесли меня въ одинъ изъ еврейскихъ городковъ нашей Бѣлоруссіи; а сейчасъ, передъ окномъ моимъ, совершилась довольно забавная и характеристическая сцена: русскій ямщикъ, 20-ти-лѣтній парень, обидѣлъ маленькаго 10-ти-лѣтняго Грузина; мальчикъ не побѣжалъ отъ обидчика, но отважно остановился передъ нимъ и со словами: «смотри ты, смотри!» грозно поднялъ свой кулачекъ. Русскій парень хоть и засмѣялся, но отошелъ прочь, не желая связываться съ воинственнымъ ребенкомъ.

Мы очень утомлены труднымъ переѣздомъ 30-ти-верстнаго разстоянія отъ Пасанаура, и потому здѣсь располагаемся на ночлегъ. До Тифлиса остается два переѣзда, слѣдовательно завтра мы будемъ въ Тифлисѣ.

ПИСЬМО 17-е.

ЛѢТНІЙ ДЕНЬ ВЪ ТИФЛИСѢ, ИЛИ ТИФЛИСЪ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Нѣкоторыя размышленія о путевыхъ запискахъ. Тайна ихъ занимательности. Начало тифлисскаго дня. Ключи и тулухи. Раздѣленіе города. Крики, заклинанія и непрерывный шумъ. Армянскій базаръ. Арбы и буйволы. Постройки и каменщики. Тифлисскій муша. Ослы. Счастливѣйшіе изъ трудящихся. Пушка—вѣстница полудня. Мосты на Курѣ. Предмѣстіе Куки. Домикъ и садъ въ Кукахъ. Видъ съ крыши. Значеніе крыши въ жизни туземцевъ. Ошибка поэта. Наступленіе ночи и зурна. Ночь.

6 августа.

Чтобы основательно познакомиться съ краемъ, съ городомъ, съ какою-бы то ни было мѣстностію, надобно узнать ихъ статистику, топографію и исторію. Но чтобы понять то общее впечатлѣніе, которое составляется въ душѣ путешественника при первомъ его знакомствѣ со всѣмъ тѣмъ, что образуетъ внѣшній характеръ мѣстности и ея отличительныя особенности, для этого, мнѣ кажется, не нужно изучать ни исторіи, ни статистики мѣста. Для этого совершенно достаточно прочесть вѣрный и какъ можно болѣе подробный перечень тѣхъ отличительныхъ явленій, которыя, по новизнѣ своей, бросились въ глаза заѣзжему, остановили на себѣ его вниманіе, какъ явленія, имъ прежде невиданныя, и заставили его взяться за перо или карандашъ, чтобы отмѣтить ихъ въ своемъ дорожномъ журналѣ. Такого рода перечень и такія отмѣтки, кажется мнѣ, даже полнѣе возсоздадутъ образъ мѣстно-

сти въ воображеніи читателя, вовсе незнакомаго съ нею; онѣ быстрѣе перенесутъ его въ описываемую страну, чѣмъ самая добросовѣстная ея статистика.

Въ этомъ состоитъ тайна занимательности дѣльныхъ путевыхъ записокъ. Съ другой стороны, если разсмотримъ вопросъ: какія именно записки должны имѣть наибольшую занимательность? мы увидимъ, что именно тѣ изъ нихъ интереснѣе, которыя писались непосредственно при воззрѣніи на новые предметы, или немедленно послѣ воззрѣнія на нихъ, когда впечатлѣніе новизны еще не утратило своей силы и свѣжести, и когда ни одна изъ подробностей видѣннаго не успѣла еще полинять или совсѣмъ стереться на tabula rasa нашей памяти. Подробности — великое дѣло въ описаніи! Вальтеръ-Скоттъ, говорятъ, имѣлъ у себя особый альбомъ, въ которомъ не карандашемъ рисовалъ правившіеся ему пейзажи или мѣстности, но перомъ записывалъ съ натуры всѣ, какъ самыя ничтожныя, такъ и самыя отличительнѣйшія ихъ принадлежности: великій описатель понималъ, что вѣрный снимокъ съ живой природы болѣе говоритъ воображенію, чѣмъ самое удачное ея возсозданіе творческою изобрѣтательностью автора.

Пишущій эти строки, изъѣздивъ вдоль и поперегъ нашу великую Русь, самъ на себѣ неоднократно испыталъ, что́ значитъ вдохновительная сила первыхъ впечатлѣній при видѣ новой мѣстности! Что видишь вновь,—то такъ-бы вотъ и записалъ, такъ-бы и разсказалъ кому-нибудь; всѣ новые предметы являются столь интересными, столь преисполненными самобытнаго

характера и любопытныхъ свойствъ, что, кажется, воображенію зрителя не стоитъ никакого труда запечатлѣть ихъ въ себѣ навсегда. Но обживешься среди этихъ самыхъ предметовъ, приглядишься къ нимъ, и нерѣдко съ силою ихъ новизны исчезаетъ вмѣстѣ и способность видѣть въ нихъ что-нибудь достойное описанія! Надобно имѣть очень сильное и памятливое, если можно такъ выразиться, воображеніе, чтобы оно долго не разлучалось съ первыми полученными имъ впечатлѣніями во всей ихъ свѣжести.

Всѣ эти замѣчанія были бы гораздо умѣстнѣе въ началѣ моихъ записокъ, которыя, кстати сказать, всѣ отъ первой до послѣдней строки писались и пишутся по первымъ, живѣйшимъ впечатлѣніямъ, *по горячему слѣду* воображенія; но онѣ какъ-то забывались мною до сихъ поръ, и только теперь, когда я вижу вдругъ столько новаго, когда я окруженъ цѣлымъ новымъ міромъ, онѣ пришли мнѣ на память, быть можетъ потому, что предполагая остаться на продолжительное время въ Тифлисѣ, я боюсь, чтобы вскорѣ не свыкнуться мнѣ со всѣмъ тѣмъ, что теперь для меня ново; боюсь, чтобы не повторилось со мною прежде-бывалое явленіе, то-есть, чтобы впослѣдствіи, когда, быть можетъ, прекрасно узнаю я и исторію и статистику Тифлиса, не потеряли въ глазахъ моихъ своей отличительной и рѣзкой выпуклости тѣ черты города, на которыя теперь смотрю я съ любопытствомъ и удовольствіемъ путешественника, впервые созерцающаго ихъ.

Останавливаюсь на этихъ размышленіяхъ и начинаю простой, безъискусственный разсказъ о томъ, что у меня передъ глазами.

Передъ глазами моими тихая, теплая тифлисская ночь, о которой я, однако, не скажу пока ни слова, потому-что передъ этой ночью прошелъ длинный, знойный, шумный, яркій тифлисскій день: ему, по старшинству времени, надобно дать и первое мѣсто въ разсказѣ.

Лѣтній тифлисскій день начинается съ трехъ часовъ пополуночи. Солнце скрываетъ свой дискъ за окрестными горами, но свѣтъ уже льется въ городскую долину съ восточныхъ возвышенностей. Съ минутой начинающейся дѣятельности свѣтила, начинается и дѣятельность людей. Около фонтановъ и источниковъ, обдѣланныхъ въ гранитъ или плитный камень, сходится рабочій или бѣдный народъ. Отъ Куры, раздѣляющей городъ на двѣ части, поднимаются вьючныя, большею частію старыя лошади. Вы спрашиваете, что заключается въ ихъ вьюкахъ, и сами находите отвѣтъ въ капляхъ или даже струяхъ воды, просачивающейся сквозь кожаные мѣшки: это *тулухи*, или мѣстные снаряды для снабженія города водою; ключевой воды недостаточно для всего городскаго населенія, да она и не хороша въ употребленіи. Въ четвертомъ часу просыпается дѣятельность повсюду, и солнце уже не посредствомъ предвѣстницы своей — зари, а собственнымъ ликомъ своимъ начинаетъ озарять городъ.

Чтобы удобнѣе слѣдить за теченіемъ жизни лѣтняго тифлисскаго дня, надобно раздѣлить на части самый

городъ. Главное подраздѣленіе—между восточнымъ, или старымъ городомъ, вмѣщающимъ въ себѣ все Грузино-Армянское населеніе, и городомъ новымъ, или европейскимъ, группирующимся около дома Намѣстника Кавказскаго и обитаемымъ лицами высшей тифлисской администраціи. Наконецъ, нельзя не назвать Авлабаръ и Куки, то-есть тѣ отдаленныя части города, которыя какъ-разъ противолежатъ новому городу, но отброшены за р. Куру и соединяются съ городомъ тремя мостами: двумя деревянными и, болѣе прочнымъ, каменнымъ. Эта послѣдняя часть города, то-есть Куки, оканчивается колоніей, въ которой поселены Нѣмцы.

Въ четвертомъ часу утра западный или европейскій городъ еще спитъ. Жизнь пробуждается въ восточномъ городѣ, и пробуждается прежде всего криками или закликиваніями только-что проснувшихся торгашей армянскаго базара и другихъ смежныхъ съ нимъ торжищъ этой части города. Пронзительнымъ и какимъ-то носовымъ голосомъ кричатъ мальчики, находящіеся при овощныхъ, фруктовыхъ, мясныхъ, желѣзныхъ и прочихъ лавкахъ, — и очевидно кричатъ по обязанности, за плату, и съ той цѣлію, чтобы зазвать къ себѣ лишняго покупателя. Этотъ крикъ, вмѣстѣ съ такимъ же носовымъ, гнусливымъ крикомъ погонщиковъ вьючныхъ верблюдовъ, ословъ, или буйволовъ (которыхъ здѣшній русскій народъ называетъ буйлами, отъ слова буйло, «одинъ буйло» и т. д.), съ непремѣнно-громкимъ разговоромъ всѣхъ встрѣчающихся между собою—составляетъ тотъ необузданный городской шумъ, къ которому долго не можетъ привыкнуть ухо заѣзжаго путе-

шественника, но который, однакожъ, несомнѣнно придаетъ городу много жизни, и какой-то откровенный характеръ. Нельзя не упомянуть о самыхъ шумныхъ участникахъ въ этомъ всеобщемъ городскомъ шумѣ,— о тифлисскихъ мальчишкахъ... Нигдѣ на Руси не встрѣчалъ я такого множества дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ, и дѣтей, столько приближающихся къ знаменитому парижскому типу гамéновъ (les gamins de Paris), какъ въ Тифлисѣ.

Отъ того-ли, что здѣшніе мальчишки не ходятъ въ школы и потому совершенно праздны; отъ того-ли, что природа одарила ихъ необыкновенной живостью характера и сильными голосами, а дурной присмотръ отцевъ и матерей,—большою свободой и наглостью; отъ того-ли, наконецъ, что просто ихъ очень много въ Тифлисѣ, только я не видѣлъ здѣсь ни перекрестка, ни лавки, ни улицы, ни крыши дома, ни берега рѣки, ни площади, ни ключеваго резервуара, на которыхъ-бы оборванные грузинскіе или армянскіе ребятишки не играли почти главной роли.... Докучливостью и наглостью своей они здѣсь превосходятъ мухъ; крикливостью затемняютъ здѣшнихъ ословъ... Ѣдете ли вы въ экипажѣ— позади васъ съ смѣхомъ и бормотаньемъ непремѣнно цѣпляется нѣсколько экземпляровъ тифлисскихъ гамéновъ. Сидите-ли вы спокойно у окна своего дома, васъ безпокоятъ поминутныя проказы этого мелкаго народа. Здѣшній мальчишка не можетъ остаться спокойнымъ или безгласнымъ ни на одну минуту дня: онъ непремѣнно или кричитъ во все горло какую нибудь пѣсню, или просто гудитъ себѣ въ кулакъ, или безобразно

дуетъ въ какую нибудь оглушительную дудку. Замѣчательнѣйшія же качества его—смѣлость и наглость. Еще въ Душетѣ имѣлъ я случай подмѣтить неустрашимость и неуступчивость грузинскаго мальчика, состязавшагося съ двадцати-лѣтнимъ русскимъ ямщикомъ, принужденнымъ наконецъ отступить передъ малолѣтнимъ своимъ соперникомъ; здѣсь же мнѣ разсказывали, что тифлисскій гаменъ не уступаетъ никому на свѣтѣ, что онъ замысловатъ на всякаго рода выдумки, и, въ довершеніе всего, одаренъ способностью или осмѣивать въ импровизированныхъ сатирическихъ пѣсняхъ всякое современное смѣшное явленіе, или прославлять какой нибудь доблестный случай, дошедшій до его свѣдѣнія. Публично посрамленнаго гражданина тифлисскіе гамены непремѣнно забросаютъ грязью, и они же составятъ и будутъ хоромъ пѣть похвальную рапсодію на взятіе Русскими Эривани...

Въ пятый, шестой и седьмой часы утра постепенно развивается и усиливается движеніе, и увеличивается шумъ въ восточномъ городѣ, средоточіемъ котораго надобно принять такъ называемый Армянскій базаръ, то есть длинную, кривую и узкую улицу, вмѣщающую въ себѣ безконечные ряды всѣхъ возможныхъ депо, или лавокъ... Улица эта напоминаетъ собою главную и единственную улицу Бахчисарая, о которой вотъ-что говоритъ одинъ путешественникъ (*): «Главная бахчисарайская улица есть излучистый корридоръ безконеч-

(*) Г. Надеждинъ.

наго гостиннаго двора, такой узенькій, что двѣ маджары (въ Тифлисѣ *арбы*) съ трудомъ могутъ въ немъ разъѣхаться. Только этотъ корридоръ освѣщается, не какъ въ нашихъ гостиныхъ дворахъ, мрачнымъ полусвѣтомъ, едва продирающимся сверху, сквозь щели узкихъ продушинъ, но полнымъ блескомъ открытаго неба. Онъ наполненъ не однообразнымъ зрѣлищемъ продажи и покупки, на каждомъ шагу повторяющимся въ неизмѣнныхъ, вѣчно-одинакихъ, стереотипныхъ формахъ. Въ распахнутыхъ настежь лавкахъ, которыя по обѣ стороны улицы тянутся на протяженіи почти двухъ верстъ, и которыхъ числомъ болѣе пяти-сотъ, жители Бахчисарая *живутъ* въ полномъ смыслѣ слова; живутъ по-крайней мѣрѣ всею тою жизнію, которая не имѣетъ нужды скрываться въ завѣтной тиши домовъ. Тутъ они исправляютъ всѣ свои дневныя работы: портной кроитъ платье, сапожникъ тачаетъ сапоги, хлѣбникъ валяетъ тѣсто, мясникъ свѣжуетъ барановъ, кузнецъ стучитъ тяжелымъ молотомъ, цирульникъ сверкаетъ острою бритвою. Тутъ же отдыхаютъ послѣ трудовъ въ сладкой недвижимости полнаго бездѣйствія, смотря на все и ничего не видя, слыша все и ничего не слушая. . . »

Въ этомъ описаніи бахчисарайской улицы вѣрное изображеніе и тифлисскаго армянскаго базара, и не его одного, а всей собственно грузино-армянской части города. Откровенность и непринужденность отличаютъ здѣшнюю жизнь также, какъ и бахчисарайскую, и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: и здѣсь и тамъ Азія!

Въ восьмомъ часу оживляется и западная часть го-

рода, отличающаяся постройками европейскими, улицами широкими и переулками менѣе излучистыми.

Между тѣмъ солнце уже жжетъ и палитъ въ полномъ смыслѣ этихъ словъ. Въ это время въ Курѣ можно уже видѣть купающихся.

Весь городъ, съ своимъ крикливымъ населеніемъ, шумитъ и гремитъ всѣми своими звуками. Со стѣнъ множества зиждущихся построекъ раздается однообразная носовая пѣсня каменьщика-мусульманина, или знакомая вамъ русская пѣсня владимірскаго плотника. Безпрестанно раздаются «го-го» погонщиковъ буйволовъ, и вы съ состраданіемъ любуетесь размѣрами и силой этого могучаго животнаго, передъ которымъ миніатюренъ обыкновенный рабочій волъ, но котораго также, какъ и вола, обуздала и впрягла въ ярмо разумная сила человѣка.

Буйволы здѣсь употребляются для перевозки кирпича, бревенъ и другихъ тяжестей, и любо видить ихъ безостановочный, неуклюжій, но ровный шагъ, когда они, впряженные попарно, влекутъ за собою до-нельзя нагруженную арбу, тяжесть которой была-бы только-что подъ силу шести воламъ. Интересно также видѣть этихъ животныхъ по-колѣна въ лужѣ, или по-уши въ водѣ Куры: буйволы страстно любятъ влажную стихію, и никогда не упустятъ возможности выкупаться въ свѣжей водѣ или выпачкаться въ грязной лужѣ.

Здѣсь кстати замѣтить о тифлисскихъ каменныхъ постройкахъ, которыхъ производится такъ много, что кажется, будто Тифлисъ еще не возникъ, или не весь возникъ, а только возникаетъ, обѣщая изумить бу-

дущихъ путешественниковъ своимъ громаднымъ объемомъ. . .

Еще на Казбекской станціи имѣлъ я случай любоваться постройкою миніатюрнаго храма Св. Архангела Михаила. Впослѣдствіи я неоднократно говорилъ о древнихъ храмахъ, разсѣянныхъ по высотамъ и въ ущельяхъ Кавказа и потомъ въ Грузіи. Всѣ эти зданія, не покрытыя штукатуркой, обнаруживаютъ дивно-старательную кладку кирпича или камня, изъ котораго онѣ сложены. Этой-то кладкѣ обязаны онѣ своей нерушимостью, не смотря на многія вѣка, надъ ними протекшіе, но не разрушившіе ихъ. При самомъ въѣздѣ въ Тифлисъ замѣтилъ я строющійся домъ, и съ изумленіемъ остановился любоваться чистотою, тщательностью и пріятной вычурностью кирпичной кладки, которая даже неопытному глазу ручается за вѣковую прочность строенія. При этомъ случаѣ мнѣ было пріятно потолковать съ нашимъ русскимъ каменьщикомъ, котораго я тутъ встрѣтилъ.

— А что̀, братъ, у насъ въ Россіи не увидишь такой чистой работы?

— Въ Рассеи работаютъ, сударь, и почище евтаго; только причина та, что здѣсь матеріялъ прочнѣе; нашъ кирпичъ прѣетъ; а здѣшній кирпичъ ни суха, ни мочи не боится.

— Ну, однако, посмотри какая отчетливая кладка.

— Гмъ, отчетливая кладка! Будетъ отчетливая, когда Татаринъ за каждымъ кирпичикомъ по-получасу возится: то пѣсенку мурлычитъ, то трубку куритъ, то намазъ творитъ, тоись по нашему молитву, а тамъ ужъ

кирпичъ начнетъ прилаживать. По-неволѣ будетъ отчетливо! Да имъ что? Имъ платятъ здѣсь поденно, и платятъ хорошую цѣну, такъ они и не торопятся, а у насъ въ Россеи, только бы поскорѣе подъ крышу подвести, тяпъ да ляпъ, ну,—при такомъ порядкѣ, извѣстно, черезъ 20 лѣтъ строеніе хоть снова перестроивай.

— А развѣ здѣсь каменьщики больше изъ Татаръ?

— Кто ихъ знаетъ: Татары или Турки; только больше съ турецкой границы сюда идутъ...

Вотъ вамъ и слово загадки здѣшнихъ красивыхъ и прочныхъ построекъ. Но перейдемъ къ нашему городскому дню.

Циферблатъ на башнѣ Корпуснаго Штаба показываетъ девять часовъ... Какой зной! Какая пыль! Какъ жаль этихъ юныхъ бюрократовъ, которые съ портфёлями въ рукахъ спѣшатъ вдоль бульвара къ столамъ своимъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ! Какъ жаль также этихъ рабочихъ воловъ и буйволовъ! Какъ жаль этихъ *мушей*, то есть носильщиковъ тяжестей! Посмотрите, вотъ одинъ изъ нихъ, съ огромною связкой разной клади на согнутой спинѣ, тяжело дыша, тащится въ гору. На немъ остатки рубища и дырявыхъ башмаковъ. Онъ уже очень не молодъ. Лице его понравилось-бы Рембранду: такъ оно разцвѣчено всѣми яркими цвѣтами и всѣми рѣзкими тѣнями, которыми зной, пыль, нищета, напряженіе силъ и утомленіе—однѣ только могутъ разукрасить лице человѣка... Рубище муши цѣлый день насквозь пропитано его трудовымъ пóтомъ, но за трудъ свой едвали выручитъ онъ болѣе четырехъ *абазовъ* (то есть двугривенныхъ) въ

счастливый день! Ослы, эти другіе муши, только неразумной породы, не менѣе удивляютъ своей дѣятельностью. Вы видите высокую груду дровъ, хворосту или какой нибудь клади; вы замѣчаете, что эта груда двигается, всматриваетесь и съ изумленіемъ видите, что подъ этою грудой, опускающеюся до земли, бодро передвигаетъ короткія ножки свои маленькое животное, съ длинными, классическими ушами: это—неизвѣстно почему получившій вѣковѣчное прозваніе глупца и лѣнивца,—полезный, сильный и терпѣливый оселъ, или, по-здѣшнему, *эшакъ*.

Наступаетъ десятый, одиннадцатый, двѣнадцатый часъ. Зной воздуха все еще увеличивается. Въ европейской части города довольно пусто; окна домовъ затворены ставнями или закрыты занавѣсами. На Эриванской площади рѣдкіе пѣшеходы, да группы дремлющихъ извощиковъ, постаравшихся помѣстить своихъ клячъ гдѣнибудь въ тѣни, около стѣнъ или заборовъ.

Въ эту пору дня изъ числа торгующихъ, промышляющихъ и трудящихся, счастливѣе всѣхъ купцы, помѣщающіеся въ закрытыхъ лавкахъ театральнаго зданія; Нѣмцы и Французы, въ ихъ галантерейныхъ магазинахъ, защищаемыхъ отъ солнца draperies и marquise'ами, и наконецъ чиновники, мирно трудящіеся въ большихъ и прохладныхъ палатахъ разныхъ правительственныхъ учрежденій. На Армянскомъ базарѣ какъ будто поутихли немолчные крики, и самая торговля не такъ оживлена, какъ раннимъ утромъ; многіе лавочники лежатъ навзничъ на своихъ прилавкахъ; множество босоногихъ Армянъ, продающихъ фрукты, валяется

въ-растяжку на землѣ и спитъ сномъ безпечности на изголовьи изъ двухъ-трехъ громадныхъ арбузовъ, или на какомъ-то неподвижномъ животномъ, устремляющемъ вверхъ всѣ четыре свои ноги и неимовѣрно толстое свое брюхо: это животное—*бурдюкъ* съ кахетинскимъ виномъ!

Чу! это что за ударъ, раздавшійся перекатнымъ эхо? Это пушечный выстрѣлъ, возвѣщающій наступленіе полдня. Жаръ будетъ увеличиваться еще три часа. До трехъ часовъ пополудни будутъ повторяться всѣ тѣже картины лѣни, перемѣшанной съ дѣятельностью, всѣ тѣже эпизоды купли, продажи, работъ, громкихъ криковъ и разговоровъ.

Въ три часа зной воздуха дойдетъ до своего зенита, и въ магазинѣ нѣмецкаго оптика ртуть всѣхъ его продажныхъ термометровъ поднимется до тридцати, а иногда и болѣе градусовъ *въ тѣни*. Пойдемте къ рѣкѣ: тамъ прохладнѣе; перейдемъ одинъ изъ этихъ двухъ мостовъ, съ которыхъ такъ хорошъ видъ на быструю Куру, на тѣснящіяся въ этомъ мѣстѣ зданія бань и мечети, съ ея зеленымъ изразцевымъ куполомъ и каменнымъ подножіемъ, отвѣсно опускающимся въ мутныя струи быстрой рѣки. Пройдемте Авлабаръ, Пески и, по лѣвому берегу Куры, въ которой теперь такъ много купающихся, проберемся въ предмѣстіе Куки. Замѣчаете-ли вы разницу въ воздухѣ? Здѣсь свѣжѣе; здѣсь изрѣдка перебѣгаетъ вѣтерокъ; здѣсь не такъ стѣснены строенія и не такъ перепутаны улицы; здѣсь много прекрасныхъ домовъ, и нѣтъ сомнѣнія,

что недавно отстроенный Михайловскій мостъ, соединивъ предмѣстіе съ европейской частью города, — сдѣлалъ Куки одною изъ лучшихъ частей его. Зайдемте въ одинъ изъ здѣшнихъ домиковъ. Перешагнувъ за ворота, вы видите чистый дворъ, внутреннюю террасу или выступъ изъ дома, окруженный красивою рѣшеткой, и непремѣнно садъ. Въ саду крытыя аллеи изъ виноградныхъ лозъ. Множество сочныхъ и почти уже зрѣлыхъ кистей разноцвѣтнаго винограда висятъ въ тѣни широкихъ листьевъ надъ вашей головою. Стоитъ только протянуть руку, чтобы сорвать сочный, кисловато-пріятный плодъ, который освѣжитъ уста ваши, запекшіяся отъ зноя. Тутъ-же, на маленькомъ пространствѣ сада, въ грунтѣ около дорожекъ, растутъ гранатовое, фиговое, миндальное, персиковое и абрикосовое деревца; *гуляби*, или огромной величины дули свѣшиваются съ гибкихъ своихъ вѣтвей; миртъ и вѣчно-цвѣтущая китайская роза разнообразятъ собою темную зелень лозъ и фруктовыхъ деревьевъ. Посидимъ здѣсь на скамьѣ, пока пробьетъ пять часовъ и начнетъ спадать зной... Въ шестомъ часу любопытно будетъ по этой каменной лѣстницѣ, которую вы видите сквозь одну изъ растворенныхъ дверей домика, взобраться на плоскую его крышу и, подражая обычаю Грузинъ и Армянъ, поглазѣть оттуда на отѣняющійся сумракомъ городъ.

Вотъ мы и на крышѣ. Отсюда видна Кура, видны горы, окружающія тифлисскую долину. Здѣсь хорошо, чисто, прохладно. Вся крыша, нѣсколько возвышенная

къ срединѣ и покатая къ краямъ, обведена кирпичною стѣнкой съ проточными трубами для стока дождевой воды, устлана глиной и покрыта пескомъ, который убивается и укатывается тутъ-же лежащимъ каменнымъ накатомъ. А какой прекрасный, какой оригинальный видъ на городъ отсюда представляется намъ! На ближайшихъ къ намъ и на дальнихъ крышахъ домовъ разсыпаны жители и въ особенности жительницы города. Какъ мы-же, всѣ они ищутъ на своихъ крышахъ прохлады и зрѣлища. Всѣ они, цѣлый день скрываясь коегдѣ и какъ-нибудь отъ изнурительнаго зноя, теперь вышли на свѣтъ Божій, и кровлями домовъ замѣняются у нихъ гостиныя. Здѣсь они размѣщаются на коврахъ группами, или тихо прогуливаются. Здѣсь нѣтъ публичныхъ гуляній (*), и каждая семья особо пользуется вечернею прохладой у себя на крышѣ. Живописно рисуются надъ крышами головныя повязки женщинъ и ихъ прозрачные вуали, развѣвающіяся позади повязокъ.

По мѣрѣ того, какъ сгущается сумракъ надъ городомъ, а это здѣсь совершается очень быстро, въ улицахъ, подъ ногами вашими, начинаютъ мелькать бѣлыя тѣни. Это, по словамъ Лермонтова, —

(*) Кромѣ сада при домѣ Намѣстника, открываемаго для всѣхъ два раза въ недѣлю. Но прекрасный садъ этотъ мало посѣщается коренными жителями Тифлиса, предпочитающими уединеніе собственнаго угла всякой публичности. Садъ Намѣстника замѣчателенъ рѣдкими южными деревьями и растеніями, и еще болѣе рѣдкою въ городѣ прохладой.

» . . . . . улицей пустынною,
«Изъ бань, со всѣхъ сторонъ,
«Выходятъ цѣпью длинною
«Четы грузинскихъ женъ...»

Невольнымъ образомъ припоминаются стихи незабвеннаго поэта; только тутъ-же, вмѣстѣ съ пріятнымъ воспоминаніемъ, родится и желаніе замѣтить, что стихъ: «четы грузинскихъ женъ», едва-ли не слѣдовало-бы замѣнить стихомъ: «четы армянскихъ женъ», потому-что Грузинъ и Грузинокъ гораздо менѣе, чѣмъ Армянъ и Армянокъ въ грузинскомъ Тифлисѣ! Торговые и промышленные потомки Гайка, то есть Армяне, числительностію своею давно одержали перевѣсъ надъ туземнымъ, чисто-грузинскимъ населеніемъ и первенствуютъ надъ нимъ вліяніемъ своего богатства. Впрочемъ, ошибка поэта совершенно извинительна: костюмъ армянскихъ женъ ничѣмъ не разнится отъ костюма Грузинокъ: то-же узкое платье, тѣ-же четыре заплетенныя косы позади головной повязки, тотъ-же прозрачный вуаль и та-же классическая бѣлая чадра, въ которую граціозно завертываются и драпируются всѣ здѣшнія туземки, когда выходятъ куда-нибудь изъ дома.

Въ восьмомъ часу вечера городъ тонетъ въ довольно густой мглѣ, а золотая луна, до сихъ поръ казавшаяся серебристымъ рогомъ, начинаетъ ярко, съ какимъ-то зеленоватымъ отблескомъ, освѣщать всю тифлисскую долину и отражаться въ волнахъ Куры. Съ кровли нашего дома видно, какъ постепенно зажигаются безсчетные огоньки за Курою, по наклонности, противулежащей возвышенности, и какъ, во мракѣ, ме-

нѣе и менѣе замѣтно городское движеніе, и какъ быстрыя волны Куры играютъ отраженіемъ луны, и какъ чернѣютъ абрисы окрестныхъ высотъ, и какъ озаряются зеленовато-золотистымъ блескомъ лунныхъ лучей кровли ближнихъ и дальнихъ домовъ, съ движущимися на нихъ бѣлыми фигурами чадроносныхъ женщинъ. Унимаются наконецъ мало по-малу и непрестанные городскіе крики и возгласы, и только гдѣ-то долго еще слышатся нестройные звуки *зурны*, то есть грузинскаго оркестра, состоящаго изъ барабана и двухъ доморощенныхъ кларнетовъ, изъ которыхъ одинъ непрерывно тянетъ одну и ту-же гнусящую ноту, а другой выдѣлываетъ однообразную ритурнель, какъ-бы обвивающуюся вокругъ однотонной ноты своего товарища: точно виноградная лоза вокругъ поддерживающей её деревянной подпорки!..

Въ десятомъ часу наступаетъ полная тифлисская лѣтняя ночь, съ своимъ зеленовато-золотымъ луннымъ освѣщеніемъ, съ своими рѣдкими дуновеніями теплаго вѣтра, съ своей кратковременной тишиною, съ своей азіатской таинственностью, и съ своими снами, располагающими къ нѣгѣ, и болѣе распаляющими утомленное тѣло, чѣмъ освѣжающими его крѣпительной неподвижностью отдохновенія.

ПИСЬМО 18-е и ПОСЛѢДНЕЕ.

ПОѢЗДКА ВЪ БОРЖОМЪ.

Гдѣ теперь тифлисское общество? Дорога до Гори. Горійскія улицы и старая цитадель. Опять грузинское зодчество. Архитектурная гипотеза. Нищій-всадникъ. Дорога и пейзажъ до Сурама. Старый знакомый. Р. Кура и Боржомское ущелье. Живые метеоры, или фосфорическія мухи. Боржомъ. Исторія и топографія его. Ванны, источники и лѣтнее жилище Намѣстника Кавказскаго.

7 августа 185. Тифлисъ.*

На молодомъ и еще мало-тѣнистомъ тифлисскомъ бульварѣ я весьма немного встрѣчаю гуляющихъ. Нѣсколько военныхъ сюртуковъ, нѣсколько изящно-подвязанныхъ лѣтнихъ галстуховъ и широкополыхъ шляпъ; наконецъ, нѣсколько дамскихъ соломенныхъ шляпокъ, мелькающихъ, между акаціями бульвара, на вечерней прогулкѣ, далеко не даютъ мнѣ полнаго понятія о многочисленномъ и блестящемъ составѣ высшаго тифлисскаго русскаго общества. Въ театрѣ также не могу видѣть общества потому, что ни итальянская опера, ни русская труппа не начали еще своихъ представленій, но главнѣйшимъ образомъ потому, что въ настоящее время все высшее общество Тифлиса живетъ на дачахъ: въ Коджорахъ, за 12 верстъ отъ города; въ живописномъ Мэнглисскомъ урочищѣ, въ 46 верстахъ отсюда; или, наконецъ, въ Карталиніи, на Боржомскихъ минеральныхъ водахъ, отстоящихъ отъ Тифлиса болѣе чѣмъ на 150 верстъ. Для того, чтобы получить понятіе о внутренней, о настоящей Грузіи—мнѣ было необходимо выѣхать

изъ Тифлиса на югъ, потому что Тифлисъ, стоящій въ самомъ устьѣ горной военно-грузинской дороги — точно такъ, какъ Владикавказъ, помѣщается, такъ сказать, въ верховьѣ ея, — заслоняетъ собою собственно Грузію и служитъ ей какъ-бы аванпостнымъ пунктомъ. Недостаточно видѣть горы главнаго хребта Кавказскаго, чтобы имѣть понятіе о всей роскоши здѣшней природы; надобно взглянуть также и на менѣе-гористые пейзажи закавказскихъ равнинъ, которыя, впрочемъ, также не чужды горныхъ высотъ, ихъ пересѣкающихъ. Молва о великолѣпной природѣ Карталиніи, о прелести Боржомскаго ущелья, вмѣщающаго въ себѣ кисло-щелочные цѣлительные ключи и, наконецъ, побужденіе видѣть лѣтнюю резиденцію Намѣстника Кавказскаго, — всё это склоняетъ меня избрать, на первый разъ, дорогу въ Боржомъ для путешествія въ глубь Закавказья.

8-го августа, кр. Гори, 10 ч. утра.

Дорога въ Боржомъ лежитъ чрезъ Гартискарскую станцію, которую я уже миновалъ, проѣзжая изъ Душета въ Тифлисъ. Здѣсь военно-грузинскій путь пересѣкается съ боржомскимъ, который далѣе, при Сурамской станціи, опять пересѣкается дорогой, ведущей въ Кутаисъ, Сухумъ и Редутъ-Кале. Вчера я выѣхалъ изъ Тифлиса поздно вечеромъ, и до Гори проѣхалъ 87 верстъ. Теперь уже 10 часовъ утра. Темнота ночи не позволяла мнѣ видѣть ближайшія къ Тифлису мѣстности, но сегодня, съ разсвѣтомъ, я могъ любоваться настоящимъ грузинскимъ пейзажемъ. Дорога лежитъ въ

долинѣ, болѣе или менѣе широкой; направо и налѣво, но въ особенности направо, горизонтъ закрывается довольно значительными высотами, изъ которыхъ на одной я видѣлъ снѣжную вершину.

Старая горійская цитадель издалека виднѣется на высокомъ холмѣ, какъ-будто искусственно насыпанномъ посреди совершенно-гладкой долины. Городокъ-же тѣснится у подножія холма. Съ въѣздомъ въ городъ встрѣчаются узкія, кривыя улицы, домà съ плоскими кровлями, духаны и двѣ красивыя церкви. Изъ оконъ станціоннаго домика въ близкомъ разстояніи видна старая крѣпость, построенная Грузинами для защиты себя отъ Турокъ, и еще недавно ознаменованная славой нашего оружія. Теперь внутренность ея, обведенная высокими стѣнами, совершенно пуста, но самыя стѣны, бастіоны и башни цѣлы, и еще величаво возвышаются на своемъ высокомъ каменно-глинистомъ подножіи. Съ одной стороны цитадели спускается внизъ по горѣ двойная стѣна, съ семью поперечными стѣнами внутри главныхъ стѣнъ. Каждая изъ этихъ поперечныхъ стѣнъ отстоитъ отъ сосѣдней, параллельной съ нею, сажень на десять, и каждая имѣетъ въ себѣ остатки узкихъ воротъ.

Здѣсь не могу снова не обратить вниманія на архитектуру грузинскихъ церквей. Въ срединѣ Гори возвышается передо мною одна изъ нихъ, и весьма характеристическая. Какъ всѣ грузинскія церкви, она возвышается заострённой, пирамидальной крышей. Крыша эта выложена блестящимъ зеленымъ изразцемъ, кое-гдѣ проросла мхомъ и травою, но разрушеніе еще не кос-

нулось ея. Вглядываясь въ архитектуру этой церкви, такъ похожей на всѣ, прежде мною видѣнныя; всматриваясь особенно въ эту кровлю, похожую на остроконечную грузинскую шапку, не могу воздержаться отъ замѣчанія, надъ которомъ, быть можетъ, посмѣются знатоки архитектурнаго дѣла. Мнѣ приходитъ въ голову сходство формы головныхъ нашихъ уборовъ съ формою покрышекъ нашихъ храмовъ. Мы, Русскіе, такъ много сносившіеся въ Востокомъ, строимъ куполы нашихъ храмовъ на подобіе округленнаго восточнаго головнаго убора, котораго чалмообразный прототипъ, быть можетъ, нашли мы въ куполѣ константинопольскаго Софійскаго собора,—и куполы г. Тонна подражаютъ этому первообразу. Здѣсь же, въ Грузіи, усвоившей себѣ остроконечныя персидскія шапки, всѣ храмы завершаются и остроконечными кровлями.... Любопытно было-бы развѣдать, съ какого головнаго убора готическая архитектура взяла свои безконечные шпицы?!

Набросавъ эти бѣглыя замѣчанія въ мою дорожную книжку и готовясь сѣсть въ экипажъ, я впервые въ жизни увидѣлъ нищаго *верхомъ на лошади*. Вѣроятно, старику, обратившемуся ко мнѣ съ просьбою о подаяніи, приходится собирать свою милостыню не въ одномъ мѣстѣ, а въ переѣздахъ по цѣлому краю!

Сурамская станція, 6 ч. вечера.

До Боржома только 28 верстъ, но я, вѣроятно, буду тамъ поздней ночью, потому что, говорятъ, дорога

будетъ очень гориста. Весь путь отъ Гори, чрезъ Гаргаребскую станцію, до Сурама тянется въ широкой долинѣ, то усѣянной великолѣпными деревьями, — какъ напримѣръ, грецкій орѣхъ, серебристый тополь, дубъ и огромной величины ивы, — то разстилающейся полями кукурузы, ячменя и пшеницы. По окраинамъ дороги часто встрѣчаются кусты колючаго терна и лозы винограда. Населеніе здѣсь довольно рѣдкое; только въ виду Сурамской станціи, съ правой стороны дороги, является небольшая усадьба: красивый домикъ какого-то грузинскаго помѣщика, съ плоскою кровлей и необходимою при всѣхъ грузинскихъ домахъ террасой.

По обѣимъ сторонамъ долины горы становятся выше и выше съ каждой верстою впередъ, а лѣсъ на нихъ гуще и гуще. Пока впрягаютъ лошадей въ мой сибирскій тарантасъ, одинъ изъ ямщиковъ, которые, мимоходомъ сказать, всѣ русскіе на всѣхъ здѣшнихъ станціяхъ, показалъ мнѣ небольшаго медвѣженка. Легко было-бы мистифировать меня, сказавъ, что это мохнатое, по преимуществу сѣверное существо, по слѣдамъ моимъ забѣжало сюда съ Урала; но мнѣ не дали дѣлать невозможныхъ догадокъ, и объяснили, что въ боржомскихъ лѣсахъ медвѣди совсѣмъ не рѣдкость.

Боржомъ, 11½ ч. вечера.

Выѣхавъ изъ Сурама въ седьмомъ часу, я только къ 11 пріѣхалъ сюда. Пять часовъ ѣзды на двадцативосьми верстахъ разстоянія! Но въ Сурамѣ мнѣ сказали правду: дорога дѣйствительно такъ гориста, что

до Боржома около двадцати разъ тормозили мой экипажъ. Послѣдній этотъ переѣздъ очарователенъ, не смотря на гористую дорогу, и даже на темноту, препятствовавшую мнѣ любоваться окрестностями. Густыя сумерки окружили меня на восьмой верстѣ за Сурамомъ, и постоянно дѣлались тѣмъ гуще и непроницаемѣе, чѣмъ далѣе проникалъ я въ ущелье, которое образуется отъ сближающихся здѣсь между собою возвышенностей, окаймлявшихъ прежде широкую долину и на далекомъ разстояніи отъ дороги видѣнныхъ мною вправо и влѣво. На шестой верстѣ за Сурамомъ, по лѣвую сторону дороги, показывается Кура, которая здѣсь ближе къ своему истоку и потому гораздо уже, чѣмъ въ Тифлисѣ. Отсюда до самаго Боржома путь лежитъ вверхъ по теченію рѣки, по лѣвому ея берегу. Здѣсь видѣлъ я на рѣкѣ нѣсколько плотовъ съ лѣсомъ, но чѣмъ выше поднимался вверхъ по ея берегу, тѣмъ она становилась шумнѣе, быстрѣе, и наконецъ совершенно переставала быть сплавною. Верстъ восемь отъ послѣдней станціи, продолжалъ я любоваться роскошными мѣстами по обѣимъ сторонамъ быстрой Куры, прислушивался къ ея шуму и сожалѣлъ, что развертывавшійся передо мною лѣсистый пейзажъ всё болѣе и болѣе тонулъ въ сумракѣ быстро-наступавшаго вечера. Наконецъ горныя возвышенности, какъ двѣ огромныхъ стѣны, съ двухъ сторонъ совершенно надвигаются къ Курѣ, часто не оставляя мѣста даже для узкой дороги, которая въ такихъ случаяхъ ползетъ прямо на утесы. Какихъ трудовъ стоило это ея строителямъ! Весь остальной путь до Боржома извилистъ, узокъ и гористъ;

слѣва—обрывы въ Куру, сверкающую пѣной сквозь береговыя, нависшія надъ нею деревья; справа—отвѣсныя скалы, также покрытыя лѣсомъ. Вообще эта мѣстность очень напоминаетъ собою долины Терека и Араґвы, только съ тою разницей, что тамъ утесы голы и мрачны, а здѣсь покрыты богатой растительностью. Всѣ эти немногія черты окружавшаго меня пейзажа я могъ различать съ большимъ трудомъ, сквозь черную ночь. Глаза мои уже начинали утомляться отъ безпрерывнаго старанія разглядѣть что-нибудь сквозь непроницаемую тьму. Терпѣніе мое истощалось безпрерывными остановками для подкладыванія тормоза подъ колесо, и потомъ для сниманія съ колеса того-же спасительнаго дорожнаго снаряда, какъ вдругъ все вниманіе мое было пробуждено замѣчательнымъ зрѣлищемъ. На встрѣчу мнѣ мелькнуло нѣсколько искръ, и въ то самое время, когда я хотѣлъ обратиться къ ямщику съ просьбою, чтобы онъ не сорилъ такъ неосторожно огня изъ своей трубки,—нѣсколько новыхъ блестящихъ искръ пронеслось мимо меня и исчезло въ сумракѣ лѣса. Что за фантастическое видѣніе? Не блуждающіе-ли это огни? Нѣтъ, они не поднимаются изъ земли, а являются сверху, съ боковъ, со всѣхъ сторонъ. Не свѣтящіеся-ли черви? Нѣтъ, свѣтляки неподвижны, тогда какъ эти маленькіе метеоры неугомонно снуютъ около меня по всѣмъ направленіямъ; при томъ-же и блескъ ихъ гораздо ярче блеска свѣтящагося червя. Я всматриваюсь, и не могу оторвать глазъ отъ этого живаго фейерверка. Вотъ медленно летитъ одна искра, и на полетѣ своемъ то меркнетъ, то снова разгарается, заставляя тѣмъ

догадываться, что это какое-то живое летучее существо, подъ крыльями своими скрывающее фосфорическіе фонарики, гаснущіе и свѣтящіеся по мѣрѣ сжиманія и расширенія крыльевъ. Вотъ двѣ такихъ-же искры несутся другъ за другомъ, кружатся, перегоняются, сближаются и пропадаютъ въ темной чащѣ лѣса. Вотъ опять одна, какъ падучая звѣзда, дѣлаетъ лучезарную параболу сверху внизъ, отъ вершины дерева къ его основанію. Неужели это свѣтящіяся мухи (luciola, les lucioles), которыхъ отечество въ Индіи? Я никакъ не подозрѣвалъ-бы существованія ихъ здѣсь, въ Грузіи... Впрочемъ, почему-же не быть здѣсь свѣтящимся мухамъ, если здѣсь встрѣчаются леопарды?.. Да, здѣсь югъ, и югъ, какъ видите, со всѣми своими тропическими чудесами.

Углубившись въ свой тарантасъ, я долго еще любовался милымъ и новымъ для меня явленіемъ, въ которомъ воображеніе мое видѣло то глаза волка, сверкающіе изъ лѣсной чащи, то огни какого-нибудь жилья, спрятаннаго въ лѣсу, и въ этомъ невинномъ созерцаніи незамѣтно доѣхалъ я до боржомскаго ущелья. Экипажъ мой прогремѣлъ по деревянной настилкѣ какого-то моста и круто поворотилъ влѣво; я увидѣлъ нѣсколько настоящихъ огней, свѣтившихъ изъ оконъ домовъ, слышалъ гдѣ-то вблизи шумный ропотъ воды, и наконецъ былъ привезенъ къ какому-то огромному зданію съ ярко-освѣщенными крыльцомъ и окнами.

— Гостинница, — лаконически замѣтилъ ямщикъ, и я вошелъ въ прекрасное, повидимому совершенно новое зданіе гостинницы, и вскорѣ помѣстился въ

большой опрятной комнатѣ, гдѣ и пишу, на сонъ грядущій, настоящія строки.

Завтра ближе познакомлюсь и васъ познакомлю съ Боржомомъ.

9 августа, 10 ч. вечера. Боржомъ.

Я чувствую себя до того преисполненнымъ пріятными и разнообразными впечатлѣніями нынѣшняго дня; всѣ эти впечатлѣнія такъ безпорядочно и такъ усиленно просятся на бумагу, что я не знаю съ чего начать, и задумываюсь, съ перомъ въ рукахъ, надъ этой бѣлою страничкой. Чтобы дать успокоиться въ себѣ невольному волненію, останавливаюсь на исторіи и топографіи Боржома, которыми я ограничу здѣсь разсказъ о моихъ боржомскихъ приключеніяхъ.

Исторія Боржома коротка и начинается не въ глубокой древности. Въ весьма дѣльной и интересной брошюрѣ: «О карталинскихъ минеральныхъ водахъ», изданной по распоряженію Намѣстника Кавказскаго, подъ редакціею доктора медицины г. Андреевскаго, въ 1852 г., въ Тифлисѣ, вотъ что, между прочимъ, можно найти касательно исторіи возникающаго городка: «По причинѣ неудобства дорогъ, рѣдко кто даже изъ сосѣд-«нихъ жителей посѣщалъ боржомскія воды до тѣхъ поръ, «пока Главноуправляющій Закавказскимъ краемъ, Гене-«ралъ-отъ-Инфантеріи Евгеній Александровичъ Головинъ «не обратилъ на нихъ особеннаго своего вниманія. Въ «началѣ 1842 года онъ приказалъ устроить паромъ для «переѣзда черезъ Куру (нынѣ прекрасный мостъ) и

«расчистить проѣздъ къ источникамъ по Шавитцхаль-«скому ущелью. Въ томъ-же году выстроены два де-«ревянныхъ домика, одинъ о шести, другой о четырехъ «комнатахъ; Екатерининскій источникъ обдѣланъ сру-«бомъ, а возлѣ него возведена небольшая галлерея для «посѣтителей; вóды, для лучшаго за ними присмотра, «переданы въ вѣдѣніе Грузинскаго Гренадерскаго полка, «который въ то время имѣлъ въ Гори свою штабъ-«квартиру....»

Далѣе, въ томъ-же сочиненіи говорится: «въ 1849 «году приступлено къ постройкѣ большой гостинницы «для пріѣзжающихъ и укрѣплены каменными стѣнами «берега рѣчки Шавитцхали, которая во время разлитія «очень часто подмывала источники и заливала ближай-«шія ихъ окрестности иломъ, щебнемъ, камнями и «бревнами....»

Далѣе: «Когда именно открыты Боржомскія мине-«ральныя воды, мы не можемъ опредѣлить. Увѣряютъ, «что объ нихъ знали еще за 200 лѣтъ; но какъ въ »ущельи нѣтъ коренныхъ жителей, а все переселенцы, «то трудно въ народѣ повѣрить это преданіе. Странно, «однакожъ, что въ краѣ, который такъ изобилуетъ «разнаго рода древними зданіями, возлѣ самыхъ источ-«никовъ не найдено ни одного камешка, который могъ-«бы напомнить о какомъ-бы то ни было устройствѣ. «Начали говорить о Боржомѣ только съ тѣхъ поръ, «когда его занялъ Грузинскій Гренадерскій полкъ.....»

Изъ этихъ отрывковъ легко видѣть, что устройство Боржома еще въ недавнее время далеко не было въ

томъ положеніи, въ какомъ путешественникъ можетъ застать его теперь....

Разсказавъ краткую исторію Боржома, здѣсь у мѣста сказать о скромномъ памятникѣ, указующемъ на время перваго устройства здѣсь зданій при минеральныхъ ключахъ. Влѣво отъ галлереи, на небольшой площадкѣ или лужайкѣ, о которой не промину сказать нѣсколько словъ, возвышается скромный четырехгранный камень съ слѣдующими надписями на трехъ сторонахъ: на первой, или передней сторонѣ, обращенной къ галлереѣ:

«Въ память учрежденія Екатерининскихъ водъ ко-
«мандиромъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, господи-
«номъ генераломъ-отъ-инфантеріи Головинымъ, во
«время пребыванія на нихъ Его Высокопревосходитель-
«ства съ семействомъ.»

M. D. C. C. C. XLII.

На другой сторонѣ та же надпись по-грузински.

На третьей сторонѣ именной вензель Головина: Е. Г.

Перейдемъ теперь къ мѣстоположенію Боржома.

Мостъ, по которому вчера прогремѣлъ мой скромный тарантасъ, перекинутъ черезъ Куру, вблизи того мѣста, гдѣ въ нее впадаетъ рѣчка Нуа или Шавитцхали, кипя и шумя посреди каменьевъ. Русло этой послѣдней рѣчки составляетъ основаніе узкой долины или ущелья, въ которомъ построенъ и еще строится Боржомъ. Горы, воздымающіяся по обоимъ берегамъ рѣчки Шавитцхали, высоки, мрачны, лѣсисты, и такъ

близко сдвигаются съ обѣихъ сторонъ къ рѣкѣ, что все ущелье кажется какимъ-то проваломъ, и строеніямъ негдѣ помѣститься иначе, какъ или у самаго берега рѣчки, или гдѣ нибудь на громадныхъ высотахъ, окружающихъ ущелье. Мѣстность эта была-бы похожа на пятигорскую, если-бы здѣшнее ущелье было въ десятеро шире, и если-бы окрестныя горы были менѣе громадны и отвѣсны. Очень естественно, что въ такой котловинѣ климатъ долженъ отличаться отъ климата долинъ, отдѣленныхъ только хребтомъ карталинскихъ горъ, а температура воздуха должна быть безъ сравненія ниже, то-есть прохладнѣе. Въ этомъ, конечно, заключается одна изъ причинъ, побуждающихъ Намѣстниковъ края избирать Боржомъ мѣстомъ своего пребыванія въ такое время года, когда Тифлисъ раскаляется невообразимымъ зноемъ. Мнѣ говорили, что обыкновенная лѣтняя температура въ Боржомѣ 19 и 20 градусовъ по Реомюру, въ тѣни; тогда какъ въ Тифлисѣ, въ тѣни, ртуть подымается до 30 и болѣе градусовъ. По лѣвому берегу Шавитцхали построена слободка, а далѣе, вверхъ по теченію рѣчки, дачи боржомскихъ посѣтителей. По всему берегу рѣчки разсѣяны прекрасныя деревья, тѣнь которыхъ, вмѣстѣ съ свѣжестью рѣки, распространяютъ пріятную прохладу въ воздухѣ, и безъ того не раскаляющемся.

Гостинница, которую за темнотою не могъ я разсмотрѣть вчера вечеромъ, прислонена къ отвѣсному утесу, а переднимъ фасомъ обращена къ рѣчкѣ; чрезъ рѣчку тутъ-же переброшенъ пѣшеходный мостъ, съ

котораго открывается все великолѣпное зданіе гостинницы. Это что-то въ родѣ англійскаго аббатства; тѣ же полуготическіе фронтоны, между стройными высокими башенками, завершаемыми желѣзными шпицами флюгеровъ; та же мрачность дикаго камня; не достаетъ только высокихъ контрфорсовъ, въ которыхъ, впрочемъ, и не нуждается зданіе, основанное на каменномъ утесѣ и прислоненное къ утесу. Перейдя мостикъ и повернувъ по береговой дорогѣ на право, вы замѣчаете нѣсколько окруженныхъ деревьями домиковъ, съ террасами и цвѣтами. Далѣе, по тому-же направленію, въ болѣе и болѣе съуживающемся ущельи, тянется длинная, крытая деревянная галлерея ; по бокамъ галлереи ванны для больныхъ; тутъ, посреди-же галлереи, выступъ на право, къ берегу рѣки, и почти у самаго берега круглый каменный бассейнъ.

Бассейномъ этимъ окруженъ Екатерининскій минеральный ключъ. Не смотря на массу воды, скопившейся въ бассейнѣ , ключъ сильно бьетъ снизу , пробивается на поверхность водяной массы, мутитъ ее газами и колеблетъ своей стремительною силой.

Это главный боржомскій источникъ. Другой, Евгеніевскій, расположенный нѣсколько ниже и правѣе отъ галлереи, хотя того-же минеральнаго свойства, но заключаетъ въ себѣ менѣе углекислаго газа, и въ меньшей степени пользуется вниманіемъ лечащихся. Вкусъ воды обоихъ источниковъ весьма напоминаетъ собою источники Коби. Вторая половина галлереи не занята ваннами, и совершенно открыта въ обѣ стороны. Здѣсь, въ пять часовъ пополудни. ежедневно накры-

вается длинный столъ, за который садится обѣдать съ своими ежедневными гостями г. Намѣстникъ. А гостями его удостоиваются быть всѣ, кого обязанности или случай приводятъ въ его боржомскую резиденцію.

Возлѣ галлереи видна небольшая лужайка, съ нѣсколькими тѣнистыми деревьями. Сюда, послѣ обѣда, переносятся стулья и переходятъ, вслѣдъ за вельможнымъ хозяиномъ, всѣ его посѣтители. Въ галлереѣ-же помѣщается небольшой оркестръ, подъ звуки котораго, въ оживленныхъ бесѣдахъ, а иногда и въ танцахъ по нарочно-укатанному среди лужайки квадратному пространству, все общество ожидаетъ сумерекъ на открытомъ воздухѣ. По другую сторону галлереи видна шумная Шавитцхали; за нею три скромныхъ деревянныхъ домика; они стоятъ въ самомъ узкомъ концѣ ущелья, почти въ томъ мѣстѣ, гдѣ Шавитцхали раждается изъ горной тѣснины, и за этими домиками уже нѣтъ болѣе никакихъ зданій. Отъ галлереи къ домикамъ протянутъ мостикъ черезъ рѣчку. Средній изъ трехъ домиковъ отличается террасой о четырехъ колоннахъ, сдѣланныхъ не изъ мрамора, даже не изъ гранита, а изъ древесныхъ стволовъ, сохранившихъ свое натуральное украшеніе—кору.... Этотъ маленькій, красивый, но чрезвычайно-скромный домикъ — лѣтнее убѣжище намѣстниковъ Кавказскихъ....

Post-scriptum.

Нынѣшнимъ, восемнадцатымъ, посланіемъ оканчиваются мои дорожныя письма къ вамъ. Мнѣ кажется, что въ нихъ я выполнилъ не все, что̀ обѣщалъ *въ первомъ* письмѣ. Но пусть будетъ мнѣ извиненіемъ во-первыхъ то, что разнообразіе предметовъ, встрѣченныхъ мною на длинномъ пути, отвлекало меня отъ моей *задачи*; а во-вторыхъ, что вообще трудно исполнить какую-нибудь задачу, пускаясь въ такое дальнее путешествіе, и не будучи вполнѣ свободнымъ располагать временемъ путешествія. Отъ 1 мая до 7 августа, то-есть въ три мѣсяца, я долженъ былъ не только проѣхать слишкомъ три-тысячи верстъ, но и отдать письменный отчетъ въ моихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ; согласитесь, что уже одно это обстоятельство составляетъ довольно трудную задачу! Поэтому, можетъ быть, простительно мнѣ несовершенное выполненіе задачь другихъ, предзаданныхъ.

Но оканчивая *извиненіемъ* мои путевыя замѣтки, мнѣ столько же жалко разставаться съ ними, сколько пріятно провести мысленную линію отъ зауральскаго Ирбита до закавказскаго Боржома. Снѣжная равнина сибирская—и вѣчно-зеленѣющія долины Грузіи; дремучіе холмы Урала — и заоблачные утесы Кавказа; быстрые переѣзды по гладкимъ дорогамъ при-уральскаго края, и медленное, опасное слѣдованіе вдоль военно-грузинской дороги, преисполненной всѣми трудностями и препятствіями, какія только можетъ создать враждебная человѣку природа; широководныя разливы русскихъ

рѣкъ, подобные морямъ, — и бѣснующіеся потоки кавказскіе.... Блѣдные наши города, едва замѣтное на огромныхъ русскихъ пространствахъ народное движеніе, — и вѣчно-шумящій Тифлисъ. Плоскіе наши пейзажи, будто блѣдною тушью рисованные, и причудливые очерки кавказскихъ мѣстностей, блестящихъ всѣми яркими красками и горящихъ всѣмъ освѣщеніемъ полуденнаго солнца. Какіе контрасты!... А наши памятники! а южныя степи! а станицы со своими населеніями богатырей! Вотъ разнообразіе и богатство посѣщенныхъ мною пространствъ неизмѣримой русской земли, въ сравненіи съ которымъ блѣдны и ничтожны всякія путевыя сенсаціи!... Какіе контрасты! Какое пространство! Всѣхъ сокровищъ этого зрѣлища касались мои письма только вскользь и поверхностно, между тѣмъ, какъ о нихъ можно и должно было-бы написать, если не поэму, то ужь непремѣнно такую статистику, какой еще нѣтъ у насъ до настоящаго времени. Пусть другіе, болѣе меня досужные и счастливые путешественники возьмутся за такой трудъ. Съ меня-же, вы знаете, нельзя взыскивать болѣе того, чего можно ожидать отъ случайнаго *проѣзжающаго по казенной надобности*.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран	*Строки.*		*Напечатано:*	*должно быть:*
3	18	сверху	Я собираюсь	и собираюсь
16	11	снизу	вина	вина
17	1	св.	и и одной	и одной
17	5	св.	хочу	и хочу
17	11	св.	трансцендеиальной	трансцендентальной
18	14	св.	безъ рукавовъ,	безъ рукавовъ:
19	5	св.	характезируютъ	характеризуютъ
22	11	сн.	у воротника съ	у воротника-съ
24	5	сн.	заплочено	заплачено
26	8	св.	аккомпаніемента	аккомпанемента
30	4	св.	передъ	предъ
34	3	сн.	полезъ	полѣзъ
43	8	св.	Балимбаиха	Билимбаиха
48	3	сн.	неимовѣрное	неимовѣрное,
76	5	св.	ни мужъ	не мужъ
—	7	св.	философія	философы
77	2	сн.	утѣшительный	утомительный
86	3	сн.	но	то
107	9	сн.	множество	множества
110	12	св.	Руссіи	Россіи
128	1	св.	за западная	западная
133	6	св.	въ тихомолку	втихомолку
157	5	св.	не менѣ	не менѣе
172	12	св.	Дагестаитскихъ	Дагестанскихъ
196	4	сн.	мостъ какъ	мостъ, какъ
207	10	сн.	Гутъ-Горы	Гудъ-Горы
209	13	св.	перевести	перевезти
212	2	св.	красивыя	красивые
227	11	сн.	развѣвающіяся	развѣвающіеся

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: JUN 2002
PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

„БУКИНИСТЪ"
В. И. Клочковъ
Литейный, 55.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 009 601 548 3